

МАСЛОВ А. А.
ЛОГИНОВА Е. С.

ЛУЧШИЕ ПРИТЧИ ДЗЭН
ОБЫЧНЫЕ ИСТОРИИ
О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ

КИТАЙСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

ЛУЧШИЕ ПРИТЧИ ДЗЭН

УДК 24
ББК 86.35
ББК 024
М31

Издание подготовлено при содействии Центра стратегических исследований Китая РУДН.

В оформлении использованы работы художника Цюань Ишэна

Маслов А. А.

М31 Лучшие притчи дзэн : обычные истории о людях необычайных / А. А. Маслов, Е. С. Логинова. — Ростов н/Д : Феникс ; Краснодар : Неоглори, 2009. — 342, [10] с. : ил. — (Китайская коллекция).
ISBN 978-5-903875-95-5 (ООО «Неоглори»)
ISBN 978-5-222-15377-2 (ООО «Феникс»)

Как достичь просветления благодаря лишь одному слову? А благодаря молчанию? Для озарения мудростью не надо сложных методик — достаточно лишь успокоить свое сердце, очистить сознание и... оказаться рядом с достойным наставником. Именно в этом суть знаменитого восточного учения Дзэн (Чань). Книга представляет собой сборник лучших средневековых притч и рассказов о китайских мастерах Чань-буддизма, вошедших во многие классические произведения: «Застава без врат», «Записи о передаче светильника», «Речения с Лазурного утеса», «Престольная сутра Шестого патриарха». Издание также включает в себя рассказ об истории становления жанра чаньских речений «юйлу» и «парадоксальных диалогов» — коанов (гуньаней), о способах тренировки сознания дзэнских монахов.

УДК 24
ББК 86.35

ISBN 978-5-903875-95-5
(ООО «Неоглори»)
ISBN 978-5-222-15377-2
(ООО «Феникс»)

© Маслов А. А., Логинова Е. С.,
перевод, 2008
© Маслов А. А., предисловие, 2009
© Оформление.
ООО «Неоглори», 2009
© ООО «Феникс», 2009

ЧАНЬСКИЕ РЕЧЕНИЯ: ПРОБУЖДАЮЩИЕ ГОЛОСА

Достаточно лишь мне от плетки!

Как-то один прохожий пришел к Будде и спросил: «Можете ли Вы поведать мне об истине, не используя слов, но и не отбрасывая слова?»

Будда остался в молчании.

Человек поклонился и поблагодарил Будду: «Благодаря Вашему высочайшему милосердию я избавился от всех пут и иллюзий и вступил на Путь».

Когда человек ушел, ближайший ученик Ананда спросил у Будды:

— Так почему же он прозрел?

— Хорошая лошадь пускается вскачь лишь при виде тени от плетки! — ответил Будда.

Отличная иллюстрация из чаньского сборника «Застава без врат»: самое сокровенное и тонкое всегда передается вне слов, жестов и трактатов! Но значит ли это, что достаточно побыть рядом с мастером, посмотреть, как он многозначительно молчит — и тотчас прозреть всю глубину бытия? Конечно — нет. Важно, чтобы сознание человека само было подготовлено к этому, а мастер лишь дает небольшой толчок. Ведь, следуя основной мысли этого диалога с Буддой, можно сказать: не всякая лошадь понимает смысл «тени от плетки», а лишь хорошая. Вот эти «толчки сознания» (чаньский мастер назвал бы их «подзатыльниками» или «оплеухами нерадивому ученику») и передают нам многочисленные диалоги, которые приведены в данной книге.

Обычно такой жанр стало принято называть в западной литературе «коанами» и трактовать их как «парадоксальные диалоги дзэнских мас-

теров». Насколько они «парадоксальны» и являются ли «загадками» для кого-то еще, кроме досужего западного читателя, мы поговорим чуть ниже. Пока же заметим, что «коан» — привычное для западного читателя японское обозначение дзэнских (чаньских) коротких диалогов, а по-китайски этот жанр звучит как «гунъань».

Другое название того же жанра — «цзиэфэн юй», дословно «речи, словно отточенный клинок» или «стремительные речи», очень точно передает яркий характер этих диалогов. Обмен фразами, выкриками, жестами похож на короткую, порою яростную схватку, при которой никто ничего не теряет, но лишь обретает.

Традиция гунъаней — не просто особая часть восточной литературы, это часть восточноазиатского парадоксального мышления, когда необычное становится нормой и когда обыденное превращается в парадоксальное. Возможность перевернуть весь мир с ног на голову и обратно, вывернуть его наизнанку, поиграться с ним и опять поставить обратно становится важнейшим методом воспитания сознания.

Дословно «гунъань» означает «общественные записи» или «общедоступные записи о типичных случаях». Уже в период позднего средневековья точное происхождение этого термина было не очень понятно, так китайский интеллектуал и ученый Чжунфэн Минпэнь (1263–1323) предполагал, что «гунъань» является стяжением от выражения «гун фу чжи аньду», распространенного в Китае в период Тан в V–VII вв., что можно перевести как «общественные записи о типичных случаях». И это в известной степени восходит к юридическому термину, указывающему на судебные прецеденты. Действительно, гунъани — это прецедентные случаи, на основе которых строится вся дальнейшая практика.

Дословно «ань» обозначало стол, за которым сидел судья — «гун». В целом сравнение чаньской практики обучения через диалоги с китайской судебной системой очень точное: ученик и учитель воспроизводят нечто типологическое, причем как типологически точный ответ, так и характерную ошибку — и то и другое служит матрицей для воспитания последующих поколе-

ний учеников. Вообще система внезапных вопросов, на которые мастер ожидает услышать правильный ответ, действительно в известной мере воспроизводит юридическую практику средневекового Китая, где судебное решение нередко принималось не в результате расследования, а как результат заслушивания ответов подсудимого. По сути, способность подсудимого точно показать правильную грань реальности (или «правильную для себя» — кто знает, где эта реальность?!) напрямую соотносилась с тем, признают его виновным или нет.

Первые большие собрания гунъаней составляются наставниками Хуанбо Сиюнем (720—814) и Юньмэнем (864—949) — и именно в них впервые используется понятие «гунъань» в следующем контексте: «Твой случай абсолютно ясен (цинчжэн гунъань), так дай же я отвешу тебе тридцать оплеух». Таким образом наставники как бы проводят «суд» над слабыми способностями своих последователей и выносят «приговор» — в данном случае задают хорошую трепку своим нерадивым ученикам.

Строго говоря, сборники гунъаней являются частью особого литературного жанра, называемого «юйлу» (дословно «высказывания и речения» или «речения и обсуждения»). Юйлу представляли собой сборники высказываний чаньских учителей, их диалоги с учениками, отрывки их проповедей, биографии, примечательные эпизоды из жизни. Все эти высказывания и факты, начиная с VII века, сводились воедино мозаичным образом, нередко без всякого хронологического порядка и вне ясной тематики. В известной степени такой жанр повторял народные рассказы, исторические анекдоты и забавные побасенки. Обычно юйлу составлялись прямыми учениками наставника, которому посвящался трактат. Объем таких произведений мог быть самым разным, поскольку никакой фиксированной формы они не имели, некоторые представляли собой лишь один цзюань («свиток») в несколько страниц, другие состояли из трех—четырех, а порою и десятков цзюаней.

Некоторые китайские авторы считают, что юйлу — это лишь словесная часть гуанъаней, в

то время как гунъани могут включать не только разговор, но и различного рода действия: поступки, жесты, например, удары, шлепки. Мы же рассматриваем *юйлу* как особый литературный жанр, описывающий специфическую культуру диалога (в том числе внесловесного), распространенного в чаньских школах. И в этом плане высказывание какого-нибудь чаньского мастера ничем не отличается от внесловесного, но при этом вполне явственно идущего диалога между несколькими людьми.

С самых первых моментов своего развития учение Чань сразу же заявило о себе как об особом направлении, базирующемся на созерцательной, медитативной практике, что собственно и обозначал сам иероглиф «чань» (или «чаньна» — транслитерация от санскритского «дхиана»). Формально Чань, как одно из ответвлений буддизма Махаяны зародился в Китае в самом начале VI века: именно в этот момент в Китай из Индии приходит 28-й патриарх буддизма Бодхидхарма, который проповедовал «взирание внутрь своего сердца» как основу очищения

сознания и за счет этого — «обнаружение Будды внутри себя». В реальности же созерцательный буддизм (в противоположность «буддизму монастырских правил» и «буддизму трактатов») был составной частью этого учения с самого момента своего зарождения и во многом был связан с ранней индийской йогической и джайнистской практикой. Уже в самой Индии, еще до прихода этого направления в Китай, выделилось направление «учителей Ланкаватара-сутры» — наставников, которые использовали в своей практике постулаты, изложенные в «Ланкаватаре-сутре», составленной в IV—V вв. Сама эта сутра передавала несколько философских диалогов, которые Будда имел с несколькими последователям на «горе Ланка» (на острове Цейлон или на Шри Ланке). Эта сутра и легла в основу «созерцательного буддизма», и была неоднократно переведена на китайский язык разными авторами: сначала Дхармараксой в 412—433 гг. (этот перевод не сохранился), Гунабхадрой в 433 г., Бодхидручи в 513 г., Сиксанандой в 700—704 гг., при этом объем

переведенного текста был разный (состоящий соответственно из 4, 10 и 7 «свитков»-цзюаней). По преданию, именно этот текст активно использовал в своей практике Бодхидхарма, который ввел сутру в регулярный монашеский оборот.

Бодхидхарме же приписываются и четыре основных постулата Чань: «Не опираться на письменные знаки», «Не передавать учение вовне», «Непосредственно взирать на свое сердце», «Прозревая свою изначальную природу, стать Буддой». Впрочем, нередко те же принципы приписываются и самому Будде, но, в целом, их происхождение для нас здесь не особенно важно — главное, что разные школы китайского буддизма, которые и стали постепенно обобщаться под названием «Чань», положили в основу своей практики принцип прямого, непосредственного ничем (в том числе и чтением священных текстов) «прозрения своей чистой природы», «прозрения изначального сердца». Вся практика сводилась, по сути, к обнаружению своего изначального лица, существовавшего еще до того

момента, когда повседневная жизнь и социальная среда замутили наше сознание. И в этом состоянии человек уже ничем не отличается от Будды — ни по своим изначальным, данным ему при рождении свойствам, ни по своей роли в этом мире. Итак, достаточно лишь очистить сознание. Но как?

Ведь всякий текст, пускай даже священный, может быть понят неправильно, комментарии на него, пускай составленные древним мудрецом, могут еще дальше увести нас в сторону или, того хуже, создать иллюзию того, что все прочитанное — и есть наши личные мысли. Читая тексты, человек уподобляет себя их героям, имитирует их слова, поступки, то есть занимается не столько духовной практикой, сколько подражательством. Конечно, существует немало методов в буддийских школах для того, чтобы правильно истолковать текст, дать его относительно точное понимание. Но опасность запутаться в текстах по-прежнему велика, и единственным критерием истинности может выступать лишь чистое спокойное сознание

самого человека. Да и нужны ли для этого священная сутра, долгая молитва или возжигание благовоний — ведь в чистом сердце изначально содержится все понимание мира. А поэтому «не стоит опираться на письмена», — говорят учения Чань. «Прямо взирай на собственное сердце!» — призывают они. Все остальное — лишь подпорки, побочные средства, которые могут как помочь, так и увести в сторону.

Надо остаться один на один со своим сердцем и через медитацию очистить его — тогда и всякое действие будет безошибочным. Проблема выбора в жизни отпадает сама собой, неразрешимые вопросы исчезают навсегда, они просто не поднимаются в твоём сознании.

«Созерцая свое сердце, стать Бугдой»

Чань, или Дзэн, казалось бы, самое известное восточное учение, о котором рассказано

уже очень многое. И при этом Чань — молчаливый, неразговорчивый, далекий от рассуждений и интерпретаций. Он не требует размышлений или мучительных раздумий. Он лишь показывает нам, что надо прийти к той точке, где, как сказано в одной из историй: «Там, где умолкают звуки, открываются врата к познанию учения Чань». И все подобные истории — явные указатели на это место, где кончаются не только звуки и рассуждения, но вообще любые внешние проявления.

Об этой мудрости нельзя поведать напрямую, ее нельзя украсть или подслушать. Но о ней можно прокричать так оглушительно громко, что у других заложит уши, и они ничего не услышат. А разве не так и делается в гуньянях?

Методом воспитания и одновременно проверки являются эти короткие диалоги — гуньяни, это причудливые истории — *юйлу*, в которых и твоя мудрость, и твое замутнение сознания проявляются сразу и самым очевидным образом. Если понимание текста сутры можно сымитировать, процитировав, например,

чей-нибудь комментарий, то в коротких диалогах все происходит на личностном уровне. Здесь имитировать нечего и невозможно, каждый случай уникален и отражает состояние сознания конкретного человека. И одновременно это — не частное мнение некоего наставника, это абсолютная метафора истинного понимания о мире, просто выраженная в форме, понятной ученикам.

Одним из первых произведений раннего жанра *юйлу* стала «Сутра помоста Шестого патриарха», рассказывающая о патриархе Чань Хуэйинэне (VII в.). В этом тексте сочетаются сразу несколько традиций, поскольку *юйлу* как жанр в тот момент только-только зарождался. Прежде всего, в «Сутру помоста» включено несколько несвязанных между собой по стилистике частей (догматические и весьма сложные проповеди, автобиографическое изложение жизни самого Хуэйинэна, его беседы с учениками). Если догматическая часть во многом тяготеет к классическим буддийским сутрам, где методично излагается буддийское учение с использованием того понятийного аппарата,

который может быть понятен только посвященным, то беседы с учениками и гостями — это уже прообраз классических *юйлу* — ярких, образных и афористичных.

Постепенно догматические рассуждения уходили из записей бесед чаньских последователей о жизни их учителя: значительно больший интерес привлекало то, как такие наставники действовали и говорили, а не то, как пересказывали буддийскую традицию. Так зарождается уникальный духовно-философский жанр, которого до этого ни буддийская, ни какая иная восточноазиатская традиция не знала, — изложение внутренней сути учения не через поэтапное описание его постулатов (а именно таковым было собрание индийских буддийских текстов «Трипитака»), а исключительно через личный опыт мастера-наставника. Все учение, по сути, излагалось в коротких диалогах!

Возникновение жанра *юйлу* именно в рамках чаньской традиции легко объяснимо. Именно с VI–VII вв. чаньские учителя объявляют несколько постулатов, вокруг которых строятся

все их дальнейшие проповеди. Основная идея заключалась в том, что в сердце или душе человека уже изначально присутствует буддийская природа (фо син), то есть любой человек аналогичен Будде по всем своим свойствам. Поэтому задача заключается в том, чтобы «взирая на свое сердце, пробудить в себе Будду», а основные принципы гласили: «Непосредственно взирать на природу своего сердца» (*чжэнь цзянь синь син*), «стать Буддой через внезапное откровение» (*дунь у чэн фо*), «передавать учение от сердца к сердцу» (*и синь чуань синь*). А поэтому, как учил Хуэйцзэн в «Сутре помоста», «если просветление требует лишь пробуждения сердца, то к чему искать сокровенное где-то вовне? Лишь услышав об учении, занимайся духовной практикой, и тогда запад (то есть буддийский рай. — А. М.) окажется прямо перед тобой». По сути, это означало, что весь огромный массив буддийских ранних текстов, прежде всего сутры и комментарии к ним (шастры), утрачивали первостепенное значение. Трактат терял свою сокровенную сущность, оказываясь лишь

разводами туши на бумаге, а его место занимали деяния реального чаньского наставника, которые служили своеобразной матрицей поведения и построения сознания учеников.

Конечно, сутры не отрицались вовсе, например и Хуэйцзэн, и Мацзу, и Наньцзюань высоко ценили «Алмазную сутру», «Сутру высшей мудрости» («Праджня-парамита-сутра»), но основное обучение проходило не через них, а через реальные поступки, через очищение сознания посредством медитации. Догматическое знание, связанное, в частности, с буддийской логикой и вероучением, становилось вторичным относительно самостоятельной практики созерцания. В некоторых школах такое отрицание классических текстов доходит до логического абсурда, например, наставник Линьцзи призывал к уничтожению сутр вовсе (хотя сам не уничтожил ни одной, и такой призыв был для него было скорее «фигурой речи»), а одно из традиционных изображений патриарха Хуэйцзэна показывает его, рвущим в клочья сутры. На смену суховатым догматическим рассуждениям, отдаленным рассказам о неких индийских

учителях, которые были не очень близки обычному китайскому последователю, приходят «свои» герои — чаньские мастера.

Постепенно изменяется и сам характер гунъаней — это уже не только характерные случаи из жизни чаньского сознания и тем более не просто забавные истории. Они превращаются в особого рода «темы для медитации», которые не требуют никакого решения или ответа — это просто отправная точка для погружения в трансцендентальные области сознания. И как следствие гунъаны превращаются в часть особого рода медитационной техники, в частности, именно таковыми они становятся в школах, берущих свое начало от традиции мастера Мацзу Даои. Еще больше «медитационно-технический» аспект гунъаней усиливается в Японии, где они становятся едва ли не самым популярным способом воспитания учеников. Этим, в частности, прославился знаменитый японский мастер Догэн Кигэн (XIII в.), основатель крупнейшей секты Сото дзэн-буддизма. Догэн заимствует эту технику у китайских наставников Чань в провинции Чжэцзян, где он

обучался долгое время. Догэн даже был поражен, увидев, что буддийские сутры больше не играют в местных школах столь же важной роли в обучении монахов, как гунъаны. По преданию, удивление и несогласие Догэна с этой практикой было столь велико, что он даже отказался перенимать учение у своего наставника и ушел через некоторое время в горы Тяньдуншань в провинции Нинбо к другому наставнику — Тринадцатому патриарху секты Цаодун — Жуцзину.

В юлу настоящее действие разворачивается как бы за пределами самого текста — этот принцип и лежит в основе всякого гунъаня. Поскольку Чань провозгласил, что «учение передается вне слов и письменных знаков», то может показаться, что он сам загнал себя в тупик из-за не только невозможности хоть как-то поведать о содержании этого учения, но и зафиксировать его в истории — ведь в этом случае составление текстов оказывается просто невозможным.

Первичное учение Чань делает упор на преобладающий характер «сердца», или «души» (синь), как средоточия всей изначальной незамутненной

природы человека. Ранний принцип созерцательных школ буддизма гласил: «Будда — в твоём сердце». Но этого, кажется, мало, учителя проповедуют абсолютную неразличимость между состоянием Будды и сердцем, или душой, любого человека. Будда не просто «в сердце»: «Твое сердце и есть Будда», — утверждают наставники VII–VIII вв., такие как Хуэйинэн, Мацззу, Наньцюань и многие другие, которые за счет своих диалогов с учениками стараются избавить их от всех пут, которые порождаются наличием тела, а также чувств и ощущений, связанных с ним.

Но наставники X–XII вв. идут еще дальше. Надо не только «отбросить тело» и обнаружить в себе «чистое сердце», которое и есть «природа Будды», но дойти до логического предела самоопустошения. Так, школа Цаодун провозглашает необходимость «избавиться и от тела, и от сердца» или, дословно, «сбросить с себя и тело, и сердце» (шэнь синь толо).

Но сам по себе принцип «внесловесной передачи» отнюдь не явился «изобретением» Чань,

он был изначально заложен в самом классическом буддизме, еще в его «индийской версии». В чаньских сборниках *юйлу*, например, «В записях о передаче светильника» (XI в.) часто приводится притча о передаче Буддой Шакьямуни учения своему ближайшему последователю. Будда перед уходом в окончательную нирвану попросил ближайших учеников выразить суть его учения, но ни одним ответом не был удовлетворен. Расстроенный Будда выронил из руки цветок, и его ученик Махакашьяпа вместо долгих рассуждений о сути учения просто поднял этот цветок и с улыбкой протянул Будде. Именно Махакашьяпа, уловивший, что суть буддизма — не в объяснениях, а в состоянии души, которое можно передать вне слов, и стал Первым патриархом буддизма. Классическое чаньское «Изначальное собрание пяти светильников» так передает последнее завещание Будды: «Я обладаю хранилищем ока истинного закона, сутью сокровенной нирваны, проявлением вне проявлений, вратами дхармы к тончайше-сокровенному. Не опирайтесь на письмена, не передавайте учение вовне — это я и поручаю Махакашьяпе».

Естественно, другие направления буддизма, например Тхеравада («Малая колесница»), по-другому описывали последние наставления Будды, хотя многие упоминают акт «передачи цветка» как передачи патриаршества. Но для Чань важным стал именно момент внесловесной передачи учения, а также завещания «не опираться на письмена» и «не передавать учение вовне» — это два важнейших принципа из четырех базовых чаньских постулатов, который затем приписывались и Бодхидхарме.

Чань обнаружил удивительный парадокс на пути к просветлению: нет никакой разницы, чем ты занимаешься, являешься ли монахом или мирянином, какое конкретно учение исповедуешь. Важно лишь одно — чистота твоего сердца-сознания, незатронутость его «путами мира», которое и является критерием истинности твоего поведения.

На фоне подобных рассуждений любой священный текст лишь создает иллюзию собственного знания, и в этом смысле он оказывается вреднее, чем любое ложное учение. Как ярко

говорится в предисловии к собранию сочинений чаньских авторов «Изначальное собрание пяти светильников» («У дэн хуэй юань»): «Ценность всего великого собрания Трипитаки — не больше, чем у клочка испачканной бумаги». Ценность имеет лишь личный опыт, личное открытие, переживания и даже личная ошибка. Все это проявляется в поступке, а поэтому Чань выступает как учение о практической деятельности, а не о религиозной традиции. Каждое действие есть лишь еще одно испытание состояния своего сознания, каждое твое высказывание — проявление чистого сознания.

Юйлу нередко называют «диалогами-загадками», что в данном контексте не совсем верно. Точнее — совсем не верно. Такой диалог может представляться «загадочным» или «парадоксальным» только для внешнего наблюдателя, который не вовлечен в сам чаньский дискурс, не способен уловить того, что стоит за стремительным обменом слов, жестов, поступков, а по сути — энергий. В сущности, здесь нет ничего загадочного, несмотря на кажущееся отсутствие

логики. Ведь основная задача не в том, чтобы дать по-школьному четкий ответ на вопрос, например, «Что такое Будда?» или «В чем сущность прихода Первого патриарха Бодхидхармы с Запада?», а в том, чтобы проверить себя или натолкнуть ученика на размышления.

И в этом смысле в Чань абсолютно отсутствует догматика. Если еще у чаньских наставников VI—VII вв. мы видим рассуждения о «скандах», «формах познания действительности», то уже к эпохе Сун, к IX—X вв. все это остается лишь как форма «внутреннего обучения» в буддийских школах, в то время как чаньский фольклор, постепенно превращающийся во вполне традиционный жанр народных исторических анекдотов «о людях необычайных», становится неким «общедоступным Чань».

И все же в отличие от того, что обычно принято думать о гуньянях, они не представляют собой ни «особого рода загадку», ни некую головоломку, которую необходимо разгадать. Да, действительно, гуньянь не предусматривает никакого формального ответа: ведь настоящий диалог

развивается как бы за пределами слов, беседа здесь похожа на перебрасывание не столько словами, сколько мыслями, жонглирование пространствами и образами. На уровне слов это воспроизвести невозможно, да и не нужно. Гунъань — проверка внутреннего понимания того, что достигается в процессе чаньской тренировки.

И в этом плане гунъань столь же опасен для вопрошающего мастера, равно как и для отвечающего ученика. Это проверка их обоих.

Правильного ответа здесь нет и быть не может — ответ правилен только в данной конкретной ситуации и для данных собеседников. Даже если ученик дает теоретически (и догматически) правильный ответ в соответствии со всеми канонами жанра, но не понимает его сути, он рискует быть названным «попугаем», «ослом, что пытается подражать человеку» или просто получить удар палкой. Вот пример разных ответов на один и тот же вопрос. Примечательно, что в сборнике «Собрание речений просветленного чаньского учителя Сюэду, полного истинной мудрости и пресветлого воспри-

ятия» («Чжэнчжи минцзюэ Сюэду сянь чаньши юйлу», XVI в.) они идут один за другим:

Как-то монах спросил наставника Юньмэная:

— Что же такое в конечном счете Путь, выраженный в одном слове?

— Полное уничтожение!

В другом случае наставник Вэньчжоу на тот же самый вопрос отвечает монаху: «Это — я, старый монах, спрятавшийся на самом дне чаши для сбора подаяний».

Какой ответ правильный? Любой. И ни один из них. Он правилен только в данной ситуации и для конкретного мастера. Если он будет повторен другим последователем, это окажется лишь обесмысливанием изначального глубокого личного переживания действительности. И в ответах мастеров нет никакой загадки, если войти в контекст их диалога. Так, Юньмэнь, отвечая на вопрос, указывает, что если мы поймем, как выразить смысл Пути-Дао лишь в одном слове, то это будет означать полное уничтожение, абсолютную аннигиляцию всех иллюзий, заблуждений.

Вэньчжоу говорит одновременно и о другом, и о том же самом: нет никакого «Пути, выраженного одним словом» за пределами личности учителя. Нет вообще ничего, кроме нашего личного восприятия действительности, и монах, укрывший себя «на самом дне чаши для подаяний», то есть скромный и неприметный человек, может символизировать собой всю полноту реальности.

Ну, а если кто-то из нас даст подобный ответ на этот вопрос — как он будет воспринят окружающими? Думается, не очень адекватно. Ведь ответ должен соответствовать личности отвечающего, его внутреннему опыту. И именно это соответствие ответа внутреннему переживанию и является критерием его истинности, отражения чистоты сознания.

Чань — очень практичное учение. Из любого философского постулата, из любых рассуждений он всегда делает практичный и вполне земной вывод. Уносясь ввысь в хитросплетениях слов и неожиданных диалогах, он всегда приземляется прямо на наш нынешний момент существова-

ния. Пожалуй, это идеал философии — ни одна мысль не может быть абстрактной. Монах задает сотни вопросов, представляясь мудрым и вполне подготовленным к восприятию истины, — а в ответ получает совет помыть пиалу или доест свой завтрак.

Вместе с этим традиция предусматривала некие канонические ответы с оговоркой на то, что они были точными только для некой конкретной ситуации и для конкретного состояния сознания. Такие «нормативно-удачные» ответы в виде диалогов и помещались в сборники, которые составили целый пласт чаньской литературы.

Безусловно, гунъань — метафора восприятия действительности, где сама видимая реальность не важна — важнее наше отношение к ней.

Сам смысл гунъаней вытекает из основной идеи Чань: учение подвижно, лабильно и не имеет постоянной формы. Оно не имеет ни постулатов, ни стабильных форм богослужения. Чань не выразим словами, не излагаем в трактатах. Единственным способом уловить суть Чань является обучение у наставника или наблюдение за

характером поведения мастеров, что, собственно, и изложено в гунъанях. Читатель или наблюдатель не обязан понимать суть происходящего, всех этих шлепков, выкриков или неожиданных ответов, но он должен верить, что за этим скрывается какая-то «пружина Чань» (чань цзи).

Собрания чаньских речений: эхо шагов мастеров

Большая часть *юйлу* записывалась, как редко считается, учениками известных чаньских мастеров и появлялась в течение одного поколения после смерти самого мастера, что лишь отчасти верно. Обратим внимание: подавляющее количество *юйлу* и гунъаней относится к наставникам, которые жили в VII–IX вв., собрания *юйлу* стали появляться к XI–XII вв., то есть иногда через столетия после жизни самих мастеров. Естественно, за этот период они дополнялись, перерабатывались и конечно же в данном случае аутентичность

высказываний таких великих чаньских наставников, как Хуэйинэн, Мацзу, Чжаочжоу, Линьцзи может быть поставлена под некоторое сомнение.

Всего, как считается, существует около 1700 различных *юйлу*, оформленных в виде гунъаней, из них активно в чаньской практике используется около 500—600. Многие гунъани являются повторением друг друга с несколько измененными именами героев. Большинство же классических школ Чань, например Линьцзи-цзун, использовали не более десятка основных историй для медитации и считали слишком большое количество гунъаней просто излишним для раскрытия сознания. Такие истории из жизни известных наставников обобщались в виде сборников, которые включали не только сами диалоги, но и короткие биографии чаньских наставников.

Чаще всего классическая структура гунъаня предусматривает беседу между наставником и учеником или учениками. Но бывают и другие формы, например, рассказ о поступке наставника или, как «антипример», рассказ о поступке нерадивого монаха. Нередко гунъани, где основным

героем является Будда и его прямые ученики, например Ананда. Эти истории вычленились из изустных сутр индийского происхождения и обрели уже самостоятельную жизнь в виде «тем для медитаций в чаньских школах».

Расцвет этого жанра приходится на эпоху Сун: именно тогда *юйлу* превращаются из средства обучения монахов в особый литературный жанр. В тот период их именуют по-разному, например, «нянь гу» (дословно «ухватывать древность», «использовать прошлое в качестве примера»), «сун гу» («восхваление древности»). Это и были первые упорядоченные списки гунъаней, и, как видно даже из названия данного жанра, они следовали китайской традиции «поиска прецедентов в древности». Высказывания чаньских мастеров были превращены именно в собрание «прецедентных случаев», по которым следовало учиться чаньским последователям, и это перекликалось и с самим названием «гунъань» как собранием «судебных случаев», о чем мы уже говорили выше.

Но сами «прецедентные случаи из древности» могли «заиграть» только в обрамлении

традиционных комментариев, которые также составлялись известными чаньскими мастерами. В ряде случаев собрание *юйлу* отличались друг от друга именно комментариями, в то время как сами изначальные высказывания — *нянь гу* были одними и теми же. Такие комментарии на гунъани обычно именовались «пин чан» — «обсуждение высказываний» или дословно «обсуждение выкриков», или «цзи цзе» — «собрание ударов».

Существует и категория неких «фундаментальных» гунъаней — вопросов, которые повторялись из поколения в поколение многими наставниками и имели сотни «правильных ответов», например: «В чем смысл прихода Бодхидхармы с Запада?», «Что такое хлопок одной рукой?», «Где ты был до своего рождения?» или «Где ты был, когда тебя еще не было?» Гунъани такого типа выступают как метаформы или деноминаторы всего смысла Чань.

Количество собраний чаньских *юйлу* росло от эпохи к эпохе, увеличиваясь в основном за счет новых комментариев. Всего с эпохи Тан

(V–VII вв.) до середины Цин (XVIII в.) возникло более 300 таких собраний, некоторые из них насчитывали сотни томов, другие же вполне обходились одним «свитком»-цзюанем в десяток страниц. Ряд собраний ценился только в отдельных школах или вообще представлял собой «закрытую традицию», особенно в плане их мистической трактовки, другие же стали широко известными и шагнули за пределы Китая, прежде всего в Японию и Корею.

Собрания *юйлу* можно разделить на «персональные», которые описывали высказывания и проповеди конкретного чаньского учителя и его ближайших учеников, и «собрания», или «компендиумы», которые сводили воедино несколько «персональных» *юйлу*, а также добавляли к ним комментарии нескольких поколений мастеров.

Большинство компендиумов именовалось «Записями о передаче светильника» — «Чуань-дэн лу». Нередко ошибочно считается, что речь идет об одном трактате или одном собрании, в действительности же это — собирательное название для целого типа компендиумов, ставших

популярными в XI–XIII вв. Именно в этот период выстраивалась каноническая история развития Чань, в «Записях о передаче светильника» составители пытались свести воедино и обнаружить связь между различными школами буддийского созерцания, которые изначально не были связаны между собой ни исторически, ни по методам практики. Именно здесь впервые обретает стройный вид концепция линии «Патриархов Чань», Первым из которых стал считаться Бодхидхарма, последним, Шестым патриархом, Хуэйинэн. И хотя «Записи о передаче светильника» упоминали и других наставников созерцания, живших еще до Бодхидхармы, некоторые из которых приходили из Индии (например, Двадцать седьмой патриарх буддизма Гунабhadра), многие ранние чаньские наставники были как бы отброшены в сторону, дабы «спрямить» линию прямой «передачи светильника» истинной традиции.

Суть подобных собраний была не только в том, чтобы сохранить для последующих поколений яркость сознания древних мастеров, но показать, что Чань несет в себе древнейшую

истину просветленного сознания, при этом не имея ни единых методов практики, ни форм поклонения, ни единой теории — все зависит от чистоты сердца мастера. Именно поэтому подобные собрания назывались также «Записи о светильнике» («Дэн лу») или «История светильника» («Дэн ши»).

Исторически первым подобным компендиумом стали «Собрания из зала патриархов» («Цзу тан цзи», 952 г.), которые потом вошли в классическое собрание «Записей о передаче светильника».

Самым большим собранием чаньских *юйлу* стал компендиум «Цзиньдэ чуаньдэн лу» — «Записи о передаче светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ». Они увидели свет в 1004 г., и их составителем выступил буддийский монах Даюань. Это был колоссальный труд, который давал краткие биографии и описывал диалоги и высказывания 1701 чаньского наставника, охватив 52 поколения учителей. В 1029 г. появляется собрание «Записи о широчайшем светильнике Небесных мудрецов» («Тянь

шэн гуан дэн лу») в 30 цзюаней, составленные Ли Даоцином, которые по своему содержанию не сильно отличались от «Записей о передаче светильника, составленных в годы правления Цзиньдэ». В 1101 г. в свет выходит «Продолжение записей о передаче светильника, составленное в годы Цзяньчжун Цзинго». Его составителем стал монах Вэйбай, который во многом копировал стиль известного буддийского автора Даюаня, написавшего «Продолжение жизнеописаний достойных монахов», а поэтому Вэйбай решил использовать аналогичное название.

Четвертое «собрание светильника» в 30 цзюаней увидело свет в 1183 г. под названием «Важнейшее собрание связанных речений о светильнике» («Лянь дэн хуэйяо»), составителем которого стал монах Юймин. Наконец, последнее крупное собрание «Записи о всеобщей передаче светильника годов Ситай» («Ситай пу дэн лу») в 1201–1204 гг. составляет монах Чжэншоу.

Всего эти пять собраний насчитывали более 150 цзюаней, или «свитков», и представляли

собой компендиум практически всего, что донесла до этого времени письменная и устная традиция о чаньских мастерах. В 1252 г. все пять собраний были сведены под единым названием «Изначальное собрание пяти светильников» («Удэн хуэйюань»).

В основе этих «Собраний светильника» лежали более ранние истории, которые описывали деяния и высказывания отдельных мастеров.

Популярность гунъаней становилась тем больше, чем шире они проникали в народный фольклор и литературу. По сути, они полностью соответствовали традиции «исторических анекдотов», которые рассказывали о «мудрых правителях», «отважных генералах» и где действовали, строго говоря, не столько исторические герои, сколько идеальные типажи традиции, тем самым напоминая китайский театр с фиксированными характерами персонажей. Не случайно, несмотря на большое количество чаньских учителей, действовавших в период китайского средневековья, излюбленными героями гунъаней стали не более двух десятков наставников: Мацзю и его ученики

Наньцюань и Байчжан, ученики Наньцюаня — Чжаочжоу, Даоу, Дуншань и некоторые другие. Китай любит некие «типоформы» культуры, дающие нам образчики «правильного» или «нормативного» поведения, которое может быть при всей своей «нормативности» весьма разнообразным и ситуационным. Вот эту переменчивость «истинного поведения» и обыгрывают гунъани.

Как уже отмечалось, первые большие сборники чаньских юйлу начинают составляться в VIII–IX вв. мастерами Юньмэнем, Хуанбо Сиюнем и другими. Большой трактат «Сто историй, восхваляющих древность» («Сунгу байцэ»), составляет мастер Сюэдоу Чжунсянь (980–1052). В него он включает 82 истории из уже вышедшего к тому моменту сборника «Записи о передаче светильника годов Цзиньдэ», а остальное — из сборника «Обширные записи, составленные Юньмэнем» («Юньмэнь гуанлу») мастера Юньмэнь Вэньяня (864–949).

Одним из самых блестящих сборников гунъаней являются «Речения с Лазурного утеса» («Би янь лу», 1125), в основе которых лежало

собрание Сюэдоу Чжунсяня. Его расширил Юаньбу Кэцинью (1063—1135) на основе высказываний своих учителей Чэньцзюй Мучэ и Уцзю Фаяня (XI—XII вв.) Это был один из первых «практических» сборников *юйлу*: высказывания, собранные в нем, представляли собой не просто поучительное собрание мудрости неких чаньских наставников, но рассматривались как темы для медитаций. Сам Юаньбу советовал «взирать» или «прозревать» (кань, гуань) смысл *юйлу* и именно с этой эпохи начинается «медитационное» использование гунъаней в различных школах.

«Речения с Лазурного утеса» стали краеугольным камнем процесса придания гунъаням характера «тем для медитаций». В отличие от других сборников *юйлу* эти «Речения» были уже составлены по определенному плану, каждая история сопровождалась комментариями нескольких мастеров, и все вместе это производило на читателя и медитирующего очень глубокое впечатление. Одна из историй рассказывает, как знаменитый японский мастер и основатель школы Сото-дзэн Догэн (кит. Даоюань, 1200—1253) во время своего

обучения в Китае ровно за ночь до отбытия на родину в Японию открыл впервые «Речения с Лазурного утеса». Он был настолько поражен ими, что всю ночь переписывал их от руки.

Последователь Юаньбу наставник Дахуэй Цзунгао (1089–1163), развивая идеи своего учителя, составляет множество посланий своим ученикам, где советует как можно активнее использовать гунъани для медитативной практики. Предание утверждает, что Дахуэй однажды заметил, что его ученики слишком много уделяют внимания поискам интеллектуальных, рассудочных ответов на вопросы, содержащиеся в *юйлу* его учителя, и после этого он сжигает деревянные печатные доски, с которых печатались страницы «Речений с Лазурного утеса». Пусть теперь все передают изустно!

Наступает расцвет эпохи гунъаней, один за другим появляются сборники чаньских *юйлу*. Мастер Хунчжи Чжэньцзюэ (1091–1157) издает «Спокойные записи» («Цунжун лу»), состоящие из ста историй. В середине XIII века увлечение составлением сборников приходит и в Японию,

мастер Догэн издает сборник китайских коанов «Сёбогэндзо» (кит. «Чжэнфа яньцзан») — «Хранилище истинного взора Дхармы», куда включает 301 историю.

Японские мастера делают из иллюстраций «чаньского поведения» настоящую методiku обучения. Конечно, обучение по гунъаням существовало и в Китае, например, в школах провинции Чжэцзян, Цзянси, но этот способ никогда не был преобладающим — таковым он становится лишь в Японии. Школа Линьцзи-цзун (яп. Риндзай) высоко ценила чаньские сборники «Застава без врат», «Речения с Лазурного утеса». Более того, именно истории из «Заставы без врат» стали основными темами для медитаций и бесед в этой школе.

В XIII веке появляется одна из самых известных коллекций гунъаней «Застава без врат» («Умэнь гуань»), составленная чаньским наставником Умэнь Хуэйкаем (1183–1260). Хуэйкай умело использовал в названии коллекции свое имя, поэтому название произведения можно перевести как «Застава без врат», так и «Застава

наставника Умэня». Он составлял это собрание в течение нескольких лет, а опубликовано оно было в 1228 году. Это — уже вполне «авторское» произведение. Несмотря на то, что Хуэйкай использует хорошо известные к тому времени не только в чаньской, но и в народной среде истории, к каждой из них он составляет обширный и порою крайне увлекательный комментарий. Каждый гунъань превращается в маленькую новеллу, где идет диалог мастеров двух эпох, Хуэйкай пытается вступить в разговор с героями гунъаней, причем далеко не всегда однозначно одобряет правильность поведения старых мастеров. Он издевается над ними, впрочем как и над собой — над своим «недопониманием», «мелкими размышлениями», «недостаточной просветленностью сознания».

Первое издание «Заставы без врат», считающееся классическим, было невелико по объему, оно включало лишь 49 историй. Издателем сборника (как предполагают многие и реальным составителем) стал Чэн Чжичжи (он выступил под литературным псевдонимом Аньвань), выпустив

его в свет в 1246 году. Коллекция гунъаней с комментариями Умэня стала столь популярной, что неоднократно переиздавалась и дополнялась новыми историями. Так Улян Цзуншоу включает в нее три истории про чаньского наставника Хуанлуна, записанные в 1230 году.

По преданию, сам комментатор этого сборника Умэнь получил просветление лишь после того, как шесть лет бился над гунъанем, ставшим затем известным под названием «Собака мастера Чжаочжоу», который дал ему наставник Юэлинь Шигуань:

Один монах спросил наставника Чжаочжоу:

— Обладает ли собака природой Будды?

— Обладает! — ответил Чжаочжоу.

— Так если она обладает природой Будды, почему же она еще ютится в этом кожаном мешке?

— Потому что она делает это осознанно.

В другой раз еще один монах спросил Чжаочжоу:

— Обладает ли собака природой Будды?

— Нет, — ответил Чжаочжоу.

— Но все живые существа обладают природой Будды, — сказал монах, — почему же собака не обладает ею?

— Потому что она уже заключена внутри ее сознания-кармы.

Гунъань этот действительно крайне сложен для понимания: на один и тот же вопрос даются, казалось бы, абсолютно противоположные ответы. Если учитывать, что вопрос «Обладает ли собака природой Будды?», вообще многократно повторялся и интерпретировался различными наставниками (в том числе и самим Буддой), то задача становится еще труднее, поскольку ответы даются всегда разные и при этом всегда — безошибочно точные. Ответ на данный вопрос заключен в самом понимании того, что нет вообще никакого различия между понятиями «внутренняя природа», «собака» (или любое другое существо) и «Будда». А поэтому приход к осознанию, что вопрос сводится к «обладанию самим собой», обесмысливает его и одновременно придает смысл концепции «Стать Буддой, взирая на собственную природу».

После просветления Умэнь написал короткое четверостишие, так передав свое состояние:

*Это словно удар грома среди ясного неба:
Все мириады существ открывают глаза
И совершают поклон одновременно.*

И даже гора Шумеру подскочила и пустилась в пляс!

Сборники чаньских гунъаней активно компилировались и в XVIII—XIX вв., составляются они в некоторых чаньских монастырях и по сей день, но в целом сама традиция медитации на гунъанях оказалась настолько блестяще отработана в период средневековья, что новые темы не могут уже дать ничего принципиально нового — ведь и старое еще не до конца осмыслено.

Гунъани так бы и остались своеобразной китайской традицией пробуждения сознания, если бы не их возросшая популярность в Японии. Именно из Японии гунъани — коаны приходят в западную науку, а затем и популярную литературу. Здесь они становятся тем, чем и привыкла считать их досужая западная публика — забав-

ными побасенками из жизни необычных дзэнских мастеров, «парадоксальными загадками». Безусловно, о существовании глубокого смысла за пределами видимого диалога, известно практически любому, кто хотя бы в общих чертах знаком с дзэнской традицией, но в большинстве своем это остается лишь теоретическим знанием. Реальный парадокс коанов заключается в том, что вырванные их контекста общего воспитания, из методик медитации, дисциплины тела и многого другого, они не смогут «сработать».

Одним из самых первых сборников коанов, ставших известным среди западной публики, стало собрание под названием «101 дзэнская история», составленная в 1919 году японским автором Ногэном Сэндзакки на основе коанов XIX — начала XX вв. Туда также вошли отрывки из сочинения знаменитого японского мастера XIII в. Мудзю «Сасэкисю» («Собрание песка и камней»). В 1970-е годы это собрание было переведено П. Репсом под названием «Плоть и кости Дзэн» (*Zen Flesh, Zen Bones*). Особенность данного собрания заключалась в том, что

многие старые китайские истории были переделаны на новый лад и «японизированы». Прежде всего в них действовали уже не китайские, а японские наставники Дзэн, старые китайские монахи и молодые послушники заменены университетскими студентами или даже профессорами, которые должны были противопоставить «мертвое» университетское начетничество «живому» дзэнскому опыту. При этом сами истории оставались такими же, как и в китайском средневековье, но благодаря переработке они стали шире известны именно в японской интерпретации. Именно так по миру пошли гулять истории про «хлопок одной рукой», «переполненную чашку, в которую больше не влить чая», и многие другие.

Гунъани — это вызовы нашему спящему сознанию. Это не взгляды отдельного человека на сущность вещей. Они есть отпечатки сознания мастеров, которых мы, возможно, никогда лично не повстречаем, но по-прежнему способны воспринять послания от них.

Эти истории отнюдь не сложны, их понимание тяжело лишь для напряженно думающего со-

знания. Стоит просто успокоить его, взглянуть на мир непредвзято, вне теорий и сложных концепций, как внезапно окажется, что только кажущийся «парадокс» и «загадка» расставляют в этом мире все на свои места. Позволь лишь сознанию стремительно и непредвзято реагировать на наш мир, при этом будучи им не затронутым, — и тогда гунъань «попадает в цель»:

Наставник Чжаочжоу как-то посетил мастера Чжуюя. Стоило ему подняться в зал для медитаций, как Чжужуй внезапно крикнул:

— Посмотри-ка на стрелу!

— Смотрю на стрелу! — тотчас откликнулся Чжаочжоу.

— Она пролетела!

— Она попала в цель!

* * *

Уже само китайское название настоящего сборника представляет собой своеобразный гунъань — «Чань лай — си цюй», что дословно можно перевести как «Чань пришел — пути

спали» или «Созерцание пришло — скованность ушла». Такое название объясняется тем, что каждая история состоит из двух частей: собственно гуньяня (что и обозначается как «приход Чань», или «приход созерцания») и небольшого комментария к нему («путы спали»), в ряде случаев действительно дающего нам пояснения наиболее сложных мест, а в других случаях — представляющих новую чаньскую загадку, над которой стоит поразмышлять. Такое построение текста по принципу «основной текст — комментарий» вполне традиционное для чаньской литературы: человеку кажется, что он вот-вот достигнет ответа на внутренний вопрос гуньяня, а комментарий внезапно разворачивает его к совсем иной грани реальности. К ряду историй переводчиками составлены некоторые пояснения, дающие интерпретацию наиболее сложных понятий, связанных с буддийским учением.

В настоящий сборник вошли гуньяни из нескольких произведений. В своей основной части он представляет собой набор историй из «Записей о передаче светильника, составленных в го-

дах правления под девизом Цзиньдэ» («Цзиньдэ чуаньдэн лу», XI в.). Часть юйлу пришла из следующих сборников: «Сутра помоста Шестого патриарха» (в разных редакциях VI—VIII вв.), «Речения чаньского наставника Мацзу из провинции Цзянси» («Цзянси Мацзу Даои чаньши юйлу»), «Речения наставника Линьцзи» («Линьцзи лу», IX в.), «Речения с Лазурного утеса» («Биянь лу», XII в.) и «Застава без врат» («Умэнь гуань», XIII в.) .

Перевод текста гуньяней и комментариев к ним выполнен Е. С. Логиновой и А. А. Масловым, примечания — А. А. Масловым.

А. А. Маслов,
доктор исторических наук, профессор

Переводчик большей части текстов, включенных в этот сборник, Евгения Логинова (1990–2009), к сожалению, не успела увидеть выход этой книги в свет. Удивительно одаренный, упорный и мужественный человек, она много лет сначала самостоятельно, а потом под руководством педагогов изучала китайский язык и культуру, причем в самой сложной ее части — традицию философской классики. Несколько лет она работала над тем, чтобы подобрать наиболее точные и адекватные для западной публики толкования сложнейших китайских текстов, превратив их в увлекательное и поучительное чтение. Свет ее юной души — в ее переводах.

**СОЗЕРЦАНИЕ
ПРИШЛО — И ПУТЫ
ТОТЧАС СПАЛИ**

Во всём повинуйся судьбе

Приход созерцания

Стояли дни последней декады летней жары. Газоны у монастыря совсем пожухли и пожелтели.

— Надо бы поскорее разбросать немного семян травы! А то очень неприглядно! — сказал молодой монах.

— Подожди пока спадет жара, — отмахнулся наставник. — Следуй времени!

В осенний праздник Луны наставник купил мешок семян и велел молодому монаху посеять их. Но поднялся осенний ветер, половина семян

была посеяна, а половина оказалась развеяна ветром.

— Так не годится! Слишком много семян развеяно ветром! — воскликнул молодой монах.

— Ничего страшного. Из развеянных семян больше половины — бесплодны и всё равно не дали бы всходов, — сказал наставник. — Следуй природным свойствам!

Посеянные семена тут же начали склевывать налетевшие птицы.

— Что за наказание! Птицы склюют все семена! — молодой монах в сердцах затопал ногами.

— Ничего страшного! Семян много, до конца их не склюют! — сказал наставник. — Принимай мир, какой он есть!

Поздней ночью внезапно полил дождь. Утром молодой монах влетел в зал для медитаций с криком:

— Учитель! На этот раз всё кончено! Дождем смыто так много семян!

— Куда смыло, там и взойдет! — сказал наставник. — Следуй судьбе!

Прошла неделя, и на прежде голой земле, вопреки всем ожиданиям, возшло много изумрудно-зеленых ростков травы. И даже на нескольких незасеянных прежде участках проступила зелень.

Молодой монах от радости без конца хлопал в ладоши. Наставник, кивнув головой, сказал: «Следуй радости!»

Пути спасают

«Следуй времени», «Следуй природным свойствам», «Принимай мир, какой он есть», «Следуй судьбе», «Следуй радости» — так старый монах понимает время Небес, постиг природу вещей, осознал путь Чань, проник в чувства человека. Слова этого наставника высокого уровня, даже записанные на бумаге, заставляют людей слышать и видеть по-новому.

Следовать — не значит лишь идти вслед, а значит следовать естественному ходу событий, не роптать, не забегать вперед, не искать помощи.

Следовать — не значит «плыть по течению», а значит использовать шансы, данные судьбой,

не быть догматичным и негибким, не жить в плену своих иллюзий

Упрек вора

Приход созерцания

Как-то раз, когда чаньский наставник Усян лежал и то ли спал, то ли нет, в зал для медитаций пробрался ворюшка. Он все перерыл, но так и не нашел никаких ценных вещей. Вор тяжело вздохнул и только приготовился уходить, как монах Усян произнес: «Дружок, пожалуйста, закрой заодно мою дверь как следует!»

Вор, остолбенев, произнес: «А ты, оказывается, настолько ленив, что даже двери должен закрывать кто-то другой. Неудивительно, что у тебя в монастыре нет ничего ценного!»

Монах Усян ответил: «Ну, это уж ты, мой друг, слишком! Неужели я должен в поте лица зарабатывать на вещи для того, чтобы ты их украл?»

Столкнувшись с таким «ленивым» монахом, воришке и в самом деле, не оставалось ничего иного, кроме как в сердцах захлопнуть дверь монаха и с задумчивым видом уйти.

Пути спасают

У человека, что довольствуется малым, есть спокойствие и непринужденность, которых нет даже у небольшой части обычных людей.

Даже если твое сердце слишком сильно приязано ко всякого рода вещам, не мешай себе тоже иногда немного полениться и расслабиться.

Давно отпустил ее

Приход созерцания

Как-то во время странствий наставник Таньшань и его спутник молодой монах подошли к реке. Совсем недавно прошел дождь, воды реки оказались довольно глубокими. В тот момент, когда монахи уже приготовились пересечь реку, на

берегу показалась одетая в шелковые одежды молодая девушка. Она не решалась перейти через речку и оказалась в затруднительном положении, явно из-за того, что река оказалась довольно глубока.

— Девушка, идите сюда, — сказал Таньшань. Он взял ее на руки и перенес через речку.

Собрат-монах, увидев такую картину, шел мрачный и расстроенный до самой остановки на ночлег. Наконец он, не выдержав, сказал Таньшаню:

— Мы, монахи, вообще не должны приближаться к женщинам. А подходить к такой молодой и красивой девушке еще опаснее. Так зачем же ты нарушаешь уложения?

— А, ты о той девушке, что переходила через реку? — спокойно ответил Таньшань. — Я ее давно уже отпустил, почему же ты все еще несешь ее?

Пути спасают

Когда восходишь в чертоги чистого и свободного духа, то никакая вещь уже не сможет загрязнить их.

Каждый из нас, по сути, — гигант, взваливший на спину множество людей и явлений этого мира. С рождения до смерти он никогда даже не мечтает о передышке, не помышляя о возможности сбросить груз и отдохнуть немного. Слишком длительная нагрузка стала уже привычной и заставила нас забыть о том, каково это — жить расслабленно.

Изначально это — твоё

Приход созерцания

Чаньский наставник Даоу — «Прозревший Путь» жил в монастыре Тяньхуансы — «Небесного божества» в Цзинчжоу по соседству с бедняком, торгующим лепешками.

Каждый день торговец жертвовал наставнику Даоу десять лепешек. Всякий раз, приняв их и съев, наставник всегда оставлял последнюю, говоря: «Я жертвую это тебе, чтобы ты распространил добро на грядущие поколения!»

После чего просил прислугу отнести лепешку обратно торговцу.

Шло время, и однажды торговец лепешками призадумался: «Зачем, все-таки, монаху возвращать каждый день одну из тех лепешек, что я ему приношу? Неужели в этом есть какой-то глубокий смысл?» С этими мыслями он отправился к наставнику Даоу, чтобы узнать истинное значение всего этого. Даоу ответил: «То, что изначально твое, потом тебе же и возвращается, какая же здесь ошибка?»

Торговец лепешками, услышав это, прозрел. Он стал почитать Даоу как своего наставника, принял постриг и стал монахом.

Наставник Даоу дал ему и монашеское имя, сказав: «Ты и в прошлом благоговейно следовал добру, а сейчас сумел с искренностью вслушаться в мои наставления. Именуйся ты Чунсинем — «Следующим искренности».

То был в будущем известный монах Лунтань Чунсинь.

Пути спадают

Похоже, монах Даоу, как говорится, «распустил леску, чтобы поймать большую рыбу»!

Не возвращая каждый день по лепешке, как побудить занятого содержанием семьи и зарабатыванием на жизнь торговца лепешками разок призадуматься? Крепко ухватившись за эту мысль, используя ее как ключ, наставник Даоу, наконец, предложил способному ученику войти во врата Чань. Мудрость Даоу, позволяющая привести на Путь новых учеников, поистине вызывает восхищение!

Для того чтобы заниматься мирскими делами, тоже требуется немалая мудрость! Не случайно говорится: «Благородный муж (цзюньцзы) искушен в хитрости, низкий же человек — просто упрям». Сталкиваясь с благородством и низостью, сложной и запутанной логикой человеческих чувств, и не обладая при этом мудростью и проницательностью, разве можно выявить, что же среди этого — самое главное?

Твой завтрак остыл

Приход созерцания

Один последователь только-только пришел в школу Чань. На следующий день прямо во время завтрака он сразу же, не переводя дух, начал засыпать наставника вопросами:

Первый: «Нетленны ли наши души?»

Второй: «Обязательно ли наше тело должно обратиться в Ничто?»

Третий: «Действительно ли наши души могут переселяться постоянно?»

Четвертый: «Если наши души постоянно переселяются, то остаются ли воспоминания о предыдущих перерождениях?»

Пятый: «Может ли чаньское созерцание избавить нас от бесконечной череды жизней и смертей?»

Этот человек задал старому монаху сразу десяток вопросов и после хотел спросить еще, но наставник остановил его всего лишь одной фразой:

— *Твой завтрак уже остыл.*

Пути спадают

О чем все эти вопросы, что постоянно возникают перед тобой? О завтраке или о бессмертии души?

Вот тут кто-то сидит и рассуждает о Пути — так не лучше ли постигать Чань на практике?! А истину, что ты вечно возвращаешься в этот мир, знает даже тот, кто едва вступил на путь Чань.

Проживай каждый миг с пользой. Не увлекайся пустыми рассуждениями, вещами, не уносишься в несбыточные мечты. Нужно лишь научиться пользоваться твоим нынешним пребыванием в этом мире.

Оставь это!

Приход созерцания

Один представитель иного учения — вайдао преподнес Миром Почитаемому (то есть Будде) две вазы с цветами.

Миром Почитаемый сказал:

— Оставь это!
Вайдао поставил одну из двух ваз, что были у него в руках.

Миром Почитаемый снова сказал:

— Оставь это!

Вайдао поставил другую вазу.

Однако Миром Почитаемый вновь сказал:

— Оставь это!

Вайдао, разжав ладони, промолвил:

— Обе мои руки уже пусты, что же ты еще просишь оставить?

Миром Почитаемый изрек:

— Я прошу тебя оставить не эти вазы, а все страсти и заботы, что несешь ты в себе. Если оставишь их, то во все последующие времена будешь свободен от оков жизни и смерти.

Пути спасают

Оставить всё — отнюдь не значит просто что-то отбросить во внешнем мире, а избавиться сердце от оков, полностью освободить душу.

Хорошенько подумай о том, что лучше всего отбросить, а что, как раз, отбрасывать и не стоит.

Примечание

Миром Почитаемый (Шицзунь) — одно из десяти имен Будды, означающее его мудрость и благодеяния, почитаемые во всем мире.

Путь в огни конец

Приход созерцания

Однажды чаньский наставник Дуншань навестил своего ученика Дэчжао. Дэчжао в ту пору тяжело занемог и попросил помочь ему понять перед смертью буддийские истины. Он не мог даже и представить, что может уйти из этого мира, так и не встав на путь просветления!

— Ты последователь какой школы? — спросил Дуншань.

— Я последователь школы Отсутствия природы Будды, — отвечал Дэчжао.

Монах Дуншань ничего не сказал и лишь пристально взглянул на ученика.

— В то время как меня со всех сторон окружили высокие горы, отчего же мне может стать легче? — взволнованно продолжал спрашивать Дэчжао.

— Так я же и сам сошел сюда из мира людей, — произнес наставник Дуншань.

— А если бы я и Вы, учитель, вновь сошли в этот мир, не разминутесь бы мы с Вами? — спросил Дэчжао.

— Конечно, не разминутесь бы! — ответил наставник Дуншань.

— Если бы мы не разминутесь, то куда Вы, учитель, направили бы меня? — продолжал спрашивать Дэчжао.

— Туда, где начинается дорога, несомненно! И если ты не можешь успокоить свой дух, то пойдти к распаханным полям благодати и посеи зерно истины! — указал монах Дуншань.

— Тогда прощайте! Счастливо оставаться, — произнес Дэчжао и испустил дух.

Монах Дуншань взмахнул перед ним посохом три раза и, горестно вздохнув, сказал:

— Да, ты воистину смог уйти, но вот так же воистину вернуться уже не сможешь.

Пути спасают

Да, стоит прийти туда, где начинается много дорог — но какая из них правильная? Монах Дэчжао смог воистину уйти, но уже не сможет так же вернуться. И отсюда видно, что даже по правильной дороге надо уметь правильно следовать.

А ведь даже верная дорога может заставить странника заплутать и не позволить ему достичь внутреннего озарения.

Примечание

Дуншань — известный чаньский наставник Дуншань Шоучу («Сберегающий изначалие») (?–900 г.), последователь знаменитого учителя Юньмэнь Вэньяня — основателя одной из пяти

главных чаньских школ Юньмэнь. Дуншань стал героем многочисленных японских коанов, и его учение уже после его смерти широко распространилось на японских островах.

Тигры, что живут здесь

Приход созерцания

Чаньский наставник Хуалинь Шанцзюэ из Таньчжоу часто, взяв в руки монашеский посох, поздним вечером гулял в горном лесу. Пройдя семь шагов, он обычно пристукивал посохом и нараспев повторял имя Боддисатвы Гуанъинь.

Однажды к нему пришел цензор-проверяющий. Совершив все необходимые ритуалы, он спросил:

— Скажите, наставник, здесь кроме Вас еще живет кто-нибудь?

— Живут тут двое, — ответил Шанцзюэ, — но сейчас их не увидеть.

— Ну и где же они? — спросил удивленный цenzор.

— Великая пустота! Малая пустота! — громко закричал Шанцзюэ.

При звуках его голоса на поляну из своего убежища выскочили два тигра! При виде тигров цenzор остолбенел от страха. А чаньский наставник, обращаясь к тиграм, сказал:

— Здесь сегодня гость. Так что пока уходите!

Оба тигра послушно развернулись и отправились к себе в логово.

Пораженный цenzор спросил:

— Какие добрые дела совершали Вы, наставник, коль скоро тигры так слушаются Вас?

— А Вы разве не знаете? — мгновение помолчав, спросил наставник.

— Нет, не знаю.

— Так я часто повторяю имя Боддисатвы Гуанъинь! — сказал наставник.

Пути спадают

Чаньское сердце не подобно сердцу обычных людей. Думается, что чаньский наставник,

практикуя Чань и сидя в медитации, немало забавлял животных, в том числе и двух тигров. Но только достигнув такой чаньской души, можно оказаться в подобной ситуации. Это пример и того, как Чань используется в повседневной жизни, и одновременно утонченный смысл самого созерцания.

Доброта и естественность — вот что является основой мирного сосуществования людей и животных. Ну, а людей между собой?

Примечание

Боддисатва Гуанъинь (Авалокитешвара) — божество милосердия, часто изображаемое в женском облике, иногда в виде многорукого существа. Молитва, обращенная к Гуанъинь, обычно содержит просьбу спасения всех живых существ на земле.

Стоит ли гневаться из-за орхидей?

Приход созерцания

Один чаньский наставник очень любил орхидеи. И однажды, перед тем как отправиться в странствия, он повелел своим ученикам как следует ухаживать за монастырскими орхидеями.

Ученики всё делали в соответствии с наказом наставника, но как-то раз задели подставку с цветами — и горшки с орхидеями полетели на пол, разбившись вдребезги. Ученики страшно перепугались, в их головах уже рисовались картины того, как разгневаётся наставник и сколь суровое наказание их ждёт.

Наставник же, узнав обо всем по возвращении, созвал всех учеников и сказал: «Я посадил эти орхидеи лишь для того, чтобы поднести их в дар Будде, а ещё — для того, чтобы воспитать в себе трудолюбие. *И уж, конечно, я посадил орхидеи не для того, чтобы на кого-то гневаться!*»

Пути спадают

Вообще-то, из-за орхидей гневаться глупо. Так почему же порою наше сердце приходит в такое негодование?

И если в своей повседневной жизни мы научимся думать: «Я ведь работаю не для того, чтобы гневаться», «Я общаюсь с друзьями не для того, чтобы гневаться», «Я завел себе семью не для того, чтобы гневаться», то в наших беспокойных сердцах, наконец, воцарится гармония.

Люди, что подобны птицам

Приход созерцания

Чаньский наставник Няолань, чье имя означало «Птичье гнездо», удалился в отшельничество в горы Тайваншань и, бывало, часто медитировал, поджав ноги, усевшись на кустистой извилистой ветке, подобно птице в гнезде.

Известный литератор Бо Цзюэи, благоговевший перед мудростью монаха Няоланя, обратился к нему с буддийским четверостишием — гатхой:

*Вступив в чертоги школы Пустоты,
вопросил я о горечи пустоты.
Осмелюсь задать мудрецу я чаньские
вопросы:*

*Так почему же, погружаясь в сны,
запутываемся в иллюзиях мы?
Да и сами иллюзии наши — не более
чем сны?*

*Монах Няолань тоже ответил гатхой:
Придя бесследно, уходишь без следа.
Уход, приход — все та же суета.
Зачем еще и вопрошать о суетных делах,
Коль суета вся эта — лишь во снах.*

Впоследствии Бо Цзюэи решил стать мирским последователем буддизма, посетил множество знаменитых горных скитов, на склоне лет стал питаться лишь простой вегетарианской пищей, а свой дом перестроил в монастырский скит, назвав его Сяншаньсы — «Монастырь

ароматных гор», себя объявив «Упасакой (то есть буддистом в миру) с гор Сяншань». Среди его многочисленных четверостиший-гатх было и такое:

*Влюблённый в этот ветер, что кроны
сосен в горах качал,
В луну, что устроилась спать
на вершинах скал,
В журчанье ручьев, в полет облаков,
Здесь он горным монахом стал.*

Пути спасают

Сердце, опьяненное созерцанием, не мешает нам, словно птице, искать себе прибежище. Подобно птицам, что свободны от тягостных мыслей, ты возвращаешь свою душу к естественности. Пребывай в пустоте и тогда ты сольешься с этой пустотой!

Нет времени стареть

Приход созерцания

Чаньский наставник Дачжи пребывал в странствиях и учении более 20 лет и, наконец, вернулся к своему Учителю Фогуану.

— Прошло 20 лет, а Ваше тело по-прежнему здорово и крепко! — обратился с поклоном к учителю Дачжи.

— Действительно, в полном порядке! Я проповедовал и разъяснял Учение, переписывал каноны и так проводил каждый день. Будучи постоянно занятым, я чувствовал себя вполне счастливым, — ответил Фогуан.

— Вы все это время были столь заняты! Учитель, как же Вы совсем не постарели? — спросил Дачжи.

— *Не было времени стареть!* — ответил Фогуан.

Пути спадают

Старость и дряхлость влекут за собой безрадостное существование и полное одиночество — омут, поглощающий энергию, на дне которого постепенно угасает жизнь и приближается смерть.

Но ведь может быть и по-другому! Хотя тело и стареет, на душе может быть все так же легко и свободно. Если мы будем смело отдаваться всему тому, что больше всего на свете любим, откуда же у нас найдется время стареть? Да и что вообще тогда позволит нам постареть?!

Мотыга, которую нельзя унести

Приход созерцания

Однажды монах Линьцзи и отец-наставник Хуанбо занимались общественными работами в поле. Хуанбо шел по полю впереди, а Линьцзи тянулся за ним. В какой-то момент Хуанбо

обернулся и увидел, что руки его ученика пусты. Он спросил:

— Где твоя мотыга?

— Какой-то человек унес ее, — ответил Линьцзи.

— Подойди-ка поближе, — подозвал его к себе Хуанбо, — я хотел бы с тобой кое-что обсудить.

Линьцзи тут же подбежал и встал перед Хуанбо.

Наставник Хуанбо воткнул свою мотыгу в землю и сказал:

— *Во всей Поднебесной не найдется человека, который смог бы ее поднять.*

Едва услышав эти слова, Линьцзи тут же схватил мотыгу и спросил:

— Так почему же она оказалась у меня в руках?

— Вижу, сегодня здесь есть тот, кто может повести общину на работы. Так что в моем участии необходимости нет.

Сказав это, наставник развернулся и направился обратно в монастырь.

Пути спадают

Можно ли точно сказать, сколько весит мотыга? Не важно, но если она в руках чаньского наставника, мотыга может стать и мерой для оценки людей в Поднебесной.

Наставники больших мудрецов читали своим ученикам такой стих:

*В руках мотыгу сжав, бредет
за буйволом монах.*

Едва сошел с моста он, и вот —

*Поток воды под мостом уж больше
не течет.*

В мире чистого сознания уносятся все суетные мысли. Но найдется ли хотя бы один человек, что обнаружит начало этого?

И вправду говорится: «Стоит священному свету лишь блеснуть лучиком, как тут же исчезает мирская пыль». Это и есть чертоги внемыслия.

Наверное, чаньские наставники трудятся не только ради того, чтобы работать и работать, как большинство современных людей.

Примечания

1. *Линьцзи* — знаменитый буддийский проповедник Линьцзи Исюань (800?–866), основатель чаньской школы Линьцзи, которая стала наиболее активной из пяти крупнейших школ Чань. Выходец из уезда Цаочжоу (ныне Хэцзэ) в провинции Шаньдун, в 851 году перебрался в провинцию Хэбэй, где и основал свою монашескую общину. Прославился парадоксальными диалогами и проповедями, а также использованием шоковых факторов для достижения просветления учеников (хлопки, удары, выкрики и т. д.). Требовал от учеников избавиться от слепого почитания наставников, сутры или ритуалов, стимулировал внутреннее освобождение сознания. Долгое время обучался у наставника Хуанбо, но не мог достичь просветления. Отправившись к наставнику Даюю, получил у него просветление, а затем вернулся к Хуанбо. Его диалоги и методы обучения были зафиксированы в трактате «Линьцзи лу» — «Записи Линьцзи».

2. *Хуанбо Сиюнь* (?–850) — учитель Линьцзи, уроженец южной провинции Фуцзянь. Был

учеником знаменитого мастера Байчжана Хуай-хая, создателя чаньских монастырских уложений.

Неторопливое созерцание

Приход созерцания

Один чаньский последователь дни напролет сидел в созерцании, но, увы, эффект этих долгих сеансов был очень незначителен. Наконец, отчаявшись, он обратился к наставнику с вопросом, как постичь истину.

Учитель же, будто бы и не услышав вопроса, протянул ученику тыкву-горлянку и кухонную соль, сказав: «Наполни тыкву водой, затем сыпь соль и все хорошенько перемешай».

Ученик взялся за дело. Прошло немало времени, пока он весь в поту не прибежал к наставнику с тыквой в руках:

— Воды так много, что тыкву не взболтать; а горлышко тыквы настолько узкое, что даже палочками соль никак нельзя размешать.

— Слей немного воды, затем снова взболтай, — посоветовал наставник.

Ученик отлил воду, и только немного покачал тыкву из стороны в сторону, как соль тут же растворилась.

— В созерцании усердие немаловажно, однако здесь не следует слишком спешить, иначе уподобишься этой тыкве, наполненной водой с солью, которую уже нельзя перемешать. Как же ты тогда сможешь освободиться от всего лишнего? — изрек учитель.

Пути спадают

Когда струны цитры натянуты слишком сильно, они рвутся, лишь только тронешь их. Если натянуты слишком слабо, то инструмент не будет играть. А когда струны натянуты как раз в меру, игра музыканта наполнится вдохновением и все вокруг будет пронизано чарующими звуками цитры.

Входи в созерцание неторопливо.

Вкус горькой тыквы

Приход созерцания

Как-то ученики собирались в паломничество по святым местам. Наставник принес им горькую тыкву и сказал: «Носите ее везде с собой. По пути не забывайте окунать эту тыкву в каждую святую реку, вносите ее во все храмы, кладите на алтарь, когда будут произносить молитвы».

Ученики во время паломничества пересекли множество священных рек и святыниц и всё делали согласно наставлениям учителя. Вернувшись, они отдали горькую тыкву наставнику, и он приказал им сварить ее на ужин.

Во время трапезы учитель, едва откусав кусочек тыквы, многозначительно произнес:

— *Удивительно! В скольких реках ее омывали, в скольких храмах освящали, а горькая тыква так и не стала сладкой!*

И тогда у учеников наступило внезапное просветление.

Пути спадают

Вкус горькой тыквы останется горьким независимо от того, сколько раз ее омывали, сколько раз освящали. Природа ее не изменится. И с нашим сердцем все то же самое. Независимо от того, святую или мирскую жизнь мы ведем, независимо от того, в каких землях мы пребываем, ясную и чистую сущность не изменить.

Разве не слышали вы такой поговорки: «Горы и воды легче изменить, чем изначальную сущность»? Так как же они собирались изменить изначальную природу вещей?

Переполненное сердце

Приход созерцания

Один ученик очень любил вести разговоры с наставником Наньинем о смысле Чань. И хотя на словах он был вежлив и учтив, в его манерах явно проступала заносчивость.

Однажды, когда они сели за стол, Наньинь, не говоря ни слова, взял чайник и начал наливать ученику чай в его пиалу. Она быстро наполнилась, но Наньинь, как будто ничего не замечал, все лил и лил, вода потекла через края во все стороны и залила стол.

Увидев это, ученик не выдержал, вскочил на ноги и закричал: «Не лейте больше! Учитель! Не лейте больше!»

Наньинь поставил чайник и, пристально глядя ученику в глаза, сказал: «Твое сердце переполнено, подобно этой пиале. Первоначально не освободив его, как же ты сможешь вместить тот Чань, который я стараюсь до тебя донести?»

Пути спадают

Наше сердце, конечно, не настолько мало, как эта пиала с чаем, но если оно слишком переполнено разными вещами, то подобный груз может показаться слишком тяжелым.

Если тело слишком заплыло жиром, то это всего лишь может доставить нам неудобства. А вот слишком тяжелый груз в душе может

сковать ее окончательно и не дать воспарить ввысь.

Если сердце переполнено, то к чему хорошему это приведет?

Примечание

Наставник Наньинь — Чжан Вэйчжун (?–861), жил в провинции Сычуань, являлся последователем мастера Шэньхуя (720–794), проповедовал доктрину постепенного просветления.

Кто знает твой истинный облик?

Приход созерцания

Как-то одна монашенка-бхиккунни пришла к известному чаньскому наставнику Лунтаню и поинтересовалась у него:

— Если сейчас восстанавливать монашеские обители, можно ли в одном из следующих перерождений воплотиться в виде мужчины?

— Давно ли ты покинула дом и стала монашенкой? — спросил ее в ответ Лунтань.

— Я уже давно покинула свой дом, но какое это имеет отношение к будущему? Я ведь спрашивала о том, смогу ли я переродиться в мужском облике?!

— А сейчас ты кто? — вновь спросил у нее Лунтань.

— Я принадлежу к женскому роду, разве Вы, наставник, этого не видите?

— А кто здесь вообще замечает, что ты — женщина?

При этих словах бхиккунни испытала просветление.

Пути спадают

Когда нам кажется, что мы никак не можем достичь просветления, по сути, это всего лишь результат того, что мы придерживаемся каких-то стереотипов.

Старая поговорка говорит: «Не старайся постичь истинного облика горы Лушань лишь глазами, просто приди сам на эту гору». Если

нам удастся вырваться за пределы всего того, что связано с нашим телом, все остальные вещи можно видеть еще более явственно.

Облагает ли собака природой Будды

Приход созерцания

Одного человека очень волновал, как ему казалось, крайне важный вопрос и, наконец, он пришел к чаньскому наставнику, чтобы задать его:

- Обладает ли собака природой Будды?
- Му! — произнес в ответ чаньский учитель.

Пути спасают

«Му» — над сутью этого ответа вот уже в течение многих веков размышляют как последователи Чань, так и внешние люди. Может быть это иероглиф из слова «су му», что означает «торжественный», «возвышенный»?

Разные люди по-разному прочитывают данный иероглиф, но даже последователи одной школы в разные эпохи и в разных обстоятельствах по-разному трактовали его смысл. А поэтому и мы здесь должны ненадолго прерваться в своих рассуждениях и обратить внимание на одну вещь: все эти рассуждения идут вокруг заданного вопроса, а не вокруг природы Будды! (думаю, не найдется такого последователя христианства, который задаст вопрос: «Похожа ли собака на Бога?»).

В течение жизни у нас возникают мириады вопросов, которые мы хотели бы задать. Но в отношении многих вопросов вряд ли следует, если вообще это нужно, испытывать какие-то сомнения, поскольку они лишь угнетают настроение человека.

«Если что-то волнует — сразу спрашивай», — именно таков подход у современных людей. Но, замечу, у них и такое же состояние духа.

Вне мыслей и рассуждений

Приход созерцания

Как-то один человек пришел к наставнику Синшань Вэйкуану и спросил:

— Обладает ли собака природой Будды?

— Обладает! — ответил наставник.

— Ну а, Вы обладаете природой Будды?

— Я не обладаю, — ответил монах.

— Все живые существа обладают природой Будды, почему же Вы один ею не обладаете? — удивился человек.

— Я не живое существо, — сообщил монах.

— Так если Вы не живое существо, не сам ли Вы Будда?

— Нет, я не Будда!

— Так что же Вы за вещь? — терпя терпение, спросил человек.

— Да я и не вещь вовсе, — миролюбиво ответил монах.

— Так можете ли Вы видеть? Можете ли мыслить и рассуждать?

— Мыслями — не достичь этого, рассуждениями — не постичь, а поэтому и называем это «вне мыслей и рассуждений».

Пути спасают

Именно потому, что смысл этого находится «вне мыслей и рассуждений» и в конце концов истощает все смыслы вообще, то глядя на вышеприведенный чаньский гунъань, появляется ощущение чего-то неправдоподобного и эфемерного.

Если о нем нельзя ни помыслить, ни рассуждать, так почему же чаньские наставники столь изящны в своих речах?

Вообще-то, и в нашей жизни есть множество вещей, о которых не надо рассуждать и размышлять, но разве, честно говоря, мы можем удержаться, чтобы не углубиться в раздумья по этому поводу?

И едят несовершенно, и спят беспокойно

Приход созерцания

Как-то чаньский наставник Юьюань пришел к чаньскому мастеру Хуэйхайю за наставлениями о сути Чань и спросил:

— Есть ли в пестовании Пути какие-то тайные наставления?

— Есть! — ответил Хуэйхай.

— А каковы эти тайные наставления?

— Проголодался — поешь, устал — поспи!

— А разве обычные люди не так поступают в своей жизни? Чем же тогда они отличаются от чаньских наставников? — не понял Юьюань.

— Обычные люди, когда едят, все время думают о чем-то другом. Когда они спят, мысли их в хаосе, и они все время о чем-то беспокоятся, — ответил Хуэйхай.

Пути спадают

Хотя и прием пищи, и сон являются действиями, которые совершают все люди, много ли среди них найдется таких, которые, как гласит поговорка «Во время еды не отвлекаются, во время сна — не тревожатся»? Обычные люди постоянно пытаются удовлетворить свои желания, а вот чаньские наставники все делают вовремя и в соответствии с естественным порядком вещей.

Дело это, конечно, простое, но вот принцип его отнюдь не так прост, как может показаться, ведь оно напрямую затрагивает состояние нашего сознания. Вот в нем-то все и дело!

Проведенное с пользой время

Приход созерцания

Проведя долгое время в странствиях, монах Яншань вернулся, чтобы навестить своего учителя, наставника Вэйшаня.

— Да, давно не виделись, — приветствовал его учитель Вэйшань. — Чем ты занимался все это время?

— Я вспахал клочок земли и посадил туда семя, — ответил Яншань.

— Судя по всему, ты время впустую не трагил, — одобрил учитель.

— Учитель, а чем Вы были заняты? — поинтересовался Яншань.

— Днем — ел, ночью — спал! — прямо ответил Вэйшань.

— О, у Вас, Учитель, все это время тоже не было ни одной свободной минуты! — с почтением произнёс Яншань.

Пути спадают

У последователей Чань на душе всегда светло, свободно и ясно. Когда ты все совершаешь, исходя из своего чистого сердца, обрабатываешь ли землю, ешь или спишь — ничто не может быть пустой тратой времени!

Как же нам надо жить, чтобы не считалось, что мы провели жизнь впустую?

Примечание

Вэйшань Линью (771–853) и его ученик Яншань Хуэйцзи — знаменитые чаньские патриархи. Вэйшань Линью жил в горах Вэйшань в провинции Хунань, а Яншань Хуэйцзи основал свою школу в горах Яншань в провинции Цзянси. На основе их проповеди родилось крупнейшее чаньское течение Вэйян, получившее со временем имя по первым иероглифам названия гор, где жили Линью и Хуэйцзи.

Чтение сутр, что похоже на плач

Приход созерцания

Чаньский наставник Яншань Хуэйцзи, когда был еще совсем молодым монашеском, обучался у учителя Шаочжоу Куньюаня. У него была привычка очень громко нараспев читать сутры, причем он делал это настолько громко, что его голос можно было абсолютно отчетливо слышать на много *ли* вокруг.

Однажды Яншань в очередной раз начал громко читать сутры, и это издали услышал его учитель Куньюань. Он подошел к сидящему с сутрой на коленях Яншаню и сказал:

— Чтение сутр этого молодого монаха похоже на плач!

— Да, действительно, мое чтение сутр похоже на плач, — согласился Яншань, подняв голову от сутры. — Хотел бы я знать, а на что похоже Ваше?

Куньюань, обернувшись, посмотрел на него через плечо.

— Пускай это так, — завопил громким голосом Яншань, — но чем же тогда вообще чтение сутр отличается от стенаний!

Наставник Куньюань лишь поклонился ему в ответ.

Пути спадают

Трудно даже представить, сколь глубокое видение имел этот монашек в столь молодом возрасте! Смеемся мы или плачем, двигаемся или стоим, лежим или сидим — да есть ли

вообще что-нибудь, не являющееся проявлением Чань? Старый монах должен быть большим знатоком подобных вещей, так почему же он этого не знал?

Может быть и ты в молодости обладал такой же мудростью и сутью Чань, но когда прошло какое-то время — боюсь, ты совсем запутался!

Разбитое зеркало

Приход созерцания

Как-то чаньский наставник Яншань получил в подарок от своего наставника Вэйшаня зеркало. Указав на зеркало, он спросил своих учеников:

— Вот наставник Вэйшань подарил мне зеркало. Скажите-ка мне, чье это на самом деле зеркало: наставника Вэйшаня или мое, наставника Яншаня? Если зеркало изначально мое, то почему оно прислано мне Вэйшанем? Если это зеркало принадлежит Вэйшаню, то почему оно

сейчас у меня в руках? Ответите верно — оставлю зеркало, ответите неверно — разобью.

Три раза наставник Яншань повторил вопрос, но так ответа и не дождался. Яншань разбил зеркало и удалился.

Пути спадают

Пресветлое зеркало — и есть суть Чань. Но внутри сути Чань не может быть «моего» или «твоего», и тебе не достигнуть этой сути, даже если все свои познания ты свяжешь вместе. Трижды об этом наставник Яншань спрашивал учеников, зная, что здесь не может быть двойственного взгляда. Неудивительно, что никто из них не смог дать верного ответа на вопрос наставника. Но то, что никто так и не ответил на вопрос, отнюдь не означает, что на него вообще нельзя ответить, просто в зале не нашлось человека, обладающего достаточной мудростью. А поэтому единственное, что оставалось сделать Яншаню, — это разбить зеркало.

Такое замечательное зеркало пришлось разбить вдребезги! Обычные люди так делают,

когда не в силах совладать со своим гневом. Ну, а чаньские наставники?

Созерцание при ясной луне

Приход созерцания

Стояла тихая ночь середины осени. Два чаньских наставника Цзинцзэн и Яншань вместе любовались луной.

— Каждый человек обладает этим, но не все могут это использовать, — заметил Яншань.

— Прежде надо еще научиться использовать свое «я», — добавил Цзинцзэн.

— Ну и для чего это использовать?

Внезапно Цзинцзэн так сильно пнул ногой Яншаня, что тот повалился наземь.

— Нужно использовать для того, чтобы стать сильным, подобно тигру! — радостно воскликнул побитый Яншань.

Когда эту историю уже стали передавать из уст в уста, монаха Цзинцзэна нарекли «Цзэн-Тигр».

Пути спадают

Хотя с самого рождения каждый человек внутри своей природы наделен сердцем Чань, однако не всякий из нас ощущает это в себе и не всегда умеет правильно этим пользоваться.

Созерцание при свете осенней луны помогло двум монахам Яншаню и Цзинцэню раскрыть свою первоначальную суть. Сколь прекрасна эта история в такой красивой обстановке!

Во всей вселенной, среди всех живых созданий, человек уникален и предел его возможностей поистине не ограничен.

Хоть нам и не дано постичь о себе абсолютно все, но мы можем где-то смутно почувствовать свою настоящую силу и использовать ее в жизни.

Танцующий архат

Приход созерцания

Как-то раз правитель Ганьдапа предложил Миром Почитаемому Шакьямуни сыграть на

цитре. И стоило ему лишь поднять цитру, как тотчас чудесные звуки музыки разнеслись вдоль гор и рек.

И тут спокойно сидевший на своем месте ученик Миром Почитаемого, архат Гашэ (Цзя Е) вдруг пустился в пляс.

— Архату наверняка давно уже следовало освободиться от всех мирских чувств, неужели Вы всё никак не можете отказаться от своих пристрастий? — спросил правитель Ганьдапа почтенного Гашэ.

— Никаких пристрастий у него нет, так что твои упреки совершенно несправедливы, — сказал Будда, что стоял неподалеку.

И еще трижды правитель Ганьдапа ударял по струнам цитры, и опять архат Гашэ трижды принимался танцевать.

— И неужели эти танцы нельзя считать пристрастиями? — недоумевал правитель.

— Да он и вовсе не танцевал, — ответил Будда.

— Как Вы, о Высокочтимый, можете говорить такую чепуху!

— Это вовсе не чепуха. Твою музыку отразили все горы, реки, цветы, травы и деревья, ведь так? — спросил Будда.

— Так.

— *Вот и Гашэ уподобился им. Сам же он никогда и не танцевал.* — изрек Будда.

И Ганьдапа, наконец, поверил ему.

Пути спадают

Мудрецы не обладают собственной душой, их душа — душа мириад вещей и явлений. Они сумели разбить собственное «я» и достигли радостного отдохновения вместе с мириадами вещей.

Взбираясь на горы и смотря далеко, можно укрепить собственную волю, глядя на моря и слушая утесы, можно вобрать в себя их мощь и красоту. Открыв сердце, мы впускаем в себя всю природную естественность, опустошая душу от сомнений, мы освобождаем ее от пут мирских дел. Разве все это — не еще ли один из человеческих миров?

Синие сливы

Приход созерцания

Чаньский наставник Юаньшань Инъчжэнь в молодости был послушником у гоши (государственного наставника) Наньян Хуэйчжуна. Как-то раз Инъчжэнь с нагруженной плетеной корзинкой подошел к дому настоятеля, а гоши спросил его:

— Что за вещи несешь ты в своей корзине?

— Это голубые сливы, — ответил Инъчжэнь.

— Ну и зачем ты их сюда принес?

— Хочу сделать подношение Будде и бодисатвам.

— Ну, голубого цвета там и так полно! (Многие статуи красились в синий цвет, в том числе волосы будд. — *Примеч. пер.*) Так зачем же еще делать эти подношения? — спросил гоши, покачав головой.

— Это мы так говорим — «подношение», а, по сути, это выражение моей искренности.

— Ни будды, ни боддhisатвы не принимают подношения! — сказал гоши.

— Но я поступаю именно так! А как Вы, учитель, поступаете? — спросил озадаченный Инъчжэнь.

— Я не делаю подношений!

— А почему Вы не делаете подношений?

— Да у меня и фруктов-то нет!

Пути спасают

Если сливы наливаются синим цветом — отнюдь не значит, что чаньское сердце становится более прекрасным. Это тебе лишь кажется, что подношения и молитвы о спасении, адресованные Будде, приведут к просветлению.

Когда в чистом сердце нет даже места, чтобы осесть пылинке, когда оно действует в соответствии с естественностью, когда не совершается ложных действий — это и есть истинное подношение. Именно его и имел в виду мудрец.

Старайся не быть связанным, словно путями, внешними явлениями, не загрязняй себя стандартными суждениями, в своих действиях

откликайся лишь на истинные причины и, главное, — постигни суть своего сердца.

Примечание

Наньян Хуэйчжун (675–775) — первоначально обучался в школе «монастырских правил» (виная), а затем стал одним из ближайших последователей Шестого патриарха Хуэйнэна. После достижения просветления ушел в отшельничество в горы Байъяшань в Наньяне, где прожил более сорока лет и именем которого был назван. По просьбе императора в 761 году в возрасте 81 года покинул отшельничество и стал чаньским наставником при императорском дворе. Он наставлял трех императоров подряд Сюань-цзуна, Су-цзуна и Дай-цзуна, за что его и называли «гоши» — «государственным наставником», хотя это не было его официальным званием. Формально он не принадлежал ни к одной чаньской школе, но уважался практически всеми мастерами того времени.

Око пронзает все тело!

Приход созерцания

Однажды чаньский наставник Даоу спросил другого чаньского учителя Юньяня:

— У боддисатвы Гуанъинь (Авалокитешвары) — тысяча глаз. Так какой же глаз — истинный?

— Представь — вечером ты чувствуешь сонливость и ложишься в кровать. Ты же не открываешь глаза, не пытаешься, опустив руки, что-то схватить. И поэтому можешь спокойно уснуть. А ну-ка ответь, каким же ты глазом пользовался, чтобы опустить руки?

Услышав эти слова, Даоу тотчас вскричал:

— О, старший брат, я все понял!

— Ну и что же ты понял? — спросил Юньянь.

— Все тело и есть око!

Юньянь, расхохотавшись, сказал:

— Ты понял лишь на 80 процентов!

— Так как же следовало ответить? — спросил удивленный Даоу.

— *Око пронзает все тело!*

Пути спадают

«Все тело и есть око» — это пример информации, полученной из разделенного знания. «Око пронзает все тело» — это прозрение приходящее от познания, в котором отсутствуют любые разделения. Мы обладаем оком истинного сердца, что пронзает все тело. Так почему же не использовать его, чтобы окинуть взором и Небо, и Землю.

По сути, наша жизнь взывает именно к такому истинному сердцу. Достигнув подобного состояния, можно и все прозреть вокруг себя и сберечь внутри себя!

Ночью поднялся сильный ветер

Приход созерцания

Чаньский наставник Наньцюань Пуюань спросил одного монаха — своего ученика:

— Сильный ли поднялся ночью ветер?

— Сильный поднялся ночью ветер, — ответил монах.

— Так это он повалил сосну у ворот?

— Это он повалил сосну у ворот.

Наньцюань повернулся и спросил служку:

— Ночью поднялся сильный ветер?

— Какой ветер?

— Что повалил сосну у ворот.

— Какую сосну?

Наньцюань, печально вздохнув, произнес: «Один достигает, другой — теряет».

Пути спадают

Вопросы одни и те же, но две реальности! Чаньское сердце и мирской смысл — лишь в самой середине можно угледеть это. Ведь то,

насколько далек ты от Будды, проявляется изнутри.

Мы все живем в одном мире, но мир-то этот для каждого из нас — разный. Не поразительно ли это?

Примечание

Наньцюань Пуюань (748—835) — прямой ученик великого наставника Мацзэ Даои. Его мирское имя было Ван, а мудрость такова, что даже в молодости его называли «старый монах Ван». Считался одним из лучших мастеров чаньского диалога.

Смышленный монах

Приход созерцания

Как-то один монах пришел в обитель чаньского наставника Наньцюаня Пуюаня, тот же сказал гостю:

— Увы, я как раз сейчас собираюсь на гору, у меня нет времени поговорить с тобой. Пока

же сам приготовь себе что-нибудь поесть, да не забудь и мне отправить немного еды.

Дав эти наставления, Наньцюань отправился на гору. Монах же приготовил пищу, сытно поел, но все же забыл отправить Наньцюаню в горы немного еды. Более того, случайно разбив посуду, он спокойно лег и заснул. Наньцюань, так и не дождавшись, чтобы ему на гору кто-нибудь принес поесть, спустился вниз и вернулся к себе в обитель. Увидев, что его гость-монах преспокойно храпит, он не стал его будить, сам улегся рядом и заснул. Ну а монах, увидев его, повернулся на другой бок, поднялся и ушел.

Когда Наньцюань стал настоятелем, он так об этом рассказывал: «Когда-то, живя в ските, я повстречал одного смышленного монаха, но, увы, с тех пор я его больше так и не видел!»

Пути спадают

Да, в этой истории, судя по всему, много неясного, и понять ее не так-то просто! Этот чаньский монах не только не принес Наньцю-

аню еду, напротив — он побил ему посуду и сам преспокойно улегся спать. И все потому, что в своей душе он был совсем пропащим человеком, не мог ни одного дела сделать до конца, ни следовать какому-либо учению. Вот поэтому он преспокойно улегся спать. А ушел потому, что увидел Наньцюаня, который не стал его даже корить, и понял: что-то не в порядке у него внутри, в его сердце, и не нашел способа, как исправить случившееся. И, устыдившись, не нашел ничего лучше, как уйти таким образом. А поэтому не удивительно, что Наньцюань назвал его «смышсленным монахом».

Если хорошенько подумать и тщательно взглядеться в эту историю, можно понять ее смысл: нередко где-то внутри каждого поступка скрывается своя сокровенная причина.

Привести водного буйвола помыться

Приход созерцания

Чаньские наставники Наньцюань Пуюань и Байчжан Хуайхай были учениками одной чаньской школы Мацзу Даои. Однажды, прогуливаясь, Наньцюань увидел, как смотритель монастырской бани разжигал огонь, чтобы согреть воду. Наньцюань сказал ему:

— После того, как вода согреется, не забудь привести помыться водного буйвола.

Смотритель бани, согрев воду, отправился к дому настоятеля, чтобы позвать Наньцюаня в баню, но при этом он не сказал ни слова. Наньцюань же спросил у него:

— Зачем ты пришел?

— Пришел позвать помыться водного буйвола!

— Ну а веревку ты принес?

Смотритель бани не нашелся, что ответить.

Наньцюань с сожалением произнес:

— Вот был бы здесь Байчжан, он точно не забыл бы веревку!

Пути спадают

Наставник Наньцюань Пуюань сказал смотрителю бани совсем несмешную шутку и поставил его в тупик. Я бы на его месте ответил: «Прошу Вас, наставник, сами выводите своего буйвола» — и посмотрел, как бы он поступил.

В обычной жизни шутка — вполне обыденное дело. Но поскольку люди далеко не всегда могут соблюдать меру, они сами же попадают в сети, расставленные своей шуткой!

Как вытащить гуся из кувшина

Приход созерцания

Чиновник Лу Сюань однажды спросил монаха Наньцюаня:

— Когда-то давно люди, откармливавшие гуся, посадили его в кувшин. Постепенно гусь

подрок — да так, что его не смогли оттуда вытащить. Если бы это произошло сегодня, как бы вы, наставник, вытащили птицу оттуда, не разбив кувшина и не повредив гуся?

— Эй, господин! — окликнул его Наньцюань.

Лу Сюань тотчас откликнулся.

Наньцюань улыбнулся: «Выходите!»

Лу Сюань тут же испытал озарение и поклонился Наньцюаню.

Пути спасают

Так, в конце концов, гусь не смог выбраться из кувшина или человек, который задавал вопрос, попав в затруднение, так и не смог выбраться из тупика?

В жизни мы тоже часто сталкиваемся с ситуациями, когда на нашем пути встают непреодолимые препятствия. А разве этот чаньский диалог не помогает нам найти верный ответ на неразрешимые вопросы?

Было бы не лишним для нас иногда менять привычную точку зрения, дабы разрешить

противоречия в жизни. Если мы в этих противоречиях окончательно не запутаемся, то, возможно, сумеем открыть для себя новую дверь.

Нарисованный круг

Приход созерцания

Три чаньских наставника Наньцюань, Гуйцзун и Магу договорились вместе отправиться с ритуальным визитом к гоши (буддийскому наставнику императора) Наньян Хуэйчжуну. Перед тем, как отправиться в путь, наставник Наньцюань начертил на земле круг и сказал:

— Перед тем как пойти, пусть каждый из вас выразит это!

Гуйцзун сразу вошел внутрь круга и уселся, поджав под себя ноги, а Магу сделал поклон до земли.

— Коли так — значит, никуда не пойдем, — сказал Наньцюань.

— А кто собирается идти? — спросил Гуйцзун.

Наньцюань же попросил собратьев не ходить с ритуальным визитом к Хуэйчжуну.

Пути спадают

Человек, что воистину прозрел свое просветленное сердце, действительно обладает искренностью в сердце, которую ничто не может поколебать. И яркое проявление этого — решение Наньцюаня не идти с ритуальным визитом.

Никто не знает человека лучше, кроме его самого. Не правда ли, смешны люди, которые возносят духам молитвы о счастье и пытаются гадать по триграммам?

Монах, что обрел главное

Приход созерцания

Чаньский наставник Чжаочжоу Цуншэнь, когда еще был совсем молодым монахом —

шраманерой, пришел к учителю Наньцюаню Пуюаню.

Наньцюань в это время как раз отдыхал на своей лежанке.

Увидев, как к нему подошел Чжаочжоу и встал перед его лежанкой, Наньцюань спросил у него:

— К какому месту ты подошел?

— К благодатному изображению Будды!

— И что — ты видишь изображение стоящего Будды?

— *Стоящего не видно, есть только лежащий Будда!*

Наньцюань сел на своей лежанке и спросил вновь:

— А ты сам, шраманера, уже обрел самое главное или еще не обрел?

— Я монах-шраманера, который обрел самое главное!

— А что есть в тебе самого главного? — тотчас спросил Наньцюань.

Чжаочжоу стремительно подошел к Наньцюаню и с поклоном произнес:

— И жарким летом, и суровой зимой надеюсь, Вы, преподобный, будете пребывать в покое и бесконечном счастье!

Наньцюань очень высоко оценил Чжаочжоу и принял его в круг ближайших учеников.

Пути спадают

Чаньский наставник Чжаочжоу обладал ясной и светлой мудростью, и в каждом слове, что он произносил, скрывался сокровенный смысл. Его фраза «Стоящего уже не видно, есть только лежащий Будда» содержит тонкую похвалу самому Наньцюаню Пуюаню. А будучи спрошенным «А ты сам, шраманера, уже обрел самое главное или еще не обрел?», он ответил, не используя обычных слов, но лишь своим поступком показав свое понимание смысла. Вот это «выражение вне слов» не является ли самым ярким проявлением характера Чань?

Примечания

1. Чжаочжоу Цуншэнь (778—897) — один из самых выдающихся чаньских наставников,

прославившихся своим мастерством ведения парадоксальных диалогов с учениками. Он начал свое обучение в 18 лет у Наньцюаня Пуюаня, прожил в его общине много лет, а после получения просветления странствовал по Китаю, посещал многих известных мастеров. Лишь в 80 лет он осел в небольшом полуразрушенном монастыре Гуаньиньюань в Северном Китае, где вокруг него собралась небольшая община. Истории о нем изложены в двух важнейших чаньских трактатах: «Застава без врат» («Умэнь гуань», 1246 г.) и «Речения с Лазурного утеса» («Биянь лу», 1125 г.).

2. Чжаочжоу называет Наньцюаня «благодатным изображением» («жуйсян» — буддийский термин, обозначающий особого рода священную картину или статую — «благодатное изображение»). Обычно это понятие соотносится с первым изображением Будды Шакьямуни, вырезанного из сандалового дерева правителем области Каусамби — Удаяной. Весь характер высказываний Чжаочжоу в этом диалоге показывает, что он считает: главное в обучении

Чань — уважение к наставнику, который может вывести на Путь.

Беспокойство Будды

Приход созерцания

Один последователь как-то спросил монаха Чжаочжоу:

— Испытывает ли Будда беспокойство?

— Испытывает, — ответил Чжаочжоу.

— Но как это возможно? Ведь Будда уже давно освободился от мирских страстей! Почему он всё-таки испытывает беспокойство? — недоумевал последователь.

— Оттого, что ты сам еще не достиг спасения.

— А когда я достигну, Будда уже не будет испытывать беспокойства?

— Все равно будет испытывать!

— Но ведь я-то уже буду свободен, из-за чего ему еще беспокоиться?

— Дело в том, что кроме тебя на земле есть другие живые существа.

— Число живых существ на земле не имеет предела. Получается, что Будда никогда не избавится от беспокойства?

— Он уже избавился от него, в нем уже нет беспокойства, — ответил монах.

— Но ведь такое количество живых существ нельзя спасти, как же он может избавиться от беспокойства?

— Так ведь внутри природы самого Будды все живые существа уже спасены!

Пути спадают

Беспокойства и страсти у обычного человека возникают прежде всего от суетных мыслей. У Будды же беспокойство возникает от сочувствия ко всем живущим на земле, а сам же Будда не подвержен мирским переживаниям.

Если тщательно разобраться, у человеческого беспокойства изначально нет никакой сущностной природы. А переживания Будды — и не

беспокойства вовсе. Насколько лучше мы сможем жить, если поймем это!

Примечание

Беспокойство (кит. *Фаньнао*) здесь — буддийское понятие *клёша* (дословно — «загрязнение»), то есть беспокойство, неприятности, страсти и их причины. Китайские буддисты трактовали клёша как иллюзии, испытания или соблазны, вызванные страстями или незнанием, которые приводят к неуспокоенности сознания. Существует шесть основных клёша, и двадцать последствий клёша: желания, ненависть, иллюзии, гордыня, сомнения и недобрые взгляды.

Такова эта пустота

Приход созерцания

Как-то один буддийский последователь пришел с визитом к чаньскому наставнику Чжаочжоу. Но поскольку он не приготовил ничего

для ритуального подарка монаху, он сразу же обратился к нему с извинениями:

— Ох, я пришел с пустыми руками!

— Коли уже пришел с пустыми руками, — ответил Чжаочжоу, — так оставь это здесь.

— Я не принес никакого подарка, — не понял последователь, — что же вы просите меня здесь оставить?

— Тогда унеси обратно всё, что принес!

— Но я ничего с собой не принес, что же мне уносить?

— Ну вот тогда и унеси с собой то, чего ты не принес.

Последователь, так и не поняв сути Чань, лишь пробормотал себе под нос:

— Как же можно принести вещь, которой у меня нет?

— *Та вещь, в которой ты не испытываешь недостатка и есть вещь, которой у тебя нет. Вещь, которой у тебя нет, и есть та вещь, в которой изначально ты не испытывал недостатка.*

Пути спадают

«Бери решительно, оставляй без сожалений», — важнейший принцип Чань.

Всегда бери, когда нужно взять, всегда оставляй, когда нужно оставить. В противном случае, когда придет время оставлять, а ты попытаешься взять, то истощишь себя; а когда придет время брать, то опять придется оставлять — и ты останешься без сил.

Чаньский наставник продает масло

Приход созерцания

Однажды чаньский наставник Чжаочжоу отправился в уездный город Тунчэн и встретил там наставника Тоуцзы, который как раз спустился в город из своего горного убежища.

Чжаочжоу, окинув взглядом этого человека, увидел, что видом он необычен, и сказал:

— Не ты ли горный житель Тоуцзы?

Тоуцзы же, протянув руку, начал произносить нараспев:

— Прошу вас, подайте немного чая, соли, пару монет!

Чжаочжоу, не обращая внимания на это, ушел. Быстрым шагом он дошел до своей монастырской обители. Тоуцзы отправился вслед за ним в монастырь, прихватив с собой большую бутыл с маслом.

Когда Тоуцзы нагнал Чжаочжоу уже в монастыре, Чжаочжоу сказал ему:

— Я уже давно хотел отправиться к Тоуцзы, но не мог и представить, что повстречаю торговца маслом!

— Пока что ты познакомился только с торговцем маслом, но так и не познакомился с Тоуцзы, — возразил Тоуцзы.

— Вот как! Ну и какво же так познакомиться с Тоуцзы?

Наставник Тоуцзы поднял бутыл с маслом и громко прокричал:

— Масло! Масло!

Пути спадают

Чань не обладает никакой постоянной формой, поскольку чаньское сердце находится в постоянном движении. Бутыл с маслом наставника Тоуцзы наверняка постоянно блестела перед глазами, не знаю, помутилось ли от этого в глазах у мастера Чжаочжоу, но он конечно же все понял. Без долгих рассуждений, даже если просто посмотреть, мы увидим лишь повседневную жизнь, но наставники Чжаочжоу и Тоуцзы использовали слова и действия из повседневной жизни для того, чтобы продемонстрировать настоящий чаньский мир.

Хорошо бы это понять, но сейчас сойдет даже и непонимание. Лишь надо использовать свое сердце, для осознания всего этого — вот тогда точно не потеряешь чаньский смысл происходящего!

Поведение великого мугреца

Приход созерцания

Много раз, утомившись от государственных дел, правитель Вэньсюань-ди из династии Северная Ци оправлялся в горы Суншань навесить монаха Сэнчоу, которого иногда называли «правителем Дхармы», дабы побеседовать с ним об Учении. Монах же каждый раз, когда правитель приходил, хотя и радушно принимал его, ни разу не поклонился ему перед уходом.

Это уже стало привычным делом, и некоторые ученики Сэнчоу стали считать, что учитель явно проявляет заносчивость и пытались переубедить его: «Правитель столь трепетно выполняет все буддийские предписания, оказывает столь большую поддержку в распространении буддийского учения, Вы же, учитель, ни разу не поклонились перед тем, как его проводить. Мы беспокоимся, как бы Вас за это не начали осуждать».

Наставник Сэнчоу возразил: «Когда-то давно индийский последователь Бинторучи кланялся

правителю с семи шагов, а кончилось тем, что он обрек правителя на семилетние страдания. Мои добродетели, конечно, не столь высоки, как у людей прошлого, но я бы не хотел, чтобы от правителя отвернулась удача!»

Пути спадают

Поступки монаха Сэнчоу подобны тому, как поступали мудрецы прошлого, ведь в своей добродетели он достиг тех же глубин и высот. Он стремится избежать суетливости, а в поступках обладает великодушием мужа — для проявления этого одного наклона спины недостаточно.

Порою несоблюдение церемониалов отнюдь не являются грубостью и заносчивостью, но лишь проявлением уверенности в себе и желанием сберечь ее.

Примечания

1. Вэньсюань-ди (прав. 529–559) — первый император династии Северная Ци. В ранний период уделял очень много внимания военным

делам, и его династия славилась военными успехами, а также покровительствовал буддизму. В 555 году решил объединить даосизм и буддизм в одно учение, затем приказал устроить дебаты между буддийскими и даосскими монахами. В результате решил, что буддисты одержали верх и приказал всем даосам обратиться в буддизм. Даосов, отказавшихся это сделать казнили, а сам даосизм был запрещен. Однако в поздний период правления, став патологически подозрительным, стал крайне жесток, казнил многих родственников, страдал несдержанностью в вине, отчего, как полагают, и умер.

2. Горы Суншань — центральные из пяти священных гор Китая, располагаются в провинции Хэнань, в основном в уезде Дэнфэн, где строились многие буддийские и даосские монастыри и селились отшельники.

Наступи на мою голову

Приход созерцания

У чаньского наставника Сянья был в учениках монах, который каждый вечер, перелезая через стену, убегал из монастыря, чтобы погулять и развлечься.

Как-то ночью наставник, делая обход обители, обнаружил табурет, приставленный к самому углу стены, и сразу понял, в чем дело. Он отодвинул табурет и сам встал на этом месте, поджидая возвращения ученика.

Ученик же вернулся глубокой ночью и, ничего не подозревая, начал перелезать через стену и наступил своему наставнику на голову. Перемахнув через стену, он внезапно обнаружил, что внизу стоит его учитель, перепугался и кубарем полетел вниз.

А наставник, как будто ничего и не случилось, мягко сказал: *«Сегодня ночью выпало много росы, смотри, как бы не простудиться. Поскорее возвращайся и отдохни!»*

О произошедшем никто в монастыре так и не узнал. Да и сам монах-наставник никогда об этом не упоминал. И все же никто из ста с лишним учеников, что жили в монастыре, больше не гуляли по ночам.

Пути спадают

Да, воспитывать младшее поколение и наставлять учеников иногда действительно бывает чревато головной болью. Но бритая голова чаньского наставника Сянья оказалась препятствием, посерьезнее всех заповедей!

Слушая звуки гор и долин

Приход созерцания

Один монах пришел в горы, чтобы посетить чаньского наставника, и попросил его наставить в некоторых вопросах Чань.

— По пути сюда пересекал ли ты горы и долины? — спросил наставник, уклонившись от прямого ответа.

— Да, пересекал я и горы, и долины, — ответил монах.

— А слышал ли ты голоса гор и долин? — продолжал расспрашивать его наставник.

— Да, слышал! — ответил монах.

— *От тех мест, где слышны голоса гор и долин, и начинается дорога, ведущая к вратам Чань,* — твердо сказал чаньский наставник.

Пути спадают

Мы ведь тоже, бывало, взбирались на горы, пытаясь разгадать тайны, которые хранят горные долины. Слушали щебетание птиц и стрекот цикад, проникали взглядом в леса, где журчат родники, — не это ли голоса горных долин?

Сердцем вслушивайся в эти звуки. А там, где они умолкают, открываются врата к познанию учения Чань.

Кто связал тебя?

Приход созерцания

Некогда упасака (буддист-мирянин), а затем чаньский наставник Сэнцань, приняв титул Третьего патриарха Чань, удалился в отшельничество в горы Ваньгуншань в провинции Аньхой. В те времена в период царствования Чжоуского правителя У-ди буддизм подвергался серьезным гонениям, и наставнику пришлось перебраться еще в более пустынный район в провинции Аньхой — в горы Сыкуншань, где люди появлялись нечасто, а поэтому более десяти лет никто о нем не слышал.

Как-то раз, 14-летний юноша под монашеским именем Даосинь — «Искренний в Пути» — пришел к Сэнцаню за советом:

— Наставник, проявите милосердие, укажите мне способ, как освободиться от страстей и заблуждений, — взмолился Даосинь.

— *Кто связал тебя?* — спросил его наставник.

— Никто не связывал меня, — постояв минуту молча, ответил Даосинь.

— Тогда о каком же освобождении ты про-
сишь? — спросил наставник.

И тогда Даосинь достиг прозрения.

Пути спадают

Откуда берут начало наши сомнения и заблуждения? Если мы как следует взглядемся в свою душу, то обнаружим, что для них внутри нас самих нет никаких истоков.

Если нет пут, то и освобождаться не от чего. И если мы познаем, что нет ни пут, ни освобождения, то откуда тогда взяться искушениям и заблуждениям, которые могли бы дать нам повод для беспокойства?

Примечание

Сэнцань (520—612 г., по другим сведениям — ?—606 г.) и Даосинь (580—651) соответственно Третий и Четвертый патриархи чань-буддизма. О Сэнцане известно крайне мало, единственная относительно полная его биография

содержится в трактате «Удэн хуэйюань» — «Изначальное собрание пяти светильников». Впервые его имя упоминается лишь в 645 году, то есть через полвека после его смерти. В 536 году он встретил Второго патриарха Хуэйкэ и оставался с ним шесть лет (по другим преданиям уже через два года Хуэйкэ передал ему патриаршество). Жил в горах в юго-западной части провинции Аньхой. По преданию, умер, сидя в медитации перед монастырским залом. Сэнцаню приписывается трактат «Синьсинь мин» («Строфы об искреннем сердце»). Наставлял в том, чтобы «забыть о словах и письменных знаках» для достижения просветления. Даосинь обучался у Сэнцаня девять лет.

Пог дождем

Приход созерцания

Дождь лил не переставая. Один человек укрылся под навесом храма. Мимо проходил чань-ский наставник с раскрытым зонтом.

— Наставник! Спаси хотя бы одного из массы всего живущего! Проводи меня хотя бы немного! — взмолился человек под навесом.

— Надо мной льет дождь, а ты укрыт от него под навесом. Там нет дождя — мне нет необходимости спасать тебя, — ответил монах, продолжая идти дальше и даже не замедлив шаг.

— Но сейчас-то, Вы, наставник, точно должны спасти меня! — и с этими словами человек выбежал из-под навеса, оказавшись под ливнем.

— Теперь и ты под дождем, и я под дождем. Но дождь не намочил меня, поскольку надо мной зонт. Поэтому, чтобы спастись, тебе нужен зонт, а не я. А уж зонт ты ищи сам! — сказал монах и пошел дальше своей дорогой.

Пути спадают

Ты не намокнешь под дождем, если взял с собой зонт. Если у тебя чаньское сердце, то можно не опасаться пут страстей и заблуждений. Не брать в дождливую погоду зонт, надеясь на помощь других людей, — это все равно, что, не

постигнув сердца Чань, надеяться на чью-то помощь. Монаху не жалко было одолжить зонт, но он на самом деле проявил высшее милосердие, ведущее к спасению живых существ.

Если не пользоваться драгоценными дарами, что хранятся в твоём доме, а лишь завидовать другим, то достигнет ли твое сердце удовлетворения? Самому спастись лишь под своим зонтом, спасать себя за счет своих же природных свойств, в повседневных проблемах не искать помощи у других людей, а решать их самим — вот это и есть истинный жизненный путь.

Примечание

Зонт — один из символов буддизма, знак «учения, которое накрывает и защищает», Будда или бодхисатва Авалокитешвара нередко изображались именно с зонтом в руке. В притче раскрывается важнейший принцип Чань: спасает не наставник, а учение. Учитель лишь направляет человека на путь, спасение же есть результат собственных усилий и прозрения чистоты своей природы.

Кости, обернутые кожей

Приход созерцания

Один монах как-то увидел рядом со своим скромным убежищем черепаху. Он подбежал к чаньскому наставнику Дасую и спросил:

— У всех живых существ кости покрыты кожей, так почему же у черепахи кости покрывают кожу?

Услышав вопрос, Дасуй ничего не ответил. Он только снял с себя соломенные сандалии и поставил их на спину черепахе.

Чаньский наставник Шоужуань, узнав о поступке Дасуя, сочинил такое четверостишие:

*Сразу видно, что кость сверху кожи —
кругла.*

*Каждая триграмма на ней еще лучше
видна.*

Соломенные сандалии закрыли всю суть.

Вот как монах дал себя обмануть!

Другой чаньский наставник Фодэн также сочинил стих:

*Черепаше не залезть на стену —
Соломенные сандалии должны оставаться
на ногах человека.*

А чаньский наставник Юйфэн выразился еще яснее:

*Ясные речи передались вовне, может
ли быть история у веры?*

Пути спадают

Созерцающий пребывает в Чань, но тот, кто использует свое сердце, в какие чертоги проникает? Уяснив это, сразу же постигнешь и Путь Будды, и сердце Чань, и освобождение.

В нашем сердце всегда живет любопытство. За счет этого любопытства можно узнать немало, и все же ты лишь отдалишься от Пути просветления.

А вот любое познание, что исходит от нашего обыденного состояния души, — полезно!

Жемчужина высшей пробы

Приход созерцания

Как-то Будда Шакьямуни показал правителям пяти областей жемчужину, что меняла свой цвет в зависимости от света дня, и спросил: «Какого цвета эта жемчужина?»

Все пять правителей не могли прийти к единому ответу, один говорил — жемчужина зеленая, другой — желтоватая, третий — красноватая, четвертый — отликает голубизной, пятый — в ней есть красные отблески.

Будда положил жемчужину себе в карман, и, протянув правителям раскрытую пустую ладонь, спросил:

— А эта жемчужина какого цвета?

— О Высокочтимый! На твоей ладони нет жемчужины, так откуда же взяться ее цвету? — удивленно вскричали правители.

— О, вот теперь вы подошли к самому главному! — сказал Будда. — Сначала я вам показал мирскую жемчужину, и вы называли мне

разные цвета, но так и не пришли к общему мнению. Теперь же я показал вам жемчужину высшей пробы, которую вы даже не смогли разглядеть!

Все пять правителей, едва услышав эти слова, тотчас все поняли.

Пути спасают

Глядя на ложное, мы путаем его с истинным, познавая обманчивое, принимаем за действительное — именно об этом гласит рассказанная древняя история. Но разве не таково и современное общество?

Где же Путь?

Приход созерцания

Один монах спросил наставника Вэйкуаня:

— Где Путь-Дао?

— Прямо перед тобой, — ответил Вэйкуань.

— А почему я его не вижу?

— Ты обладаешь «я», а поэтому тебе его и не увидеть.

— Раз уж из-за того, что обладаю «я», я не вижу Путь, то ты-то видишь его? — спросил монах.

— Вот из-за того, что ты обладаешь и «я» и «ты», тебе точно никогда его не узреть! — сказал Вэйкуань.

Монах решил поставить вопрос по-другому:

— А если не будет ни «я», ни «ты», то можно будет узреть его?

— Если не будет ни «я», ни «ты», так кто же будет стремиться узреть его и так и не увидит?

Пути спасают

Да уж, поистине, как говорится, «даже комару некуда вонзить свое жало» — столь безупречные ответы наставника!

Учение Чань — это особого рода мудрость. Чань основывается на прозрении природы человека, а если следовать прозрению своей природы, то

обязательно достигнешь того места, где располагаются врата Чань. Впрочем, не всегда можно понять, прозрел ты свою природу или нет, кажется, что уже все понял, а может — и нет. Не правда ли, это весьма забавное состояние?

Груз на гуше

Приход созерцания

По узкой тропинке шли двое. Один был корейский монах Цзинской, другой — недавно принявший постриг его ученик Манькун. Шли долго, и по дороге Манькуну стало казаться, что его дорожный мешок слишком тяжел, он то и дело просил сделать остановку и передохнуть. Но монах Цзинской продолжал идти вперед, не проронив ни слова, и его ученику приходилось, задыхаясь от усталости, плестись вслед.

Как-то раз они проходили через деревню. И Манькун, как всегда, жаловался на усталость. А Цзинской заметил одну женщину, вы-

ходившую из дома, подошел к ней, внезапно обхватил обеими руками и приподнял. Женщина громко завизжала от страха. На крик выскочили домочадцы и соседи, полагая, что Цзинской непристойно с ней обращается. С громкими криками они напали на монаха, решив побить его. Цзинской бросился от них наутек. Манькун, с дорожным мешком на спине, кинулся вслед за ним.

Как же быстро они мчались! Пробежав несколько горных троп, крепкие деревенские парни так и не смогли догнать этих двоих.

Наконец учитель остановился на тихой и безлюдной тропинке и поинтересовался у своего ученика:

— Тебе по-прежнему тяжело?

— Поразительно, но все это время я не замечал тяжести своего дорожного мешка! — ответил Манькун.

Пути спадают

Если тебе тяжело идти, значит на сердце лежит какой-то груз; если идти легко, значит,

сердце освободилось от него. И от чего же все это зависит? А истина здесь одна: тяжело тебе или легко — все зависит от состояния твоей души.

Сбросив все тяжести, с легким сердцем нам будет нетрудно идти по дороге. И тогда ты заметишь, сколь легкой и расслабленной стала твоя походка!

Странствовать меж рек и озер

Приход созерцания

Чаньский наставник Шоучу жил в провинции Цзянси в области Хуайчжоу в горах Дуншань. Когда он пришел к чаньскому наставнику Юньмэнь Вэньяню, тот спросил, откуда он.

— Из провинции Цзянси, — ответил Шоучу.

— В каком же месте ты обрел прибежище? — спросил Юньмэнь.

— В провинции Хунань, в монастыре Баоэньсы — «Воздаяния за милосердие».

— Когда ты покинул его?

— 25-го числа восьмого месяца.

— Подойди-ка, получишь три удара посохом! — закричал Юньмэнь.

На следующий день, стоя перед залом для медитаций, Шоучу громко спросил:

— Вчера, Вы, глупый учитель, наградили меня тремя ударами посохом. Проявите милосердие, объясните, в чем же тут дело?

— Ах ты, мешок для еды! Зачем же следовало ходить из Цзянси в Хунань! — заявил Юньмэнь.

И в этот момент Шоучу испытал великое озарение!

Пути спадают

Наше физическое тело мы можем перемещать туда и обратно, но неужели надо еще вместе с этим перемещать и наше чаньское сердце? Чаньский учитель Шоучу действительно, уподобившись мешку для еды и питья, бродил между провинциями Цзянси и Хунань в поисках внешнего просветления, забыв, что все и так

изначально заключено внутри нашего сердца. Не удивительно, что он заслужил удары посохом от Юньмэня!

Вот отсюда и пришло выражение «странствовать меж рек и озер», дожив и до наших дней.

Примечание

Юньмэнь Вэньянь (862–949) — один из самых ярких чаньских наставников, основатель одной из пяти крупнейших чаньских школ — Юньмэнь. Его школа отличалась использованием шоковых методов «прямого просветления» — ударов палкой, шлепков, криков. Здесь же получила свое развитие практика обучения через систему коротких парадоксальных диалогов — гунъаней (кит.), или коанов (яп.), которые и приводятся в этой книге.

Откуда ты пришел?

Приход созерцания

1

Когда Хуэйнан впервые повстречался с Пятым патриархом Чань Хунжэнем, тот спросил его:

— Ты откуда пришел?

— Из Линнани, — ответил тот.

— Линнань — варварское место на юге.

А среди варваров нет Будды! — воскликнул Хунжэнь.

— Неужели если среди людей есть разделение на южан и северян, то и у природы Будды есть разделение на северную и южную? — удивился Хуэйнан.

2

Великий наставник Шэньхуэй близко знал Шестого патриарха Хуэйна. Как-то раз Хуэйнан спросил Шэньхуэя:

— Ты откуда пришел?

— Из ниоткуда, — ответил Шэньхуэй.

3

Танский монах Наньян Хуэйчжун, исполнявший обязанности «гоши» — «государственного наставника» (буддийского наставника императора), однажды встретил Шестого патриарха Хуэйна, и тот спросил его:

— Откуда ты пришел?

— Из близких мест, — ответил Хуэйчжун.

Пути спадают

«Откуда ты пришел?» — этого вопроса вполне достаточно, чтобы узнать наверняка, что представляет из себя твой собеседник: каковы его основные принципы и что для него в жизни главное.

Ты тоже можешь задать себе вопросы: «Что есть мое собственное «я»? Откуда пришло мое «я»? Когда я стал осознавать себя как «я»?»

Примечания

Весь отрывок представляет собой популярное изложение известного отрывка из «Сутры помос-

та Шестого патриарха», рассказывающей о жизни и учении Шестого патриарха Хуэйцзэна.

1. *Хуэйцзэн* — Шестой патриарх чань-буддизма, один из крупнейших духовных Учителей Китая. *Хунжэнь* — Пятый патриарх чань-буддизма, который передал патриаршество Хуэйцзэну еще до того, как тот стал монахом. *Хунжэнь* имел свою школу в монастыре *Дунчаньсы* («Восточного созерцания»), в провинции *Хунань*, в уезде *Хуанмэйсянь*.

2. *Линнань* — родное место Хуэйцзэна, располагалось в области *Синчжоу* в провинции *Гуандун*, что на юге Китая. Хуэйцзэн отправился на север Китая, а северяне (к которым принадлежал и *Хунжэнь*) не приветчали южан. В оригинальном тексте *Хунжэнь* вообще называет Хуэйцзэна «варваром»:

— Родом ты из *Линнани* — вот уж дикарь! Как же тебе стать Буддой? — удивился *Хунжэнь*.

— Люди хотя и разделяются по своему происхождению на южан и северян, но природа Будды не имеет ни севера, ни юга. Хотя дикарь по

своему виду и не похож на монаха, чем же он отличается по своей природе от Будды? — спросил *Хуэйцзэн*.

Монах Данься сжигает Буггу

Приход созерцания

Как-то монах *Данься* поселился ненадолго в монастыре *Хуэйлиньсы*, что в городе *Лояне*. Однажды резко похолодало, все постройки старого монастыря продувались сильным ветром. И *Данься* решил воспользоваться деревянной статуей Будды, чтобы развести огонь. В тот самый момент, когда он разжигал огонь, в зал вошел настоятель монастыря.

— Да как же ты можешь сжигать статую Будды! — закричал он, увидев, что делает *Данься*, страшно разгневавшись.

— Я думаю, что когда сожгу этот кусок дерева, то соберу все священные реликвии (*сарира*), что в нем были, — неторопясь произнес

Данься, тщательно помешивая деревяшки в костре длинной палкой.

— Да какие же священные реликвии может содержать деревянная статуя Будды? — спросил удивленный настоятель.

— Так если в нем нет никаких реликвий, я потом посмотрю, нет ли их в тех двух статуях боддисатвы Гуаньинь, что стоят по бокам, затем — в статуях боддисатвы Махастхамы и Амитабы. Для этого я их тоже сожгу, ладно? — спокойно и неторопливо произнес Данься.

Пути спадают

Монах сжигает статую Будды — что и говорить, поразительный поступок! И уж если он не сошел с ума, то, безусловно, является человеком, достигшим высочайшей мудрости. Но чего же он в действительности хотел добиться?

Какая польза от деревянного Будды, если он не способен согреть? Ведь истинные реликвии заключены в нашем чистом и незамутненном сознании, и лишь оно может обогреть нас. Но сначала надо и нам дать ему немного тепла.

На земле чередуются четыре сезона года, на небе чередуются луна и солнце — таков естественный путь вещей. Стремление к знатности и успеху, удача и поражение — проявления обычной жизни людей. Но лишь незамутненное сердце может до конца исчерпать все это.

Примечание

Священные реликвии (кит. шэли, санскр. сарира) — различного рода предметы, а также прах, оставшийся после кремации будд или патриархов. Они обычно закладывались в ступы, пагоды и другие места поклонений. Некоторые древние сутры также считались реликвиями.

Разговор о буддизме за чаем

Приход созерцания

Как-то чаньский наставник Суншань пил чай вместе с одним упасакой — мирянином, последователем Чань по имени Пан.

— Все люди обладают этим, но почему это не выразить словами? — спросил Пан, поднимая свою пиалу.

— Именно потому, что они обладают этим, это и не выразить словами, — ответил монах.

— Если так, то почему же ты, мой друг, об этом сейчас говоришь? — снова задал вопрос Пан.

— Нельзя все время об этом не говорить!

— Да-да, конечно, ты прав, — закивал головой Пан.

И монах решил подлить себе еще немного чая.

— Ты, мой друг, думаешь только о том, как бы самому чаю напиться, а других не приглашаешь, — недовольно заворчал Пан.

— Других? Это кого же? — сделав вид, будто ничего не понял, спросил монах.

— Господина Пана! — ткнув себе пальцем в нос, ответил Пан.

— Зачем мне еще один раз приглашать тебя к чаю? — монах оставался невозмутим.

Когда об этой истории узнал чаньский наставник Данься, он сказал: «Если бы не наставник Суншань, тот старик, наверняка, затеял бы ссору!»

А когда эти слова передали мирянину Пану, он велел сказать монаху Данься следующее: «Так почему же он, перед тем как пригласить меня на пиалу с чаем, не пригласил всю общину?»

Пути спадают

В час досуга, попив чая и поев, полезно прочитать пару-тройку буддийских историй, чтобы познать всю силу учения Чань. И ты сможешь возвыситься себя над всем этим грешным и беспорядочным миром людей, где именно в нынешнее время духовные ценности претерпевают такой упадок.

Примечание

Мирянин Пан (Пан Юнь, 740–808) — реальный персонаж и известный герой буддийских притч, яркий пример внемонашеского буддизма. Происходил из провинции Хунань, области Хэнъян. Был успешным торговцем, имел жену, дочь и сына, которые также стали известными знатоками буддизма. Часто он выступает как более мудрый учитель, чем сами

чаньские наставники. Это пример того, что чаньская мудрость не зависит от статуса человека или его монашеского посвящения, а лишь от чистоты сознания. По преданию, когда Пан Юнь отошел от дел, он побоялся оказаться в плену материального мира и привязанности к материальному благополучию, поэтому уложил все свои накопления в лодку и утопил ее. Путешествовал вместе с семьей по святым местам Китая, вел беседы с известными учителями Шитоу Сицянем и Мацзэу Даои.

Вне слов

Приход созерцания

Один чаньский последователь жил на самом верхнем этаже хранилища буддийских сутр. Книг он этих не читал и целыми днями пребывал в созерцании.

Как-то раз хозяин, хранитель библиотеки, поинтересовался у этого буддиста:

— Ежедневная медитация — это великое благо, но почему же Вы совсем не читаете священных текстов?

— Я неграмотен, — честно признался буддист.

Хранитель удивился:

— Но почему Вы не попросите кого-нибудь обучить Вас?

— А кого же мне просить? — произнес буддист в ответ.

— Можете и меня попросить! — воскликнул великодушно хранитель.

Буддист поклонился хранителю, сложив ладони перед грудью в знак уважения, и спросил: «*Ответьте, а это что означает?*»

Хранитель не нашелся, что сказать в ответ.

Пути снагаюм

Чаньский последователь, что живет на самом верхнем этаже хранилища сутр, не читает этих текстов, но ясно понимает свое сердце. Образованный и добрый душой хранитель, хотя и

прочитал многие из этих сутр, совсем заплутал в своем изначальном сердце.

Чаньское озарение приходит отнюдь не из понимания письменных текстов! Письменные тексты — лишь способ проникнуть в духовную сущность сердца. Но в самих глубинах этого сердца нет ни слов, ни письменных знаков.

Всеобъемлющий свет

Приход созерцания

У одного крестьянина умерла жена, и он попросил монаха Усяна провести ее похороны по всем буддийским канонам и спросил, поможет ли это упокоиться ей с миром.

Монах ответил:

— Учение Будды несет в себе всеобъемлющую доброту. Его лучи освещают все живое, не обделяя никого.

Крестьянин остался не удовлетворен таким ответом и заметил:

— Моя жена всегда была такой слабой и беззащитной, а вдруг на том свете кто-то захочет поживиться за счет тех добрых дел, что совершала она при жизни. Так что похоронный молебен отслужить все же надо.

Видя, что крестьянином движут лишь корыстолюбивые помыслы, монах горько вздохнул, оставаясь при этом таким же добродушным:

— На небе светит одно солнце, которое своими лучами озаряет весь мир. Одно зернышко, посеянное в землю, дает потом бесчисленное множество плодов. Одна свеча зажигает тысячи свечей, распространяя свет повсюду, и сама после этого не угасает. Так почему же доброта не может быть одна на всех?

Но крестьянин продолжал настаивать:

— Ты говоришь верно. Но вот мой сосед, к примеру, постоянно поносит меня, пожалуй, его стоило бы исключить из тех, кому полагается добро.

Монах строго ответил:

— Я уже все сказал, есть ли еще что-нибудь кроме этого?!

Крестьянин застыл на месте: будто бы все потерял — но будто бы все и обрел.

Пути спадают

Один светильник освещает темную комнату, распространяя повсюду свой свет. Невозможно освещать что-то одно, оставляя другое в полном мраке. Однако даже этот всеобъемлющий свет не поможет исправиться безнадежно испорченным людям.

Сколько в нашем мире живет дурных людей! Всякий раз, встречая на своем пути человека испорченного, мы пытаемся помочь ему, образумить его. Но это совершенно бесполезно, ибо человека не свернуть с уже выбранного им пути.

Где находится Бугга?

Приход созерцания

Один последователь спросил чаньского наставника Хуэйхая:

— Последователи Чань говорят: «Твое сердце и есть Будда». Подскажите, где же находится Будда?

— *Так ты думаешь, что где-то нет Будды?* Ну-ка, покажи мне это место! — ответил монах.

Последователь не нашелся, что ответить.

— Ага, вижу, ты уже понял — всё, что нас окружает, — это и есть Будда, — сказал Хуэйхай. — Но ты так и не понял, что если человек не будет следовать Путем Дхармы, он никогда с Буддой даже не столкнется.

И последовать поклонился монаху в благодарность.

Пути спадают

Чань может показаться очень сложным, при этом будучи очень простым. Чань может показаться и очень простым, оказавшись на деле очень сложным. Тот, кто понимает это, — тот понимает, кто не понимает, — тот уже не поймет. Тому, кому не дано, не постигнет этого.

То же самое происходит и с талантливыми людьми. Особенность талантливого человека в том, что он в любых условиях может достичь небесного откровения. Он может с легкостью и по своему желанию совершить то, чего другим людям не удавалось за долгую жизнь и на что они тратили много сил. Да уж, если не дано достичь, то не достигнешь!

Чань одного пальца

Приход созерцания

Смеркалось, моросил мелкий дождик. Чаньский наставник Цзючжи сидел в монастырском зале, и внезапно к нему без стука и даже не сняв соломенной шляпы, вошла монашенка-бхиккуня. Она трижды обошла вокруг места для медитаций, на котором сидел монах, и сказала: «Если сможешь, ответить мне, и я сниму перед тобой свою плетеную шляпу».

Монахиня трижды повторила просьбу, однако наставник Цзючжи ни слова не сказал в ответ. Но когда Цзючжи увидел, что монахиня рассердилась и собирается уходить, ему стало стыдно и он предложил ей: «Уже стемнело, оставайся здесь на ночлег!»

Монахиня замедлила шаг и произнесла: «Так ответь мне, и я останусь».

Монах снова не нашелся, что сказать. Монахиня повернулась и ушла.

Через некоторое время чаньский наставник Тяньлун прибыл с визитом к Цзючжи, и тот, полный недоумения, рассказал во всех подробностях об истории с монахиней и попросил наставника Тяньлуна разъяснить, чего хотела от него бхиккуня.

В ответ наставник Тяньлун поднял один палец, и у Цзючжи и внезапно наступило просветление.

Пути спадают

Показать один или много пальцев — в чаньской практике имеет одинаковое значение.

Главный смысл одного поднятого пальца — непосредственно указать обучающемуся на глубокий духовный смысл. Избавившись от пустых иллюзий и взирая изнутри на все происходящее, сможешь в конце концов уловить смысл этого.

Вот и мы, если научимся слушать в любой момент, взирая на любое место и постоянно слушать, в конце концов, чем будем отличаться от чаньских последователей?

Чань отрубленного пальца

Приход созерцания

Поняв, что означает поднятый вверх палец, наставник Цзючжи пользовался этим приемом всякий раз, когда люди задавали ему вопросы о буддийском учении и о чаньском Пути, и ученикам сразу все становилось ясно.

У наставника Цзючжи жил послушник, который любил подражать своему учителю: как только Цзючжи уходил, а какой-нибудь человек

спрашивал что-либо, он также, как учитель, в ответ поднимал палец.

Когда наставник Цзючжи узнал об этом, он позвал к себе в зал для медитаций ученика:

— Так ты, значит, тоже постиг учение Будды? — спросил наставник.

— Постиг! — ответил он.

— Ну и что же такое учение?

Как только ученик, как обычно, поднял палец вверх, наставник Цзючжи тут же наотмашь полоснул по нему ножом и отрубил его.

Послушник закричал от боли, наставник рывкнул на него: «Болван! Я тебя спрашиваю, в чем заключается учение?»

Ученик хотел, было по привычке, снова поднять палец, но, увидев, что он отрублен, тут же прозрел.

Пути спадают

Послушник лишь подражал манерам наставника, но так и не понял глубинного смысла, который тот в него вкладывал. Вот и остался с девятью пальцами!

Немало людей обладают высоким статусом, деньгами, известностью. Но если в один прекрасный день они всё теряют, в их сердцах сразу становится пусто. А может быть такая потеря и есть прекрасная возможность прозреть исток своего изначального сердца?

Ущербное тело и полноценная гуша

Приход созерцания

Если перед слепым смахивать пыль, он не увидит этого; если глухому говорить красивые слова, он не услышит; если немому задать вопрос, он не ответит. Один ученик не знал, как объяснять буддийское учение таким людям, и решил задать по этому поводу вопрос наставнику Юньмэню.

— Раз уж ты решил спрашивать меня о буддийском учении, то сначала следует поклониться! — велел ему наставник.

Ученик поклонился. Но, увидев, как Юньмэнь поднял свой посох, словно собирался его ударить, испуганно попятился назад.

— Ты не слепой! Подойди же ко мне ближе! — нетерпеливо сказал Юньмэнь.

Ученик подошел.

— Ты не глухой! — громко воскликнул монах.

Немного помолчав, Юньмэнь спросил:

— Ну что, ты понял?

— Нет!

— Ты не немой! — прокричал наставник.

И тогда ученик понял, что имел в виду наставник.

Пути спадают

Бывает, что человек не глух, не слеп и не нем, но если основа его сердца не чиста, то подобен он слепому, глухому и немому.

На самом деле, даже слепой может услышать, даже глухой может сказать, и даже немой увидеть. Ведь за пределами слепоты, глухоты и немоты существуют те, кто не слеп, не глух и не

нем. Ну что ж, мы еще раз послушаем, посмотрим и поговорим, хорошо?

Через боль посмотреть на полет диких уток

Приход созерцания

Мацзу основал монастырскую общину, а его ученик Байчжан создал «чистые правила» — монашеские предписания. Эти оба монаха внесли огромный вклад в развитие учения школы Чань. Однажды Мацзу и Байчжан прогуливались вместе и вдруг увидели стаю диких уток.

— Что это? — спросил Мацзу.

— Стая диких уток, — без раздумий ответил Байчжан.

— И куда они летят?

— Они только что улетели, — сказал Байчжан.

Мацзу сильно ущипнул Байчжана за нос, и тот громко закричал от боли.

— Разве они еще не здесь? Как ты мог сказать, что они уже улетели?

Байчжан понял свою ошибку. Вернувшись в зал для медитаций, он зарыдал во весь голос. Другие монахи спросили, в чем дело, и Байчжан рассказал о том, как больно его ущипнул за нос Мацзу. Монахи спросили: «В чем ты ошибся?»

Байчжан ответил: «Спросите у учителя!»

Когда монахи обратились с тем же вопросом к Мацзу, тот ответил, что Байчжан и сам всё знает.

Пришлось монахам идти обратно к Байчжану. Но когда они пришли, то увидели его смеющимся.

Монахи очень подозрительно на него посмотрели и сказали:

— Ты же только что плакал, а теперь смеешься.

Байчжан ответил:

— Да, только что плакал, а теперь смеюсь.

Монахи остались в полном недоумении.

Пути спадают

Дикие утки могут улететь, а вот то, что никогда не улетит, — это пребывающее в светлых

мыслях и не затронутое никакими загрязнениями сердце человека.

Иногда, пройдя через какие-то страдания и боль, можно получить совсем неожиданные результаты.

Примечание

Мацзу Даои (709—788) — крупнейший наставник Чань, сыгравший значительную роль в формировании уникальных чаньских методов обучения, сочетающих проповеди, медитацию и регулярные беседы с учениками. Вся эта история взята из «Речений чаньского наставника Мацзу из провинции Цзянси» («Цзянси Мацзу Даои чаньши юйлу») — сборника проповедей и диалогов этого чаньского мастера. Уроженец местечка, неподалеку от столицы провинции Сычуань г. Чэнду, в молодости он обучался у Шестого патриарха Чань Хуэйинэна в провинции Гуандун, а затем стал учеником прямого последователя Хуэйинэна мастера Наньюэ Хуайжана в священных горах Хэншань в провинции Хунань. В конце концов он создал свою школу в южной части провинции Цзянси.

Скользкий путь по камням

Приход созерцания

Дэн Иньфэн пришел к Мацзу Даои попроситься. Наставник спросил его:

— Куда ты направишься?

— Я иду в горы Наньюэ к учителю Шитоу Сицяню.

— Путь к Шитоу очень скользок («Шитоу» по-китайски — «камень». Дословно: «Путь по камням очень скользок». — *Примеч. перев.*).

— Так со мной же монашеский посох, а если встретятся мне театральные подмости, я готов даже дать представление!

Мацзу дал Иньфэну последние наставления, и тот отправился из провинции Цзянси, где обучался у Мацзу, в провинцию Хунань, дабы поклониться наставнику Шитоу.

Придя к Шитоу, он прежде всего очертил круг вокруг его места для медитации, стукнул своим посохом и спросил:

— И в чем основной смысл этого?

— О, Небо! О, Небо! — воскликнул Шитоу.

Иньфэн ничего не понял и ничего не смог произнести в ответ. Он счел за лучшее вернуться к Мацзу и рассказать ему о странном поведении Шитоу Сицяня.

— Возвращайся обратно, — посоветовал ему Мацзу. — Когда же Шитоу вновь вскричит «О, Небо! О, Небо!», ты тотчас два раза выдохни с присвистом.

Иньфэн опять отправился на пики Наньюэ к Шитоу. Он проделал все, как и раньше, спросил, что все это значит, а Шитоу в ответ лишь два раза выдохнул с присвистом! Иньфэн опять не понял, в чем его ошибка и, вернувшись, рассказал об этом Мацзу.

Мацзу же заявил: «Я же тебе говорил, что Путь к Шитоу очень скользок!»

Пути спадают

Да уж, постичь Чань — не столь легко, как нарисовать тыкву-горлянку, он весь наполнен скрытыми подвижными пружинами! Когда

учитель Шитоу вскричал «О, Небо! О, Небо!», он указал, что главную идею Чань не выразить словами. А когда в следующий раз он просто выдохнул с присвистом, означало: и смысл Чань также невозможно облечь в слова.

Чань начинается там, где заканчиваются все слова — только в этом случае это и будет ровный путь.

Человек же должен начинать там, где пребывает его ровное сердце — только это и будет полноценная жизнь.

Примечания

1. *Дэн Иньфэн* — один из учеников Мацзу Даои, выходец из провинции Фуцзянь уезда Шаоу. Дэн — его мирская фамилия, а полное монашеское имя Утай Иньфэн.

2. *Шитоу Сицзянь* (700–790) один из крупнейших наставников Чань. Уроженец Дуаньчжоу, по преданию в своей молодости учился под руководством Шестого патриарха Хуэйнэна. Затем, так же как и Мацзу, стал учеником Наньюэ Хуйяня. Он создал свою школу в провинции Хунань

в местечке Наньюэ — «Южные пики». В известной мере его школа соперничала со школой Мацзу, однако эти два учителя нередко отправляли своих учеников друг к другу на «испытания».

Наставник-грубиян

Приход созерцания

Монах Хунчжоу Фахуэй из местечка Чжунтянь, что в провинции Цзянси, как-то спросил чаньского наставника Мацзу Даои:

— В чем высший смысл прихода Бодхидхармы с Запада?

— *Эй, говори потише!* — доверительно произнес монах Мацзу. — *Подойди поближе, я тебе кое-что скажу.*

Когда Фахуэй подошел к Мацзу, тот вдруг отвесил ему оплеуху прямо в ухо, а потом сказал:

— Сейчас слишком много людей, здесь неудобно говорить. Ты лучше сейчас иди, а завтра придешь вновь.

И Фахуэй, потирая свое ухо, удалился прочь.

На следующий день Фахуэй, будучи уже совсем один, снова посетил Мацзу.

— Так ответьте же на мой вопрос, — попросил он.

— Убирайся! И подожди, пока я взойду на помост для проповедей, и тогда задавай мне вопросы — придет время, и я приведу тебя к просветлению! — ответил Мацзу.

При этих словах Фахуэй испытал просветление. Он поклонился наставнику Мацзу и сказал: «Благодарю Вас, добродетельный, что открыли мне просветление!»

После чего Фахуэй вышел из зала для медитаций, сделал вокруг него круг, а затем ушел, весь преисполненный радости.

Пути спадают

Удар по уху — несомненно, тоже ответ. Это ответ, который кладет конец всем смыслам и всем размышлениям. То, что Мацзу дал оплеуху в ответ на вопрос Фахуэя, — и есть всё

вещающий в себя смысл Чань. А вот долгие рассуждения и попытки логического осмысления внутренней сути — уже не Чань.

Ну а сегодняшние чаньские наставники еще способны дать оплеуху?

Чань старого лиса

Приход созерцания

Наставник Байчжан Хуайхай был прямым последователем учения Мацзу Даои. Его вклад в развитие Чань выражен хорошо известной поговоркой: «Мацзу создал чаньскую школу, Байчжан создал “чистые правила” — монастырский устав».

Каждый раз, когда Байчжан читал проповедь, на нее собиралась вся община, а заодно и приходил какой-то пожилой человек, который уходил сразу после окончания наставлений. Однажды, когда все уже ушли, он остался. Байчжан спросил у него:

— Кто ты, стоящий передо мной?

— Я не человек, я — дикий лис. Я жил и наставлял в этих горах Байчжаншань еще в период Будды прошлого — Кашьяпы. Однажды один ученик спросил меня: «Человек, занимающийся духовными практиками, по-прежнему подвержен причинам и следствиям?» Я ответил ему: «Нет, он не подвержен причинам и следствиям!» И именно из-за этой фразы, что я тогда сказал, мне пришлось перерождаться в виде дикого лиса пятьсот раз. Сегодня же, прошу Вас, учитель, наставить меня в одном вопросе.

— Спрашивай! — ответил Байчжан.

— Человек, занимающийся духовными практиками, по-прежнему подвержен причинам и следствиям?

— Не стоит забывать о причинах и следствиях! — ответил Байчжан.

И в этот момент человек достиг просветления, а затем, поклонившись и прощаясь, сказал:

— Теперь я освобожден от тела дикого лиса. Я пойду пока в горы за монастырем. Наставник,

сможете ли вы свершить похоронный обряд для меня?

Байчжан попросил старшего монаха оповестить всех, что после дневной трапезы состоится траурная церемония. Монахи же стали спрашивать друг друга: «Что происходит? Ведь все мы здоровы, и никто не лежит больным в Зале нирваны». После трапезы Байчжан собрал всю общину за монастырем и показал монахам на мертвого лиса, что лежал у подножия скалы. А затем они, как и следовало по ритуалу, кремировали тело.

Вечером того же дня во время проповеди в зале для медитаций Байчжан рассказал, что произошло днем. Его ученик Хуанбо спросил:

— Этот учитель прошлых времен дал неправильный ответ и стал лисом на пятьсот перерождений. А что, если бы он дал верный ответ?

— Подойди поближе, я скажу тебе, — подзвал его Байчжан.

Хуанбо подошел поближе и отвесил оплеуху Байчжану. Рассмеявшись, Байчжан захлопал в ладоши и сказал:

— Я думал, только варвары носят странные бороды. Сейчас же вижу, что и у тебя странная борода!

Пути спадают

«Не подвержен причинам и следствиям» и «Не стоит забывать о причинах и следствиях» хотя эти две фразы отличаются лишь одним иероглифом, смысл их абсолютно различен. «Не подвержен причинам и следствиям» означает, что человек полностью отрицает причинно-следственные связи, а вот «Не стоит забывать о причинах и следствиях» говорит о том, что буддийское учение и способ жизни в этом мире не имеют никакой двойственности. Первое высказывание соотносится с пустотой, второе — указывает срединный Путь. Кажется, разница лишь в один иероглиф — а на самом деле разница в целом мире!

Каждый человек в своих действиях использует сердце или душу, а поэтому и следует взирать внутрь своего сердца, и не стоит позволять ему становиться опоркой для твоих же оши-

бок. Поэтому и говорят «Ошибешься в начале пути на один малый шаг — в конце дороги отклонишься на тысячи ли».

Примечания

1. Этот отрывок целиком взят из знаменитого собрания чаньских речений «Застава без врат» («Умэнь гуань»).

2. Быть «подверженным причинам и следствиям» означает оставаться в плену перерождений.

3. Ответ Байчжана про «странную бороду» становится очевидным, если вспомнить, что «бородатым варваром» называли Первого патриарха Чань Бодхидхарму, пришедшего из Индии. Байчжан сравнил Хуанбо с самим Бодхидхармой.

Наставления Будды

Приход созерцания

Когда Будда собрался отойти в нирвану, вокруг него собрались боддhisатвы, архаты и

многочисленная толпа небесных и земных существ, а священные существа девасы, наги и другие восемь классов существ окружили его плотным кольцом.

Один из них, великий боддhisатва Манджушри выступил вперед и попросил Будду прочитать им напоследок проповедь.

И Будда мелодичным голосом промолвил: «Манджушри! Я прожил на земле сорок девять лет и за все это время не говорил ни слова про это. Сейчас же, просьба вновь наставить вас в Дхарме означает предположение, что я когда-то это уже делал».

И в тот же миг многотысячная толпа достигла озарения.

Пути спадают

Лекарство следует подбирать, исходя из болезни, а чтобы не угасал огонь, нужно подбрасывать дрова. Путь Будды всегда соответствует этим принципам. Если человек будет стараться лишь уяснить принцип учения Будды, он не сможет никогда им правильно воспользоваться — это и стремились передать нам Будды всех трех миров.

По сути, основной принцип учения крайне прост: «Проголодался — поешь». Ну а если уже переправился через реку, зачем же после этого всю дорогу тащить за собой на спине еще и лодку?

Примечания

1. «Девасы, наги и другие восемь классов существ» — различные существа, обитающие на Небесах и в подземном мире: девасы, наги, якши, гандхаравы, гаруды, киннары (небесные музыканты), махораджи, ашуры.

2. «Будды трех миров» — Будда прошлого (Кашьяпа), Будда настоящего (Шакьямуни), Будда будущего (Майтрея).

Каллиграфия чаньского наставника

Приход созерцания

Как-то один суйцай, ученый низшего ранга, пришел к чаньскому наставнику Даомину. Этот

суйцай рассказывал о себе как о знатоке 24 стилей каллиграфии.

Даомин посохом, который был зажат у него в руке, ткнул несколько раз куда-то в воздух перед собой и спросил:

— Ну а это ты знаешь?

Суйцай даже и не знал, что сказать в ответ, чтобы не ошибиться.

А наставник Даомин воскликнул: «Только что он рассказывал мне о 24 стилях каллиграфии, а оказывается, он даже не знает восьми элементарных базовых способов письма!»

Пути спадают

Суйцай знал все стили каллиграфии, а вот чаньский наставник познал саму суть каллиграфии.

Если ты сможешь сейчас жить, исходя исключительно из понимания сути Чань, и через свое все понимающее просветленное сердце делать все дела, то и этот мир вскоре также прозреет!

Метаморфозы того, кто тащит гроб за собой

Приход созерцания

Наставник Пухуа практиковал чаньский Путь в школе чаньского мастера Линьцзи. Однажды он стоял на улице и просил людей пожертвовать ему одежду. Один из последователей отдал Пухуа самое лучшее платье. Но монах не принял его дара.

Кто-то рассказал об этом случае самому Линьцзи, тот не задумываясь, купил своему ученику гроб и отослал Пухуа. Пухуа очень обрадовался: «Вот теперь мне купили одежду!» И тут же отправился бродить по улицам, таща за собой гроб. Он кричал на всю улицу: «Наставник Линьцзи подарил мне буддийские одежды, в которых не стыдно будет умереть! Завтра утром я приду к восточным воротам, чтобы отойти там в мир иной».

На следующий день Пухуа в назначенное время притащил свой гроб к тем самым восточным воротам. Поглазеть на него собралось целое

море людей. И сказал Пухуа людям: «Сегодня слишком много зевак, умереть, как надо, не получится. Пойду-ка я завтра умирать к южным воротам».

Так повторялось три раза: люди отправлялись за Пухуа то к южным, то к западным, то к северным воротам. В конце концов народ перестал верить монаху и потерял к нему всякий интерес. Люди говорили: «Пухуа нас всех обманул. У Пухуа — такой цветущий вид. Да разве может человек просто пообещать умереть и тут же отойти в мир иной по своей воле?! Больше не пойдём за ним!»

На четвертый день Пухуа притащил свой гроб к северным воротам и, видя, что никто на этот раз не пришел, радостно воскликнул: «Вы были очень терпеливы, когда я таскал вас повсюду за собой, и шли за мной вслед, не зная усталости. А сейчас я покажу вам, как я буду умирать».

С этими словами Пухуа влез в гроб, хлопнул крышку и больше не издал ни звука. Перед тем, как лечь в гроб, он вежливо

попросил прохожего простолюдина заколотить крышку.

Пути спадают

Жизнь — отраднa, а смерть — прискорбнa. Так относится ко всему обычный человек. Для чаньского наставника и жизнь, и смерть — всего лишь игра. Если он скажет, что собирается жить, — значит, будет жить, если скажет, что собирается умереть, — значит, умрет. Как монах Пухуа например. Таков и этот мир!

Примечание

Пухуа — один из лучших учеников Линьцзи, чье имя означало «Всеобщие» или «Обыденные изменения». Прославился также как замечательный музыкант. Стал широко известен в Японии под именем Фуке — его учение широко распространилось на японских островах с XIII века.

Как монах стал отцом

Приход созерцания

Наставник Байцзи в глазах соседей всегда считался человеком, ведущим исключительно целомудренную жизнь. Между тем у соседей жила одна красивая девушка.

Однажды эта девушка, не будучи замужем, забеременела, чем необычайно разгневала своих родителей. И они начали расспрашивать ее со всей строгостью о том, кто является отцом ребенка. Вначале девушка не хотела отвечать, но понимая, что от ответа не уклониться, назвала имя наставника Байцзи. Родители были сильно поражены, страшно разгневались и отправились к монаху Байцзи, чтобы спросить с него по всей строгости.

Наставник Байцзи, услышав обо всем, лишь промолвил: «Так ли это?»

Когда ребенок родился, заботу о нем полностью поручили монаху Байцзи. Репутация Байцзи в глазах других очень упала, но его

самого это совершенно не заботило, и он молча терпел косые взгляды. Получив от соседей все необходимые для ребенка вещи, он заботился о малыше.

Год спустя, молодая мать, не стерпев угрызений совести, призналась, что настоящим отцом ребенка был некий парень из соседней деревни. Едва узнав об этом, ее родители помчались к монаху Байцзи. Они принесли ему глубочайшие извинения, умоляли смилостивиться над ними и отдать ребенка.

Монах Байцзи, возвращая малыша, снова задал им лишь один вопрос: «Так ли это?»

Пути спадают

Если досадно на душе — не злись, если радостно — не веселись. Будь выше всего этого. Смысл вопроса «Так ли это?» очень глубок. Недалекий человек никогда его не задаст.

А если же кто обвиняет тебя понапрасну, возможно, больше всех надеется именно на тебя.

Дружба с тиграми и барсами

Приход созерцания

Монах Вэйцзе, живший при династии Сун, поселился в самой глубине гор Тяньтай, что в провинции Чжэцзян, соорудил себе хижину из трав и прожил так более сорока лет, пока его не обнаружил один дровосек.

— Неужели Вы живете здесь один, занимаясь самосовершенствованием? — спросил дровосек.

— В этих глухих горах уже от одного человека может стать слишком людно, так зачем же здесь еще нужен кто-то? — сказал Вэйцзе.

— Неужели у Вас здесь нет друзей? — снова спросил дровосек.

Вэйцзе в ответ хлопнул в ладоши, и к нему на этот звук тут же вышли тигры и барсы. Видя, как напуган дровосек, монах сделал зверям знак рукой, чтобы те ушли обратно.

— Эти травы, цветы и деревья, что растут под белыми облаками, насекомые, змеи и дикие

животные, — все они мои друзья, — сказал монах.

Дровосек был чрезвычайно растроган и попросился к Вэйцзе в ученики. Буддийский отшельник указал дровосеку одно из главнейших правил учения Будды: «Пускай ты и мирянин, но мирянином не являешься. Пускай ты и не мирянин, не стоит пренебрегать мирскими принципами».

И дровосек полностью постиг данное наставление.

С тех пор в эти горы все чаще стали навещаться последователи Учения. Белые облака, плывущие по небу над пиками Цуйму, травы и деревья, тигры, небесные птицы, стрекочащие насекомые — именно в этих местах и возникла одна из крупнейших буддийских школ.

Пути снагаюм

«Пускай ты и мирянин, но мирянином не являешься» — это значит, что в каждом из нас есть природа Будды. «Пускай ты и не мирянин, не стоит пренебрегать мирскими принципами» — означает, что познание мира и уход из него от-

нюдь не представляют двух разных вещей. Это — результат того живого опыта, который приобрел чаньский наставник Вэйцзе за сорок лет жизни в горах.

Если в сердце есть хоть капля добра, то вполне можно подружиться и с тиграми, и с барсами. Ну а что же надо иметь в сердце, чтобы дружить с людьми?

Чай вне размышлений

Приход созерцания

Ученик чаньского наставника Ити по имени Чжугуан разработал «Путь чая» — особую чайную церемонию. Как-то раз наставник Ити задал ему вопрос:

— Скажи, Чжугуан, ради достижения какого состояния ты практикуешь чаепитие?

— Ради здоровья! — ответил Чжугуан.

Наставник Ити приказал службе принести чай. Когда Чжугуан поднял свою чашку, настав-

ник Ити вдруг с громким криком вырвал ее и бросил на пол. Но Чжугуан даже мускулом не дрогнул.

Через минуту Чжугуан встал и, поблагодарив наставника, собрался уходить.

— Эй, Чжугуан! — окликнул его Ити.

— Я здесь!

— Твоя чашка упала на пол и разбилась. А у тебя еще остался чай? — спросил наставник Ити.

— Ваш ученик продолжает пить чай, — сказал Чжугуан, сложив ладони так, будто он держит чашку.

— Ты же собрался уходить, — продолжал спрашивать наставник, — как же ты можешь говорить, что продолжаешь чаепитие?

— Я буду пить чай там, куда сейчас направляюсь.

— Я только что спросил тебя, какого состояния ты хочешь достичь за чаепитием, ты же лишь думаешь о том, попить ли чай здесь или попить его в другом месте, — так ты не достигнешь вообще никакого состояния. Как же можно заниматься чаепитием вне всякого состояния?

Чжугуан спокойно ответил: «Пить чай вне всяких состояний так же естественно, как то, что ива зелена, а цветы красны». Наставник Ити немало возрадовался такому ответу.

Пути спасают

Чай «со вкусом Чань» — это чистый обычный чай, чай без каких-либо состояний души. Чаепитие вне какого-то конкретного душевного состояния — это всеобъемлющее явление, как и зеленый цвет ивы и красный цвет цветов, и за пределами этого нет никакого иного мира. Попивая чай вне всякого состояния души, почувствуешь истинный вкус просветления. Не веришь — попробуй-ка чашечку чая!

Искать огонь в печи

Приход созерцания

Однажды монах Гуйшань Линью посетил монаха Байчжана Хуайхая.

— Кто здесь? — спросил Байчжан.

— Я, Линъю, — ответил Гуйшань.

— Открой печь и посмотри, остался ли там еще огонь, — приказал ему Байчжан.

— Нет, — ответил Гуйшань, хорошенько поворошив золу.

Байчжан встал с места, подошел к печи, залез щипцами поглубже и, *вытащив горящий уголек, показал его Гуйшаню: «Ну а это что же?»*

Гуйшань тут же испытал великое озарение и, поклонившись в благодарность, сообщил об этом Байчжану. Тот же заметил: «Ты всего лишь постоянно идешь по кривой тропинке. Для познания природы Будды нужно смотреть на точный момент и благоприятные причины. Когда приходит точный момент, то протрезвляешься от опьянения заблуждениями и просыпаешься от забытья. Когда достигнешь этого, то поймешь: что есть в тебе, пришло отнюдь не от других людей. Патриархи учения говорили: “Просветление подобно отсутствию просветления, а вот отсутствие сердца и есть отсутствие сердца”. Твое сердце и буддийское учение изначально и есть

одно и то же. Теперь же тебе следует хорошенько оберегать это».

Пути спадают

То, что в печи изначально есть огонь, символизирует: в нас изначально в сокрытом виде есть природа Будды, лишь надо смотреть, проявлена ли она. Наставник при помощи поиска огня в печи наставил Гуйшань Линъю в том, чтобы постичь свой истинный лик. Когда суть Чань становится очевидной, а состояние духа — абсолютно ясным, то состояние просветления оказывается подобным отсутствию просветления, лишь надо смотреть на точный момент и благоприятные причины.

Существуя в огромном потоке дел, разве это не то, о чем говорят: «С этим можно столкнуться случайно, но нельзя специально домогаться этого, стремясь к этому»? Ведь достаточно лишь следовать своему сердцу.

Примечания

1. *Гуйшань Линъю* — один из двух, наряду с Хуанбо, прославившихся учеников мастера

Байчжана Хуайхая (720—814), который в свою очередь учился у знаменитого Мацзу Даои.

2. *Благоприятные причины* (кит. иньсян, санскр. хэтупратья) — буддийское понятие, которое включает первичные причины (инь, санскр. хэту) и вторичные причины (сян, санскр. пратья). Например, «зерно» является первичной причиной, а вторичные или производные от него — дождь, роса, крестьянин, то есть все, что связано с зерном, его выращиванием, обработкой и т. д. Буддизм рассматривает 12 первичных и вторичных причин, образующих связь всего существующего.

Вопрос о сладких лепешках

Приход созерцания

Однажды наставника Мучжоу Даомина посетил один ученик-монах, который изучал учение школы Дхармалакшаны — о Единстве всего сущего.

На столе у монаха стояло блюдо со сладкими лепешками.

— Значит, ты утверждаешь, что все три мира являются лишь отражением нашего сердца, и все есть лишь наше сознание? — поинтересовался Даоин, разламывая лепешку надвое.

Ученик промолчал.

— А верно ли будет назвать эту вещь сладкой лепешкой? — вновь спросил Даоин. — Или будет вернее так ее не называть?

Ученик задумался столь напряженно, что у него на лбу выступила испарина. Наконец он промямлил:

— Как это еще назвать, если не лепешкой?

Монах оглянулся и окликнул послушника-шраманера, что находился поблизости:

— А как ты назовешь лепешку, разделенную на два куска?

— Даже у двух кусков остается единое целое, — тут же выпалил послушник.

— Ну и так как ты это назовешь?

— Лепешкой!

— О, ты тоже разбираешься в учении Дхармалакшаны! — громко рассмеялся Мучжоу Даомин.

Пути спадают

Последователь Чань обладает живым и подвижным сознанием, поскольку это сознание никак не привязано к вещам и явлениям материального мира. И вместе с тем чаньское сознание практично, поскольку, сохраняя эту гибкость в каждой своей мысли, оно не подвержено извлечению выгоды или сомнениям.

Основная цель вопросов ученика — извлечь для себя какую-то пользу. Но если только задавать ученические вопросы, это будет подобно попытке маленькими шажками преодолеть большое расстояние.

Примечания

1. Школа Дхармалакшаны (кит. Вэйшицзун) — одно из философских направлений буддизма, утверждающих, что все сущее есть лишь проявление нашего сознания в его высшем

выражении. Из этого утверждается неразделимое единство всего сущего.

2. *Послушник-шраманера* (кит. шаэр) — особая категория новичков-послушников, которые берут на себя обет соблюдать десять основных заповедей, в том числе прекратить совершать зло и следовать только добру. Существовало три категории шраманер: молодые (7–13 лет), «достаточно взрослые для того, чтобы отпугивать птиц» (14–19 лет) и «способные откликаться на дхарму» (20–70 лет).

Он не галек от Бугды

Приход созерцания

Как-то к чаньскому наставнику Эшаню пришел один студент и спросил: «Читали ли Вы христианскую Библию?»

Эшань признался, что не читал, и попросил прочесть ему несколько отрывков. Студент открыл «Евангелие от Матфея»: «И об одежде

что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них!.. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем...»

Эшань слушал и кивал головой в знак согласия, а затем сказал:

— Кто бы ни был тот человек, которому принадлежат эти слова, но, по-моему, он уже постиг все истины.

— *«Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»*, — продолжал читать студент.

— Замечательно! — воскликнул Эшань. — Не важно, что за человек произнес эти слова, но я полагаю, что он не далек от Будды!

Пути спадают

Главная цель того, что называют религиозным учением — помогать всем людям. С этой

точки зрения все учения достигают единства в великом и различаются лишь в малом. И в своих мыслях о спасении людей наставник Эшань не утрачивает единства Чань.

Форма и есть пустота

Приход созерцания

Один ученый монах как-то спросил чаньского наставника Чаочжоу:

— Вот утверждение: «Форма — пустота, пустота обладает формой». Как же понять все это?

— Послушай-ка мою гатху, — ответил Чаочжоу:

*То, во что упираешься, — отнюдь не стена,
То, что проходишь насквозь, — отнюдь
не пустота.*

*Если бы это ты понял сразу,
Не было б различия между формой
и пустотой с самого начала!*

Но монах все же никак не мог понять этого и вновь спросил:

— Учитель, я же попросил Вас разъяснить мне утверждение, что «Форма — пустотна, пустота обладает формами»!

— А... ну тогда: «Форма — пустотна, пустота — обладает формами»!

И монах достиг великого просветления.

Пути спадают

Все вещи, которые мы можем видеть в этом мире, в буддизме именуются «формами» (санскр. рупа). Принцип форм рождается из причинно-следственных связей и не существует отдельно сам по себе, а поэтому они и не обладают собственной природой, которую можно было бы достичь. Вот именно это начало, которое невозможно достичь, и есть пустота. Поэтому и говорится «форма — пустотна». Пустота же не является отсутствием чего бы то ни было, она лишь является противоположностью миру форм, и в этом смысле тоже не может быть достигнута, а поэтому «пустота обладает формой».

Вот этот принцип «Форма — пустотна, пустота обладает формой» отличает буддизм от многих других учений.

Примечания

1. Буддизм оперирует понятием единства «формы» и «пустоты». Под «формой» (кит. сэ, санскр. рупа) подразумеваются любые формы и объекты внешнего мира, действия, краски, запахи и даже желания и искушения. «Формы» иногда подразделяются на два типа (внешние и внутренние) или на три типа: видимые объекты, невидимые (например звуки), и невидимые или нематериальные.

2. Пустота (кит. кун, санскр. шуньята) имеет множество трактовок в разных школах, но так или иначе все сходятся на том, что изначально материальный мир пустотен.

Негостеприимный хозяин

Приход созерцания

Чаньский наставник Линьцзи пришел как-то к наставнику Хуаяню, который в это время тихонько дремал. Линьцзи растолкал его и спросил, почему он преспокойно отдыхает, пока другие монахи в зале для медитаций занимаются духовной практикой.

Хуаянь, даже не дрогнув мускулом на лице, невозмутимо ответил:

— Вид и поведение истинного духовного последователя ничем не отличаются от того, как выглядит и ведет себя обычный человек.

Линьцзи тут же нашел, чем зацепить Хуаяня, и крикнул:

— Ну-ка, где здесь слуга-послушник? По-дайте-ка этому «истинному духовному последователю» Хуаяню чашку чая!

Хуаяня ничуть не задело такое непочтительное обращение к его же собственному послушнику, наоборот, он с какой-то радостью приказал ему:

«Пожалуйста, найдите этому ученому монаху, который к нам пришел издалека, место поспокойнее в зале для медитаций, он ведь готов проповедовать всем монахам Поднебесной!»

Линьцзи, ушел, не поблагодарив в ответ, и по пути бормотал раздраженно: «Твой уровень совершенства только и позволяет, что дрыхнуть целыми днями, ведь во всей Поднебесной не найдется другого такого человека, который так бы принимал чаньских гостей!»

Пути спасают

Хотя хозяином здесь была неучтивость, сердце самого хозяина не было даже на долю неучтивым. Шутки между чаньскими последователями равны обмену знаниями между мудрецами.

Поддерживать такое шутливое состояние по отношению ко всему отнюдь не сложно. Но, даже подшучивая над другими, стоит обладать мудростью, чтобы соблюдать такт и чувство меры. Вот именно в этом и заключается самое главное!

Утром услышать, а вечером умереть

Приход созерцания

Чаньский наставник Линсюнь из области Фучжоу, с «Лотосовых гор» — Фужуншань как-то впервые пришел к чаньскому наставнику Чжичану в монастырь Гуйцзунсы в горы Лушань и задал ему вопрос:

— Что есть Будда?

— Ты согласишься, если я скажу тебе? — спросил Гуйцзун.

— Ваши слова наполнены истинной искренностью, как же я могу усомниться в них? — удивился Линсюнь.

— Ты и есть Будда!

— Как же это понимать? — ошеломленно спросил Линсюнь.

Гуйцзун ответил гатхой:

Если у тебя бельмо на глазу,

*То даже цветы пустоты покажутся тебе
в беспорядке.*

Линсюнь понял все сказанное. И с этого времени поселился у Гуйцзуна и усердно совершенствовался.

Прошло много лет, Линсюнь решил вернуться в родные места и пришел к Гуйцзуну, чтобы попрощаться.

— Куда ты идешь? — спросил наставник.

— Возвращаюсь в горы, — ответил Линсюнь.

— Ты ведь живешь у меня уже тринадцать лет! Ну что ж, раз уже тебе действительно надо уходить, то собери все свои вещи, а потом зайди ко мне, и я открою тебе одну буддийскую истину, — милосердно предложил Гуйцзун.

Линсюнь так и сделал — собрал свои вещи и снова зашел к наставнику.

— Иди сюда! — подозвал Гуйцзун своего ученика.

Тот послушно подошел к наставнику, и лишь услышал, как Гуйцзун тихонько произнес: «Погода сейчас такая морозная, ты должен хорошенько позаботиться о себе в дороге».

И Линсюнь, едва услышав эти слова, внезапно забыл обо всех своих намерениях и испытал просветление!

Чаньский наставник Линсюнь после этого спустился с гор и вернулся к себе. Вскоре он спокойно ушел в нирвану. Ему был присвоен посмертный титул Хунчжао Даши — «Великого наставника, что освещает суть».

Пути спадают

Проживай каждую минуту своей жизни с чистым и светлым сердцем. Удерживай в сознании каждый миг, каждый момент жизни. Устрани привязанность к нелепым мудрствованиям, что живут в сердце, и тогда из мира обыденного сможешь войти в чертоги необыкновенного. Разве не в этом заключается суть Чань?

Примечания

1. Гуйцзун Чжичан — один из лучших учеников мастера Мацзу. Происходил из местечка Цзянлин на территории современной провинции Хубэй. Закончив обучение у Мацзу, поселился

на горе Лушань, где его неоднократно посещал знаменитый поэт Бо Цзюйи.

2. Фужун Линсюнь (1043—1118), обучался и долгое время жил в провинции Фуцзянь.

Не посрамил звания послушника

Приход созерцания

В монастыре подошло время приема пищи. Наставник Шиди стоял прямо перед залом медитаций и наблюдал, как младшие монахи и послушники с чашками для риса в руках направляются в трапезную.

Он спросил у одного из проходящих мимо послушников:

— Ты куда направляешься?

— Иду в трапезную! — ответил пробежавший послушник.

— В твоей руке — чаша для еды. Так почему же я по-прежнему не знаю, что ты идешь в трапезную?

— Вы, наставник, уже знаете! Зачем же еще раз спрашиваете?

— Я спрашиваю о твоей миссии!

Послушник вытянул руку с чашей и воскликнул:

— Если Вы меня спрашиваете о моей миссии, то сейчас она заключается в том, чтобы пойти в трапезную!

Наставник Шида расхохотался:

— Да, ты действительно не посрамил статуса моего послушника!

Пути спадаяют

Конечно же, жизненная миссия последователя Чань — путем практики созерцания, через прозрение сути Чань просветлить свое сердце и прозреть собственную природу, постигнуть суть жизни, освободиться от смерти. Все истинные чаньские последователи знают принцип «Нет такого места, где не было бы Чань». А поэтому их жизнь в полной мере наполнена чаньским смыслом.

Насколько далек Чань именно от тебя? Когда к тебе по-настоящему придет понимание

этого, ты сможешь обнаружить, что в повседневной жизни суть Чань встречается буквально везде!

Истинное и ложное

Приход созерцания

Когда чаньский наставник Чжэюань Чжунсин был еще слугой-послушником при мастере Даоу, он как-то раз принес своему учителю чай. Даоу, поднося чашку ко рту, спросил:

— Это ложное? Или это истинное?

Чжунсин быстро подошел к наставнику и стал прямо перед ним, но так ничего и не сказал в ответ.

— Если это ложное, значит это должно быть ложным в любом случае. А если — истинное, значит это в любом случае будет истинным, — сказал Даоу.

— Я так не думаю, — возразил Чжунсин, покачав головой.

— Каково же твое мнение?

И тогда Чжунсин, вырвав чайную чашку из рук Даоу, прокричал: «Ну а вот это истинно?!»

Наставник Даоу, прихлопнув в ладоши, расхохотался: «Да, ты не посрамил звания моего послушника!»

Чжунсин лишь поклонился в ответ.

Пути спадают

Если в твоей душе много ложного, то будет очень сложно постичь истинное. Если же в сердце есть истинное, то сложно его будет загрязнить ложным. Но изначальная природа сердца — едина, так как же его использование может быть двойственным? Так где же в таком просветленном и одухотворенном сердце, что пронизано единой мыслью, найдется место для истинного или для ложного?

Мы же извечно закабаляем и замутняем нашу изначально светлую и спокойную душу разными стереотипными представлениями о жизни. Ну и где же здесь свобода сердца?

И у меня есть язык!

Приход созерцания

Чаньский наставник Юаньянь из монастыря Гуанхуэйсы, что в области Жучжоу, происходил из области Цюаньчжоу, его мирское имя было Чэнь. В тот период, когда он только начал постигать Учение, он поселился у наставника Чжэньцзюэ. Днем он выполнял у него все работы по дому, вечером же, читая сутры, занимался духовными практиками.

Однажды его учитель Чжэньцзюэ спросил у Юаньяня:

— Какую сутру ты читаешь?

— «Вималакирти-сутру».

— И где же в этой сутре находится сам последователь Вималакирти?

Чжэньцзюэ растерялся и не нашел ничего лучшего, как спросить в ответ:

— Ну и где же здесь Вималакирти?

— Если я знаю это — замечательно, не знаю — ну и ладно, в любом случае я не

могу сказать этого тебе! — воскликнул Чжэньцзюэ.

Юаньянь почувствовал себя очень пристыженным и, попросившись с учителем Чжэньцзюэ, отправился в пешие странствия. Ему уже перевалило за 50 лет, а он все никак не мог достичь просветления.

Однажды Юаньянь посетил учителя Шоушань Шэньняня, который жил в провинции Хэнань, в горах Шоушань и спросил его:

— Многие ученые люди приходили в эти драгоценные горы, но возвращались отсюда с пустыми руками. Как Вы думаете, почему так происходило?

— *Перед воротами каждого дома горит огонь!* — ответил наставник Шоушань.

В этот момент Юаньяня постигло великое озарение, и он воскликнул:

— Я и не сомневался в языке старого монаха всей Поднебесной!

— Так что же ты понял? — спросил Шоушань. — Ну-ка расскажи мне!

— У меня тоже есть язык! — ответил Юаньянь.

— О, ты воистину понял! — радостно воскликнул Шоушань.

Пути спадают

Чаньское озарение — отнюдь не пустая иллюзия!

Мы можем подвергать сомнению всё что угодно, но вера приходит от самого факта подтверждения той истины, которая являет собой безграничную мудрость. Да и сами наши сомнения есть лишь проявление нашей способности различать знания.

Примечание

Вималакирти — индийский последователь, прославившийся своим праведным поведением, как считается, был современником Будды Шакьямуни и, возможно, даже посещал Китай. «Вималакирти-сутра» (полное название «Вималакирти-нидреса сутра») является апокрифическим изложением беседы между Буддой

Шакьямуни и жителями Ваисали, где жил и Вималакирти. Эта сутра была переведена на китайский язык сначала индийским проповедником Кумарадживой, а позже китайским монахом Сюаньцзаном. Суть всего диалога заключена в том, что книжные знания не приносят просветления, более того — не надо за ними отправляться и в высокие горы, поскольку «перед воротами каждого дома (другое значение — «в каждой школе») горит огонь».

Счастье в преисподней

Приход созерцания

Был у Будды один ученик по имени Девадатта, который находился с ним в постоянном противостоянии, за что и был низвергнут в преисподнюю.

И как-то раз Будда послал к нему своего ученика Ананду с вопросом: «Спокойно ли тебе живется в преисподней?»

Девадатта, который тем временем поджаривался в геенне огненной, передал в ответ: «Хоть тело мое и находится в аду, но чувствую себя так, будто пребываю в дхиане — в высшем раю, на сердце никогда не было столь спокойно и радостно!»

Тогда Будда снова послал Ананду с вопросом: «Собираешься ли ты выйти оттуда?»

Девадатта передал ясный ответ: «Я из преисподней не выйду до тех пор, пока сюда не спустится Будда».

Озадаченный Ананда возразил:

— Но ведь Будда преодолел уже мир переРождений, он является Небесным наставником, вышедшим за пределы всех трех миров. Так зачем же ему еще спускаться в преисподнюю?

Девадатта своими словами еще более озадачил Ананду: «Если Будде здесь делать нечего, то с какой стати мне отсюда выходить?»

Пути спадают

Схватка тигра и слона не идет ни в какое сравнение с дракой зайца и лисицы. Имея силь-

ного соперника, ни в коем случае нельзя самому проявлять слабость? Откуда сильный соперник знает, что он не так уж и силен?

Будда не хотел допустить, чтобы Девадатта и дальше продолжал с ним вражду. Милосердный наставник глубоко познал своего соперника и не хотел, чтобы все его истинные достоинства погрязли в пучине зла, потому и воспользовался возможностью преподавать ему и всем нам хороший урок. Разве не может такая мудрость, что живет глубоко в сердце, не служить нам хорошим примером того, как стоит относиться друг к другу.

Примечания

1. *Девадатта* был сыном раджи Дроноданы и двоюродным братом Шакьямуни. Он выступал как противник Шакьямуни, причем неоднократно использовал свою магическую силу. По легенде, за это он был отправлен в преисподнюю, где был заживо съеден. При этом существовало предсказание, что ему дано будет переродиться в виде Будды Девараджи. Некоторые буддийские группы поклонялись ему как Будде до V века.

2. Ананда, чье имя означает «радость», был также сыном раджи Дронаданы и младшим братом Девадатты. Он прославился как один из наиболее одаренных последователей Будды Шакьямуни, который мог запомнить все его проповеди наизусть, за что и прослыл «многослышащим». После ухода Будды в нирвану собрал все его сутры в пещерах Ваибхаре, где собирались его ученики. Стал Вторым патриархом буддизма.

О счастье и страдании

Приход созерцания

Чаньский наставник Байма Сюньчжао часто любил повторять: «Как прекрасно! Как счастливо!» Но когда уже не за горами была его кончина, он все чаще громко причитал: «Горе мне! О, горе!» А порой бывало, что он мог в испуге закричать: «Владыка ада Ямараджа придет за мной!»

Как-то раз настоятель монастыря, услышав в очередной раз подобные стенания, упрекнул

его: «В былые времена, ты, будучи еще цзедуши (правителем области), однажды упал в реку и сумел при этом сохранить полное спокойствие. Как же ты сейчас можешь так себя вести?»

Чаньский наставник сказал:

— Высокочтимый монах, подойдите ко мне!

Настоятель подошел к ложе, на котором лежал Сюньчжао. Тот приподнял голову с подушки и сказал:

— То время, о котором ты говорил, и сегодняшний день — это разве одно и то же?

Настоятель счел лучшим промолчать в ответ.

Пути спадают

Радость — это, конечно, Чань. Но почему же страдания не могут быть Чань? Люди, занимаясь своими делами, знают лишь одну сторону вещей и явлений, при этом совершенно забывая о другой. Истинные чаньские наставники никогда не будут ограничивать себя в проявлении своих чувств только ради того, чтобы другие сочли их людьми праведными. Во всех своих намерениях они абсолютно открыты

и искренни. Воистину, их чаньское сердце может проявиться повсеместно. Они — искренни и открыты!

Каждый человек может стать искренним, но вряд ли можно требовать от всех искренности и открытости.

Пустой гом

Приход созерцания

Когда индийский монах Нагасена держал речи, все вокруг наполнялось утонченной и чудесной мудростью, и правитель Милинда часто приходил к нему послушать наставления.

Однажды правитель Милинда спросил Нагасену:

— Твои глаза, уши, нос и язык — это и есть ты?

— Нет, — добродушно улыбаясь, ответил монах.

— Тогда в своем «истинном ты» ты обладаешь лишь телом или «истинный ты» — это еще и «сознание»? — снова спросил правитель.

— Тоже нет, — ответил Нагасена.

— Тогда где же ты? — спросил в недоумении Милинда.

— Окна, двери, стул, кровать, кирпичи, черепица, балки — разве это все дом? — улыбнувшись, спросил в ответ Нагасена.

— Нет, — немного помедлив, ответил правитель.

— Тогда где же дом?

И в этот момент правителя Милинду постигло великое озарение.

Пути спадают

Вся наша жизнь пронизана стереотипами, мы ее проживаем, опираясь лишь на них. Когда опустошим эти понятия и стереотипы, мы внезапно все поймем. Все, что останется после этого внутри нас, — пустотное, просветленное и свободное от всего сердце. Это и есть изначальный лик нашего сердца,

состояние, в котором мы находились у самого истока.

Примечания

1. *Нагасена* — известный монах-бхикшу, наставник правителя, его наставления описаны в сутре «Милиндапанха».

2. *Сознание* (кит. и, санскр. *манас*) обычно понимается как способность к мышлению, сила ментального восприятия, интеллектуальная функция сознания. Манас — шестая из садьятан, или шести типов восприятия в буддизме: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, и сознание.

Сокровищница, что запрятана у тебя дома

Приход созерцания

Мирское имя наставника Дачжу Хуэйхая из области Юэчжоу было Чжу. Когда он покинул

дом и принял постриг, то удалился в монастырь Даюньсы — «Больших облаков», где и постигал буддийское учение. Когда Хуэйхай впервые пришел к чаньскому наставнику Мацзэ Даои, тот его спросил:

— Откуда ты пришел?

— Я иду из монастыря Даюньсы, что в области Юэчжоу.

— И какое же дело привело тебя сюда?

— Я пришел сюда в поисках Учения Будды.

— Может быть, у меня вообще ничего нет, так какое же Учение Будды ты здесь ищешь? Ты даже не видишь сокровищницы, запрятанной в твоём же доме!

— Сокровищницы, запрятанной в моем же собственном доме? — удивился Дачжу. — Ну а где же находится сокровищница самого Дачжу Хуэйхая?

— Слушай лучше! То, о чем ты меня только что спрашивал, и есть сокровищница, запрятанная в твоём же собственном доме. В ней все содержится с самого начала, в ней нет ни избытка, ни недостатка. Если надо ею

воспользоваться — так пользуйся! Стоило ли покидать этот дом и отправляться так далеко?»

Услышав эти слова, Дачжу сразу же прозрел изначальную природу своего сердца. Он даже стал пританцовывать от радости и поклонился учителю в знак благодарности. После этого он в качестве ученика провел с Мацзу более шести лет, а затем вернулся в Юэчжоу.

Пути спадают

Дело, о котором не говорят, — не видно, принцип, на который не указали, — не ясен. Но когда все обстоятельства и причины сходятся вместе, то случается как в известном речении: «Спящего можно пробудить и одним словом».

Таково и чаньское просветление. В той жизни, которую ты сейчас проживешь, есть что-то, отличающееся от этого?»

Примечания

1. Дачжу Хуэйхай, выходец из области Цзяньчжоу, его родовое имя было Чжу, откуда, вероятно, и пошло его монашеское имя Да-

чжу — «Большая жемчужина». Первоначально он был последователем наставника Даои, который проповедовал в монастыре Даюньсы («Больших облаков»), в области Юэчжоу недалеко от современного города Шаосин, на северо-западе провинции Чжэцзян. После шестилетнего обучения у Мацзю, Дачжу вернулся к своему учителю, но чуть позже сославшись на болезнь, удалился от мира и вел отшельническую жизнь.

2. «Сокровищница, что запрятана в твоём же доме» — этими словами Мацзю указывает Дачжу на «сознание-сокровищницу» (санскр. алая-виджняна), которое, прозревая весь мир, по сути, прозревает само себя, поскольку изначально содержит в себе все проявления дхарм. Поэтому Мацзю удивляется, что Дачжу «покинул дом и отправился так далеко», то есть начал искать Будду вне своего сердца. Примечательно, что в конце жизни Дачжу становится полным отшельником, то есть до конца воплощает совет Мацзю «не искать вовне».

То, что превосходит естественность

Приход созерцания

В зале для медитации вели беседу два человека, один — чаньский наставник Дачжу Хуэйхай, другой — его ученик. Ученик спросил Хуэйхая:

— Есть ли способ, который выходит за пределы естественности?

— Есть, — ответил, не колеблясь ни секунды, Хуэйхай.

— Так какой же принцип выходит за пределы естественности?

— Способность познать естественность!

Ученик, немного помолчав, вновь спросил:

— Изначальная энергия ци не является Путём-Дао?

— Изначальное ци — это изначальное ци, а Дао — это Дао! — ответил Хуэйхай.

— Ага, если так утверждать, то тогда возникает двойственность, — с сомнениями произнес ученик.

— Так познай недвойственность!

Ученик опять помолчал немного и спросил:

— Так что же здесь ложное, а что же здесь истинное?

— Сердце, что привязано к вещам и явлениям, — ложное. Вещи и явления, что появляются из нашего сердца, — истинные! — ясно ответил наставник.

Пути спадают

Способность познавать естественность — это и есть наша нынешняя способность слышать и видеть. Так как же мы можем выйти за пределы этого мира? И если можно выйти за пределы естественности, то что же тогда невозможно преодолеть?

Наше сердце — самое великое сокровище, оно обладает безграничными возможностями. И именно из этого сердца, если найти правильный способ, и делается первый шаг к этим безграничным возможностям.

Руки не заняты делом

Приход созерцания

В период правления династии Тан мирянин, последователь буддизма (упаска), Бэйсюй обучался у чаньского наставника Хуанбо и испытывал к нему величайшее уважение. Как-то он решил положить на бумагу смысл Чань и записал наставления своего учителя, составив из них целый том. Когда рукопись была закончена, он с большим уважением и со всеми полагающимися церемониями принес ее наставнику Хуанбо в надежде, что тот оценит его труд.

Встретив посетителя, Хуанбо аккуратно положил трактат на стол и, не говоря ни слова, долго смотрел на него, а затем спросил:

— Ну что, ты понял?

— Не понял! — искренне ответил Бэйсюй.

— Чаньский принцип гласит: «Учение не передается вовне. Нельзя опираться на письменные тексты». Ты же, попытавшись изложить

буддийское учение тушью на бумаге, по сути, убил истинный смысл буддизма, а также утратил сам дух нашей чаньской школы. Поэтому я даже и смотреть не буду!

Услышав эти слова, Бэйской еще глубже постиг смысл Чань и проникся еще большим уважением к своему учителю. В благодарность за наставления он тут же начертил гатху:

*Получил я печать сердца от великого
наставника —*

*Словно круглую жемчужину размеров
огромных.*

*Будто волны сегодня накатили на берег,
Восемь тысяч драконов вверх взметнулись,
Ароматы цветенья на тысячи ли
протянулись.*

*Возражает наставник, чтобы ученик
его делами занимался,*

*Но как же тогда наставить в Учении
других людей?*

Наставник Хуанбо, прочитав эту гатху, даже не дрогнув лицом, произнес в ответ:

*Сердце — словно великое море, берегов
не имеет.*

*Наставление, из уст выходя, тело
вракует, словно лотос алеет.*

*Даже если руки твои не заняты делом,
Не значит это, что в праздности
ты пребываешь.*

Пути спадают

Поговорка гласит: «Чтобы передать истинную традицию, достаточно лишь слова, для ложной же традиции не хватит и тысяч томов». Разве сам глубинный смысл понятия «ложная традиция» не объясняется выражением «словами не выразить»?

Живая природа птицы

Приход созерцания

Как-то один человек молился в монастырском дворе перед статуей Будды. Подняв голову,

он внезапно увидел, как птица нагадила прямо Будде на голову!

У этого человека тотчас родился вопрос, и он побежал с ним к чаньскому наставнику:

— Обладает ли птица природой Будды?

— Обладает! — ответил наставник.

— Так почему же она испражняется прямо на голову Будде?

— *А почему он сам тогда не испражняется на голову птице?!*

Пути спадают

Вот основной принцип буддийского Учения: «Все живые существа равны — они все обладают природой Будды». Все они в равной степени имеют природу, готовую к просветлению, просто не все готовы сделать над собой усилие.

В этой истории — Будда лишь статуя во дворе, и действия птицы никакого отношения к самому учению не имеют. Интересно, а молитва перед бронзовой статуей имеет отношение к чистоте нашего сознания? Может лучше думать не о птицах?

Сила похвалы

Приход созерцания

По преданию, как-то раз чаньский наставник Хуэйвэй сидел в пещере, предаваясь созерцанию. Внезапно перед ним появился демон без головы. Глядя на страшное чудовище, как на обычного человека, монах Хуэйвэй спокойно произнес: «У тебя с самого начала не было головы, поэтому ты не знаешь, что такое головная боль! Как же тебе хорошо!»

И демон, едва услышав эти слова, тут же исчез из виду.

В другой раз перед наставником, сидящим в пещере, внезапно предстал демон, у которого совсем не было туловища, а были лишь руки и ноги. Хуэйвэй сказал бестелесному демону: «У тебя с самого начала не было тела, а поэтому ты и не знаешь, что такое страдать болезнями внутренних органов. Как же тебе повезло!»

Бестелесный демон, услышав это, вмиг исчез, не оставив и следа.

А когда появился демон безо рта, монах принялся восхищаться, как это хорошо жить безо рта: можно избежать двуязычия и лжи. Безглазому демону Хуэйвэй сообщил, что нет ничего лучше отсутствия глаз: ничто не смущает твой взор и не будоражит сердце. Восхитившись безруким демоном, Хуэйвэй сказал, что нет ничего лучше этого: избежишь соблазнов украсть что-нибудь или ударить кого-нибудь... Через некоторое время перед глазами Хуэйвэя перестала появляться всякая нечисть, что прежде так мешала ему.

Путы спадают

Вот это, воистину, есть: «С человеком говорить как с человеком, а с демоном — как с демоном». Кто бы мог подумать, что даже нечисть любит похвалу!

Стремление искренне восхищаться другими является признаком здорового состояния души. Безусловно, на это способны лишь люди необычайной мудрости и удивительной широты души.

В пустоте не смотреть нить

Приход созерцания

Один монах как-то обратился с вопросом к чаньскому наставнику Шаньхуэю:

— В чем смысл прихода Первого патриарха Бодхидхармы с Запада?

— Смысл того, зачем Бодхидхарма пришел с Запада, постигается старыми монахами в медитации. Ведь вопрошать о смысле прихода Патриарха с Запада — отнюдь не то же самое, что вопрошать о смысле этого прихода для самого себя! — ответил Шаньхуэй.

— Я так и не понял, в чем же смысл этого. Я лишь спросил о том, как в конечном счете чаньские наставники должны направлять людей к Учению?

— Это мастерство сравнимо с тем, как вонзить иглу в каменную стену или следовать за скручиванием нити — так зачем же нужно обязательно змее пририсовывать ноги? Коли ты не прозрел свое сердце, то все наставления будут бесполезны для тебя!

— Так разве не достаточно для того учения мудрецов о Пути?

— То, что может быть достаточным, не является учением мудрецов!

— Так как же великие монахи достигают просветления? — спросил ошарашенный ученик.

— Разве стоит спрашивать у других людей о том, что лично для тебя является смыслом прихода Патриарха с Запада.

Пути спадают

Если кто-то обладает драгоценной жемчужиной и при этом нуждается в других, чтобы они оценили ее, — к какой же школе может принадлежать этот человек?

Человек, который так и не понял самого себя, даже от всестерпимого Будды может не дожидаться сострадания!

Примечание

По преданию, Первый патриарх чань-буддизма индийский миссионер Бодхидхарма пришел в начале VI века в Китай («Смысл прихода

Патриарха Бодхидхармы с Запада»). Поскольку по одной из версий его путь пролегал через Гималаи и Центральную Азию, он пришел в Китай «с Запада». По другой версии, именно в западной части неба по буддийским поверьям и располагаются райские земли, то есть речь идет о Патриархе, который пришел из райских земель в мир людей, чтобы наставлять и помогать им. Традиционный вопрос «В чем смысл прихода Бодхидхармы с Запада?» равносителен вопросу «В чем смысл Чань?»

Не найдя выхода

Приход созерцания

После того, как наставник Гулин достиг просветления под руководством чаньского наставника Байчжана, он после странствий вновь вернулся в школу учителя, чтобы отблагодарить его.

Однажды, когда учитель мылся, Гулин тер ему спину. Внезапно он хлопнул учите-

ля по спине и сказал: «Какой замечательный буддийский храм! Жаль, что Будды там не видно».

Учитель обернулся и хотел было что-то сказать в ответ, но монах торопливо перебил его: «Да, хоть самого Будды и не видеть, но все наполнено священным светом!»

Наставник промолчал в ответ.

В другой раз учитель стоял у окна и читал сутры. А в бумажных занавесках застряла маленькая мушка и никак не могла через них вылететь в окно. Она все неутомимо билась о бумажные занавески, словно пытаясь пробить их насквозь, и они издавали шум — а всего-то нужно было просто облететь их! И тут на монаха Гулина снизошло откровение, и он написал четверостишие-гатху:

*Не выйти из дверей пустоты, хотя окна
открыты столь широко,
Тысячелетиями ты словно старую бумагу
буравишь,
Так когда же высунется наружу хотя бы
твоя голова?»*

Подивившись этим необычным стихам, наставник спросил ученика, что побудило его написать эту гатху. Наставник Гулин рассказал, какие причины привели его к столь великому озарению. Учитель был сильно впечатлен, когда постиг ее истинный смысл, и напротив сам попросил ученика объяснить ему это, и, наконец, достиг просветления.

Пути спадают

Путь Чань — бескорыстен. Учитель не обязательно должен быть сильнее ученика, ученик не обязательно должен уступать учителю. Это — во-первых.

Древние говорили: «Став однажды наставником ученика, всю остальную жизнь ты остаешься его отцом». Наставник Гулин, уважая путь своего учителя, служа ему долгие годы и произнося высокие слова в его славу, является для нас живым примером, доказывающим верность этого утверждения. Это — во-вторых.

Этого достаточно?

Приход созерцания

Как-то один монах поселился на некоторое время у наставника Удэ, чтобы постичь его мудрость и позаниматься с ним духовными практиками. Однажды он пришел к наставнику попрощаться, решив, что приобретенных знаний ему уже достаточно и что пора ему отправляться в странствия.

— Что значит «уже достаточно»? — поинтересовался наставник.

— Достаточно — значит «хватит», больше уже не вместится, — серьезно отвечал монах.

— Ну-ка, посмотри в этом чане достаточно камней? — монах указал на котел, доверху наполненный галькой.

— Достаточно!

Наставник высыпал в чан песок. Песок исчез, просыпавшись между камнями.

— Этого достаточно? — спросил Удэ, показав на чан с песком и камнями.

— Достаточно!

Удэ высыпал в чан известь. Известь исчезла.

— Этого достаточно?

— Кажется, достаточно.

И тогда наставник опрокинул в чан стакан с водой. Вода пролилась и исчезла.

— Ну а этого достаточно?

Ученик ничего не смог ответить. Молчаливо подобрав с земли котомку со своими вещами, он поплелся обратно в свою келью.

Пути спадают

Наше сердце подобно великой пустоте — чем же можно наполнить его до конца?

Чаньский наставник при помощи гальки, песка, извести и воды смог проиллюстрировать нам смысл поговорки: «Знающий сплошь и рядом груб и неотесан, незнающий — утончен и изящен».

Жизнь в ликовании

Приход созерцания

Как-то три последователя пришли к чаньскому наставнику Удэ и спросили, что нужно делать им, чтобы испытывать радость?

Наставник Удэ прежде всего спросил их, от чего они могут испытывать радость. Первый последователь сказал: наличие денег принесет ему радость; второй сказал: от обретения настоящей любви он будет испытывать радость; третий сообщил: слава и признание принесут ему радость.

Наставник Удэ покачал головой и грустно произнес:

— При таких взглядах на жизнь, вы вряд ли когда-нибудь вообще познаете радость. По сути, когда вы добьетесь богатства, любви и славы, вы обретете лишь волнения и переживания и окажетесь еще в большем тупике, чем сейчас.

— Так есть ли какой-нибудь способ? — в недоумении спросили все три последователя.

— Способ, конечно же есть, — ответил Удэ. — Но сначала вы должны изменить свои представления. Когда ты достаешь деньги из кармана, чтобы дать их другому, — это радость. Когда ты жертвуешь кому-нибудь свою любовь — это радость. Когда благодаря своей славе ты можешь служить людям — то ты познаешь радость.

Три последователя будто обрели просветление!

Пути спасают

По сути, Чань — тоже радость! Но он превосходит все остальное! Он никак не связан с вещами, которые находятся вне тебя, и поэтому твое тело обретает ни с чем не сравнимое безграничное ликование. И если ты прозреваешь свое чаньское сердце, то и во всех аспектах, во всех областях жизни тебе будет способствовать удача.

Чань поистине может стать чудесным средством для каждого человека, которое не имеет никаких недостатков!

Цветы, что схожи с буддийскими песнопениями

Приход созерцания

Как-то ранним утром, когда трава еще была усыпана крупными бусинами росы, одна молодая девушка принесла в монастырь свежие цветы из своего сада, чтобы поднести их в дар Будде. Тут она случайно встретила чаньского наставника, который как раз выходил из храма.

Наставник обратился к ней приветливо:

— Если ты каждый день будешь приходить сюда и столь же трепетно приносить Будде эти благоухающие цветы, то в следующей жизни получишь доброе воздаяние.

— Я тоже об этом мечтаю. Каждый день, приходя в монастырь и поклоняясь Будде, я чувствую в сердце такую легкость и прохладу, словно после очищения, но по возвращении домой в моей душе вновь начинает царить тоска и полный беспорядок. Как же мне среди всей этой

мирской суеты сохранить в своем сердце чистоту и покой? — спросила девушка.

— Чтобы сохранить чистоту и покой в сердце, помни: принцип этого и способ ухода за твоими цветами — одинаковы. Лишь только постоянно очищая свое сердце и гармонизируя свое состояние, можно узреть сладкие росы Великой естественности.

— Спасибо Вам за наставление, но мне бы хотелось иметь возможность провести часть жизни в монастыре, чтобы погрузиться в эту умиротворенную атмосферу буддийских песнопений, — говорила девушка, вся преисполненная радостных надежд.

— Твое дыхание и есть звуки песнопений, биение пульса — это колокола и барабаны, тело твое — вся вселенная, а уши — высшее знание-бодхи, и нет места, где не было бы покоя и чистоты. Так зачем же еще и отправляться жить в монастырь? — ответил монах.

Пути спадают

Вот уж отличная иллюстрация поговорки «Устроить место для постижения Пути-Дао пос-

реди самой шумной площади!»! Лишь надо очистить и успокоить свое сердце, так где же тогда останется место, где не будет покоя? Если же в твоём сердце не будет покоя, то представь, что находишься в старом монастыре в глубине высоких гор, а снизу доносится лишь далекий шум.

Пустоту не перелететь

Приход созерцания

Монах-ученик по имени Даосюй потратил немало времени, изучая буддизм, но так и не смог достичь просветления. Потеряв всякую надежду, он отправился к своему учителю — чаньскому наставнику Гуанъю, чтобы проститься.

— Почему же ты решил уйти, так и не достигнув просветления? Ты думаешь, что где-то в другом месте сможешь достичь его? — недоумевал наставник Гуанъю.

— Я целыми днями усердно работал над собой, прерываясь лишь на сон и еду, но ничего лишь

кроме тени Чань я не узрел. Мои же собратья в противоположность мне ежедневно достигали успехов. Я думаю, наверное, мне лучше стать монахом, которому суждено пройти через трудности, — открыл свою душу перед наставником ученик.

— Просветление вытекает из самой изначальной природы человека и не обладает никакой исходной формой, равно как и не существует способа, чтобы передать его другим людям. Нельзя постичь его, пытаясь впопыхах выучить что-то. У других людей — другой мир, а то, что пестуешь ты, — это твой путь Чань. Так зачем же ты в своих речах смешиваешь себя с другими? — сказал Гуанъю.

— Ох, так ведь я по сравнению с другими наставниками и учениками, словно крохотный воробей по сравнению с могучими орлами! — горестно вздыхая, произнес Даосюй.

— Насколько могучи орлы? Насколько мал воробей? — недоуменно спросил монах-наставник.

— Орел одним взмахом крыльев пересекает сотни ли, а воробей лишь опишет круг на высоте в несколько саженей.

— Пускай орел и пересекает расстояния в сотни *ли*, но может ли он преодолеть бездну жизни и смерти? — многозначительно спросил Гуанъю.

Пути спадают

Пускай могучий орел и малый воробей неравны друг другу по размерам, не одинаковы в размахе крыльев и скорости полета, но если они будут лететь в абсолютной пустоте, кто из них быстрее пересечет ее?

Безусловно, неплохо сравнивать себя с другими, но чрезмерное усердие в этом принесет только лишние страдания.

Примечание

Гуанъю называет себя «монахом, что должен пройти через трудности». Данный буддийский термин «кусин сэн» (снаскр. душкара-карья) означает «преодолевать трудности», «проходить через страдания». Это является одним из методов самосовершенствования.

И у безвкусного свой вкус!

Приход созерцания

Наставник Хунъи, что в мире был художником, а потом посвятил себя буддизму, мог сочетать в своей жизни занятия живописью и пестование буддийского пути, что делало его жизнь еще более наполненной.

Как-то раз известный просветитель Фу Гайцзунь пришел к наставнику в гости в тот самый момент, когда тот принимал пищу. Господин Фу, увидев, что у наставника в тарелке только соленые овощи, неуверенно спросил:

— Неужели Вам не надоела эта соленая еда?

— Так ведь у соленого и вкуса должен быть соленый, — заметил Хунъи.

Спустя некоторое время, наставник Хунъи, покончив с едой, налил себе в чашку кипяченой воды. Господин Фу нахмурил брови, снова спросил:

— Неужели у Вас нет нормального чая? И наставник каждый день пьет обычную безвкусную воду?

— *Действительно, вода безвкусна, но ведь и безвкусное имеет свой вкус!*

Пути спадают

Вряд ли человек нескромный и стяжательный смог бы произнести такие слова!

Обычные люди познают явления этого мира с помощью органов чувств, а чаньские наставники постигают вкус реальности с помощью сердца.

Неверие и есть высшая истина!

Приход созерцания

Как-то монах-ученик пришел к государственному наставнику Хуэйчуну за наставлениями и спросил:

— Древние говорили: «Изумрудно-зеленый бамбук и есть тело Закона (дхармы), ароматные хризантемы — не что иное, как нирвана». Неверующие считают, что это ложное утверждение, верующие же полагают, что это просто бессмыслица.

— Это утверждение соотносится с чертогами, где обитают боддисатвы Манджушри и Самантабhadра, обычные люди и последователи учения Малой колесницы не способны уверовать в это. А поэтому сутра «Хуаянь цзин» и говорит: «Тело Будды полностью заполняет мир Закона и проявляется еще перед возникновением всей массы живых существ. И оно всегда пребывает на троне высшей мудрости-бодхи». Изумрудно-зеленый бамбук не выходит за границы мира Закона, так почему же он не может являться Телом Закона? «Праджня-парамита-сутра» говорит: «Внешние проявления (рупа) не имеют границ, поэтому и сама мудрость (праджня) не имеет границ». Хризантемы ведь не выходят за рамки внешних проявлений, так почему же им не воплощать собой высшую мудрость-праджню? А поэтому сутры изначально не устанавливают Закон, Закон же не имеет многих толкований.

Но даже услышав эти наставления, ученик так и не понял всего, а поэтому вновь обратился с вопросом:

— В том, что Вы мне только что сказали, что же воплощает собой неверующий, а что — верующий?

— Верующий являет собой обыденную истину, неверующий — высшую истину, — продолжил свои наставления Хуэйчун.

— Неверующий, как предполагается, хранит в себе ложные взгляды. Так как же Вы, наставник, говорите, что неверие и есть высшая истина? — спросил пораженный ученик.

— *Неверующий — не верующ сам по себе. Высшая истина — сама по себе высшая истина. Поэтому обычные люди всегда склоняются к ложным воззрениям. Так кто же назовет ложные воззрения высшей истиной?*

Как только наставник Хуэйчун закончил проповедовать, ученик понял основной принцип всего сказанного, в который так сложно было поверить.

Пути спасают

Будда, когда достиг просветления, стал проповедовать свое учение живым существам. Люди

полагали, что радость — это и есть истина, Будда же утверждал, что такая радость — ложная. Люди полагали, что природа Будды отсутствует, Будда же учил, что она существует. Кто бы ни говорил о вере — неверие становится основой жизни, кто бы ни говорил о добре — принципом для многих становится зло. По сути, это означает, что идущие по буддийскому пути всегда вернутся на путь Будды, а придерживающиеся ложных воззрений возвращаются к своим заблуждениям. Но если такой человек запутается в своих ложных воззрениях — вот это и станет правильным взглядом.

Именно в этом в нашей жизни и коренится принцип различия между истинным и ложным, правильным и ошибочным.

Примечания

Весь диалог наполнен буддийскими понятиями, суть которых надо уловить, чтобы понять смысл того, что проповедовал Хуэйчун. Основное, что он пытался объяснить ученику — неверие или вера — никак не затрагивает существ-

зование «высшей истины», которая «существует сама по себе».

1. «Тело Закона», или Дхармакая (кит. фа-шэнь), воплощение буддийского Закона (дхармы), представляет собой «истинное», или духовное тело, — основу природы Будды. В ряде школ Дхармакая считается телом абсолютной чистоты духа Будды, а поэтому оно — пустотно. Оно являет собой основу всего существующего на этой земле. Всего рассматривается «три тела Будды» (трикая): «тело Закона» (Дхармакая), самбхогакая (кит. баошэнь, «тело воздаяния»), нирманакая (кит. хуашэнь, «тело нирваны», «тело изменений»). Они соответственно соотносятся с понятиями: «самоприрода (изначальная сущность)», «использование» и «трансформация». Первое означает изначальную сущность тела Будды; второе — тело Будды, которым он пользовался для «воздаяния» живым существам; третье — тело «Будды во славе», в котором он может воплотиться в любой момент и в любой форме.

В чань-буддизме рассматривается «три тела Закона» (саньфа шэнь): проявление самого

Будды, сила его учения, высшая абсолютная реальность.

2. *Манджушри и Самантабhadра* (Висвабhadра) — ближайшие последователи Будды, обычно на изображениях располагаются слева и справа от него и символизируют соответственно фундаментальный закон Дхианы (кит. ли) и мудрость (кит. чжи).

Манджушри (Манджудева, Манджунатха) — воплощение высшей мудрости, символ красоты, истины, добрых предзнаменований. Нередко изображался с пятью завитками волос — символом пяти видов мудрости, держащим в руках меч и сидящим на льве, или с книгой, сидящим на голубом лотосе. Иногда изображается в военном облике как защитник веры. В «Лотосовой сутре» описывается как девятый предшественник Будды Шакьямуни, считался главой всех боддhisатв и одновременно «духовным сыном Будды». В Китае центром поклонения Манджушри стали горы Утайшань в провинции Шаньси.

Самантабhadра соотносится с восточной стороной мира, нередко изображается на белом сло-

не и является покровителем «Лотосовой сутры» и «Хуаянь цзин», которую в своем ответе и цитирует Хуэйчун.

3. *Дхармадха* (кит. фацзе), или «мир Закона», «мир Дхармы» — обычно общее обозначение для материального мира или мира феноменов. В других случаях это — общее обозначение для духовного пространства, которое является основой всех остальных вещей и явлений нашего мира.

4. *Мудрость-бодхи* — высшая мудрость, понимание сути всего, состояние просветленного сознания. В китайских буддийских текстах это понятие либо транслитерировали («пу ти»), либо обозначали через традиционные китайские термины, например «дао» (путь) или «цзюэ» (высшее чувствование, понимание, проникновение).

5. *Внешние проявления* (кит. сэ, санскр. рупа) — внешние проявления, формы, вещи и явления этого мира, а также все чувства и ощущения, вызываемые материальным миром.

6. *Высшая мудрость* (праджня, кит. баньжо) — дословно «высшее понимание».

«Праджня-парамита-сутра», упоминаемая в ответе чаньского наставника, как раз посвящена интерпретации этого понятия и описывает его как мудрость, выше которой ничего не может существовать, абсолютное знание, равносильное достижению нирваны. «Праджня-парамита-сутра» представляет собой компиляцию пяти (в других случаях — восьми) «сутр мудрости» (в том числе «Маха-праджня-сутра», или «Сутра Великой мудрости», «Ваджрачхедика-праджня-парамита-сутра», или «Алмазная сутра»), составленную знаменитым монахом Сюаньцзаном в 600 году.

7. *Высшая истина* (чжэнь ди) и *обыденная истина* (су ди). «Обыденная истина» представляет собой набор правильных утверждений, точных понятий, которые по отдельности абсолютно правильны, но не выражают собой высшую реальность. «Высшая истина» (чжэнь ди) представляет собой совокупное понимание истинного порядка всех явлений как материального, так и духовного мира. Если для обычных людей «обыденная истина» вполне достижима, то «высшая

истина» является сутью знаний посвященных мудрецов.

Осыпать небесными цветами

Приход созерцания

Однажды, медитируя в горах, Субхунти внезапно увидел, как Небесный дух сыплет с неба благоухающие цветы и прославляет кого-то. Пораженный Субхунти спросил:

— Во славу какого человека ты сыплешь с неба цветами? И за какие дела так славить его?

— Я Брахма, — ответил Небесный дух, — и осыпаю цветами именно тебя, о, достопочтенный, за произнесение «Праджня-парамита-сутры» — «Сутры высшей мудрости»!

— Но я не произносил ни одного слова из «Праджня-парамита сутры», — признался Субхунти, — так за что же меня прославлять?

— Именно так, достопочтенный, Вы не произносили этой сутры, и я ее не слышал. Вне слов

и вне слуха — вот это и есть истинная праджня — Мудрость.

Пути спадают

Плывут по небу белые облака, крылья журавлей заполняют небо, одиноко сидит в созерцании человек, которого осыпает дождь из небесных цветов за поступки, которые он не совершал. Замечательная иллюстрация из мира Чань!

Можно ли еще что-то добавить к этому?

Примечание

Субхунти (кит. Бипути) — один из десяти главных учеников Будды, который, как считается, лучше всех воспринял идею «пустоты» в буддизме. Он является основным собеседником Будды в «Праджня-парамита-сутре».

Отрубленная голова упала наземь

Приход созерцания

Однажды чаньский наставник Лунъя обратился с вопросом к чаньскому наставнику Дэшаню:

— А что если твой ученик мечом отрубит тебе голову?

В ответ наставник Дэшань лишь вытянул шею.

Лунъя расхохотался: «Твоя голова уже упала наземь!»

Дэшань, едва улыбнувшись, ничего не сказал.

Через некоторое время наставник Лунъя, придя к старому монаху Дуншаню Лянцзе на обучение, во всех красках пересказал ему историю про отрубленную голову. Дуншань, внимательно выслушав, спросил:

— Ну а что при этом сказал Дэшань?

— Дэшань вообще ничего не сказал!

— Да, когда не надо говорить — он не говорит. Сегодня ты принес мне, старому монаху, показать отрубленную голову Дэшаня!

Лунъя, едва успев опомниться от этих слов, покаялся перед Дуншанем и принес свои извинения.

А еще через какое-то время кто-то пересказал эту историю самому наставнику Дэшаню. Дэшань же сказал: «Старик Дуншань даже не способен отличить хорошее от дурного! Этот парень уже давным-давно умер, так что же он еще стремится к спасению?!»

Пути спадают

Скрытый смысл «отрубленной головы» соотносится с понятием «я», «мое Эго». Это значит, что «я» в этот момент превращается в «не-я», будто вообще исчезает. Так где же в этом случае можно найти «я», которое можно было бы «отрубить» и принести показать другим людям? И именно такой человек с «отрубленной головой» может дойти до истоков своего чаньского сердца.

Бывает иногда, что молчание оказывается еще более хитроумным, чем произнесенные слова!

Примечание

Дуншань Лянцзе (807—869) — известный чаньский мастер, выходец из провинции Чжэцзян, где начал свое обучение. Он в 20 лет пришел в монастырь Шаолиньсы (провинция Хэнань), где обрел полное просветление. Много странствовал между известными наставниками, а в 52 года основал свою школу в горах Дуншань в провинции Цзянси — школу Цаодун, которая стала одной из пяти больших школ Чань.

Тело, не подверженное болезням

Приход созерцания

Когда чаньскому наставнику Дуншаню подошла пора отойти в мир иной, он собрал всю общину и обратился к ней:

— Слава моего имени — дутая в этом мире. Так кто же уйдет из него вместо меня?

Ни один из учеников не проронил ни слова.

В конце концов один молодой монашек обратился к наставнику:

— Прошу Вас, Учитель, сообщите нам Ваше монашеское имя.

— Мое дутое имя уже уничтожено! — сказал, рассмеявшись, Дуншань.

В этот момент другой монах спросил:

— Сейчас, когда Ваше тело больно, есть что-то, что не подверглось болезни?

— Есть, — ответил Дуншань.

— А того, кто не подвержен болезни, можно ли считать его Вами, Учитель?

— Я, старый монах, смотрю на него как на самого себя!

— Так что же Вы видите, Учитель?

— Когда я смотрю на него, то не вижу никакой болезни.

Помолчав, Дуншань опять обратился к ученикам:

— Когда вы покинете этот кожаный мешок, что зовете своим телом, куда вы отправитесь, чтобы встретиться со мной вновь?

Ученики не нашлись, что сказать.

Пути спадают

Когда обычный человек болеет, то сердце его не спокойно. Когда заболевает чаньский наставник, то сердце его спокойно и умиротворено.

Если считать, что чаньское сердце пустотно и не имеет использования, то Дуншань, очевидно, шутил над учениками.

Какова же все-таки связь между телом и нашей душой? Позволь себе погрузиться в эти безумные размышления! Если ты действительно сможешь обнаружить какой-нибудь способ связать их, кроме своего чистого сознания, то это действительно будет твоей заслугой, которая принесет счастье сотням тысяч людей!

Шелковинка, на которую даже вещь не повесить

Приход созерцания

Монашенка-бхикуни Сюаньцзи обычно занималась созерцанием в пещере на горе

Дажышань — «Большого солнца». Однажды она решила посетить чаньского наставника Сюэфэна, чье имя обозначало «Снежные пики».

— Откуда ты пришла? — спросил у нее Сюэфэн.

— С горы Дажышань — «Большого солнца», — ответила Сюаньцзи.

— Ну и как там восходит солнце? — спросил Сюэфэн.

— Оно полностью освещает «снежные пики»! — тут же откликнулась Сюаньцзи.

— А как тебя зовут? — спросил Сюэфэн, почувствовав всю необычность ее речей.

— Сюаньцзи — «Сокровенное прясло», — ответила монашенка.

— И сколько ты сможешь соткать за один день? — спросил Сюэфэн.

— Шелковинку, на которую даже и вещь-то не повесить! — произнесла Сюаньцзи, поклонилась наставнику и пошла прочь.

— О, добродетельная! — окликнул ее Сюэфэн, лишь только она сделала несколько шагов. — Твоя ряса (кашя) волочится по полу!

Услышав это, Сюаньцзи тут же обернулась, чтобы посмотреть на угол своей рясы. Сюэфэн же, расхохотавшись, сказал: «Хороша же “шелковинка, на которую даже вещь не повесить”!»

Пути спадают

Чаньский наставник, что идет по пути просветления, сам способен своим огненным взором отличить истинное от ложного, а взор дхармы наставника Сюэфэна не имел различий.

Скрытый смысл выражения «шелковинка, на которую даже вещь-то не повесить» заключен в том, что сердце пребывает в пустотном и светлом состоянии и даже мирской пыли негде осесть. Монашенка Сюаньцзи, по сути, сама сказала, что она прозрела этот мир, но кто же знал, что край ее рясы волочится по полу и Сюэфэн подметил это? И из этого видно, что монашенка Сюаньцзи запуталась в прозрении этой реальности и не способна сама почувствовать или понять ее.

Судя по всему, сердце, что любит красоту и не является сердцем вовсе, — хорошее дело! Хе-хе!

Примечание

«Шелковинка, на которую даже вещь не подвесить» (Цуньсы бу гуа) — известное буддийское выражение, означающее «ничто», крайне малую часть. Как считается, первым его употребил известный мастер Лу Сюаньжи, который на вопрос, чем он занимался весь день, ответил: «Шелковинкой, на которую даже вещь-то не подвесить». В «Сутре помоста Шестого патриарха» Пятый патриарх Чань — Хунжэнь, предупреждает своего преемника Хуэйинэна, чтобы тот больше не передавал титул Патриарха, дабы избежать споров: «Иначе жизнь твоя будет висеть на шелковинке». Монашенка здесь демонстрирует знание канонических ответов, но сама, как видно, внутренне не понимает их смысл.

Приход, уход — всего лишь заблуждение

Приход созерцания

Как-то один человек переутомился и тяжело заболел. Он был близок к смерти, когда к его лежанке подошел чаньский наставник. Умиравший попросил дать ему последнее наставление:

— Я одиноким пришел в этот мир, одиноким уйду. Вы, чаньский наставник, чем можете помочь мне в моих страданиях?

— Если ты действительно считаешь, что истине пришел в этот мир, а затем еще и уходишь, то это лишь твое заблуждение. Сейчас же позволь мне показать тебе дорогу, по которой не приходят и не уходят!

И в этот момент умирающий человек действительно увидел эту дорогу. Озаренный легкой улыбкой, он пошел по ней.

Пути спадают

В конце концов, все страдания и переживания людей строятся вокруг одного — вопроса о жизни и смерти. Умиравший человек, что просил чаньского наставника о последнем наставлении, понял, что приход и уход, жизнь и смерть — всего лишь наши заблуждения и иллюзии. Благодаря этому он обрел освобождение в своем сердце, поэтому ушел из жизни успокоенным. Ну а мы — те, кто еще живут в этом мире? Жизнь приходит естественным образом, смерть возвращает нас в эту естественность. Путь естественности, который способен вобрать в себя и жизнь, и смерть, по сути, означает отсутствие и жизни, и смерти.

Внешнее и внутреннее в школе Чань

Приход созерцания

Старшим учеником Пятого патриарха школы Чань, наставника Хунжэня, был Шэньсюй,

что означало «Чудесная красота». Однажды, следуя указаниям Патриарха, Шэньсюй прямо на внутренней стене монастыря написал четверостишие-гатху на основе своего понимания смысла Чань:

Тело наше — это «древо просветления»

Бодхи,

Сердце подобно подставке для ясного зеркала.

*Час за часом мы тщательно протираем его,
Не оставляя ни мельчайшей пылинки.*

В ту пору у Пятого патриарха жил юноша по имени Хуэйнан, который толоч зерно, выполняя черную работу в монастыре. Он услышал эту гатху и тоже решил написать что-нибудь похожее. Поскольку он был неграмотен, то продиктовал свое четверостишие, которое записали прямо с гатхой Шэньсюя:

Изначальное Бодхи — отнюдь не дерево,

У пресветлого зеркала нет подставки.

Изначально не существовало никаких вещей,

Так откуда же взяться пыли?

Прочитав эти строки, Пятый патриарх тайно передал Хуэйнану свою патру и рясу, объявив его Шестым патриархом Чань.

Пути спасают

В твоём сердце нет никаких вещей и явлений — именно к этому и открывает врата Чань.

Есть разница между тем, кто желает что-то создать, и тем, кто действует в соответствии с естественностью и пустотным сердцем: один бродит где-то за воротами, другой устроился медитировать внутри зала.

Не медлите ни мгновения! Мудрец лучше виден на фоне людской серости!

Примечание

Эта широко известная история, которая описывается во многих буддийских произведениях, в наиболее полном виде изложена в «Сутре помоста Шестого патриарха». Пятый патриарх Чань Хунжэнь (601–674), решив выбрать себе преемника, предложил членам своей общины

написать строки, которые бы наиболее полным образом отражали суть Чань. Монахи отказались участвовать в состязании, заранее признав первенство старшего монаха и первого помощника Пятого патриарха — Шэньсюя (606?–706). Шэньсюй, боясь допустить непонимание и опозориться перед Учителем, тайно ночью начертил свои стихи на стене внутренней галереи монастыря. Все монахи и даже сам Пятый патриарх восхитились его мудростью. Хуэйнан (638–713) тогда еще не был монахом и в статусе послушника выполнял всю грязную работу в монастыре. Он попросил записать его стихи рядом со стихами Шэньсюя. Каждая строка его гатхи являлась ответом на соответствующую строку гатхи Шэньсюя. По преданию, Пятый патриарх после этого передал титул Шестого патриарха («рясу и чашу для подаваний — патру») Хуэйнану и приказал срочно уйти из монастыря, дабы не навлечь на себя гнев остальных монахов.

Однако часть монахов признала Патриархом Шэньсюя. Хотя сами патриархи не соперничали между собой, их ученики вступили в долгие

дебаты, отсюда родилось противостояние южной (Хуэйцзэн) и северной (Шэньсюй) школ.

Где найти место, чтобы присесть

Приход созерцания

Поэт и интеллектуал Су Дунпо и чаньский наставник Фоинь нередко вместе обсуждали смысл Чань. Однажды, когда наставник Фоинь взошел на помост, чтобы начать читать проповедь, Су Дунпо пришел послушать его, но оказалось, что все места уже заняты и сесть ему негде.

Фоинь издали увидел Су Дунпо и громко крикнул:

— Люди уже заняли все места, для тебя здесь места не найдется!

— Да, если уж здесь нет места, то я буду использовать четыре начала и пять скандх, из которых состоит твое тело, в качестве своего сиденья, — прокричал в ответ Су Дунпо.

— Так и быть, если сможешь ответить на один вопрос, то мое тело послужит тебе сиденьем. Если же не ответишь на него, то передашь в дар монастырю нефритовый пояс, которым ты подпоясан, — предложил наставник Фоинь.

Су Дунпо с радостью согласился на это предложение. А Фоинь спросил:

— Мои четыре начала изначально пусты, пять скандх — отсутствуют. Ну и где же ты найдешь место, чтобы усесться?

Су Дунпо даже не осмелился вступить в словесное состязание. Он лишь быстро снял с себя нефритовый пояс и положил его на землю.

Пути спадают

«Четыре начала» и «пять скандх» — это важнейшие понятия буддизма, соотносящиеся с телом и внутренним миром человека. Из них вместе взятых и формируется человек, его сознание, его помыслы. Но ни одно из четырех начал и пяти скандх не обладают самостоятельной, отдельной природой, которую можно было бы осмыслить. Своей фразой наставник Фоинь

показал, что четыре начала и пять скандх изначально пустотны и отсутствующи, и не удивительно, что мирянин Су Дунпо не смог сразу понять это.

Примечания

1. *Су Дунпо* (настоящее имя — Су Ши, 1037—1101) — известный поэт, интеллектуал и светский последователь буддизма.

2. *Четыре начала* (кит. сы да, санскр. махабхута) — четыре элемента, из которых состоит видимый мир: земля, вода, огонь, ветер. Они представляют собой четыре состояния: плотное, жидкое, горячее и находящееся в движении.

3. *Пять скандх* (кит. у): материальные объекты, а также ощущения, вызываемые ими (кит. сэ, санскр. рупа); чувства, восприятие, деятельность сознания (кит. шоу, санскр. ведана); способность к осмыслению, различению и созданию представлений (кит. сян, санскр. самдзя); деятельность сознания по определению доброго и дурного (кит. син, санскр. самскара); высшая познавательная деятельность, способная осмыс-

лить весь мир (кит. ши, санскр. виджняна). Первая скандха соотносится с физическим миром, остальные — с духовным. Вторая, третья и четвертая скандхи ассоциируются с психическими или ментальными функциями и поэтому «подчинены сердцу-душе», пятая — с высшими качествами сердца или души.

Утренний колокол, пробуждающий от заблуждений

Приход созерцания

Поселившись в монастыре Дунлиньсы, что в горах Лушань, известный поэт Су Дунпо написал четверостишие:

*Голос ручья, как людской разговор,
Тишь и покой — настроение гор.
Лунною ночью приходят стихи,
Я возвышаюсь над всеми людьми.*

Монах Чжэнью очень высоко оценил эти стихи, сказав, что не просто достичь такого

состояния. А наставник Аньюань же, напротив, покачал головой и сказал, что Су Дунпо еще не прозрел истинную дорогу.

Ночью Чжэнью все никак не мог уснуть и пребывал в глубоких раздумьях. Он даже не заметил, как наступил рассвет. Прозвенел утренний колокол, и со звуками колокола на Чжэнью внезапно снизошло озарение:

*Запутавшись в словах людей,
Лишь жаждет красоты вещей,
Но если так прекрасны горы,
Ручьев красивы разговоры,
То будут лишними на свете люди.*

Пути спадают

Хотя мирянин-буддист Су Дунпо хорошо разбирался во всех чаньских понятиях, он так и не смог понять их сокровенного, глубинного смысла. Как утренний колокол вмиг развеял все сомнения и тяжелые размышления чаньского наставника, так же и мы после множества блужданий, игры слов и самолюбования можем внезапно ощутить всю красоту простой внесловесной

мудрости. И тогда мы проникаем в ни с чем не сравнимый мир покоя и высшего знания.

Действительно, услышав утренний колокол, мы внезапно можем постичь доселе недоступную для нас истину. Особенно если звон раздастся среди предутренней тишины — ведь тогда он будет для нас еще более отчетливым!

Стоит ли сидеть в созерцании?

Приход созерцания

Рассуждая об учении Чань, многие полагают, что все его последователи обязательно должны только и делать, что практиковать сидячую медитацию. Считается, что старые монахи, входя в созерцание, должны закрыть глаза и взирать лишь внутрь своего сердца. Это и зовется «практикой чань» (саньчань) или «сидячим созерцанием» (дацзо). Но вот как раз Шестой патриарх Чань Хуэйинэн подразумевал совсем не это.

В ту пору жил один чиновник по фамилии Пи, по имени Вэнь. Он был послан из столицы, чтобы посетить Шестого патриарха. Приехав к Хуэйинэну, Пи Вэнь задал вопрос:

— Благодатные чаньские наставники в столице обычно говорят: «Если хочешь познать Путь Будды, то необходимо сидя в медитации изучать самадхи. Если же не практикуешь ни созерцания, ни самадхи, то никогда не сможешь достичь освобождения». Могу ли я узнать Ваше мнение по поводу этих высказываний?

— Путь-Дао прозревается сердцем, — ответил Хуэйинэн, — так зачем же обязательно сидеть?

А затем великий наставник сказал гатху:

Пока жив, сидишь, не ложась.

Когда умрешь, ляжешь и сесть не сможешь!

Все это — лишь работа наших костей,

Так зачем же практиковать упражнения на выносливость?

Пути спадают

Полируя камень, не сделаешь зеркало, сидя неподвижно, не станешь Буддой. В движении или покое, сидя или лежа, рубя дрова или плывя по течению, наполняя легкие воздухом или прикрыв глаза — да есть ли вообще такое действие, в котором не было бы Чань?

Примечание

Евнух Пи Вэнь был особым посланником, которого в 706 году императрица У Цзэтянь направила к Хуэйинэну, чтобы пригласить его в столицу, город Лоян. Но Хуэйинэн ответил, что «желает провести остаток своих дней в горных чащах». После этого Пи Вэнь вел беседы с Хуэйинэном, которые затем вошли в «Сутру помоста Шестого патриарха», откуда и взят вышеописываемый эпизод. Полный ответ Хуэйинэна таков:

«Путь-Дао прозревается сердцем, так причем же здесь сидячая медитация? “Ваджрачхедика-сутра” гласит: “Тот, кто говорит, что Будда либо лежит, либо сидит, следует неверным путем”. Почему? Да потому, что нет места,

откуда он пришел, равно как и нет места, куда он уйдет. Не иметь ни рождения, ни смерти — вот это и есть чистейший Чань Будды. Все дхармы пустотны и покойны, и именно таково чистейшее сидение Будды в медитации. И если внимательно посмотреть, то нет здесь даже ничего такого, что необходимо бы было «достигать», так к чему же беспокоить себя мыслями о «сидении»?

Здесь нет прислуги

Приход созерцания

Монах Тяньхуан Даоу как-то пришел к наставнику Шитоу Сицяню и спросил:

— Если отбросить в сторону методы обучения через медитацию и через мудрые рассуждения, то как Вы, наставник, передаете последователям суть Чань?

Шитоу ответил:

— Здесь нет прислуги, кого же я должен отбросить в сторону?

— Ну а что такое просветление? — продолжал вопрошать Даоу.

Но Шитоу задал встречный вопрос:

— А можешь ли ты постичь «пустоту»?

— Такого постижения сегодня еще нет во мне, — сказал Даоу.

Шитоу покачал головой:

— О, я даже и не заметил, как ты стал человеком, что перешел на другой берег!

Даоу поспешно ответил:

— О, нет, я не человек с другого берега! Ведь если есть «другой берег», то есть и «этот берег». Но если Вы так говорите, может быть Вы видите какие то следы, оставленные мною, Неужели, Вы видите то место, куда я пришел?

— Да я и раньше знал то место, куда ты забредешь, — заметил Шитоу.

— Да как же можете, Вы, монах, возводить на меня напраслину? — ответил Даоу.

— Так ты еще сохраняешь свой взгляд на это тело, — сказал Шитоу, указав пальцем на Даоу.

Даоу, опустив голову, призадумался на некоторое время и произнес:

— Хоть и знаю, что это так, но всё-таки скажите, как Вы наставляете людей, следующих за Вами?

— Да кто тут вообще следует за мной!? — прокричал Шитоу.

После этих слов Даоу сразу же испытал просветление, а душа его очистилась от мирской скверны.

Пути спадают

Что за речи: «Обучение через медитацию», «Обучение через философские рассуждения», «Предшественники», «Последователи»! Чаньское сердце монаха Даоу покрыто еще таким толстым слоем мирской пыли!

Живя в этом мире, карабкаясь вверх и падая вниз, нелегко избежать загрязнения вульгарными рассуждениями. Не лучше ли вдохнуть полной грудью наполненный смыслами ветер Чань, вслушаться в чарующие мелодии своего сердца, смахнуть с себя всю пыль, отбросить все тревожащие мысли — вот вам «тайное предписание», как упорядочить свою жизнь!

Примечание

Чань рассматривает три классических типа обучения (сань сюэ): «Обучение через медитацию» (дин сюэ), «Обучение через философские рассуждения» (чжэ сюэ) и «Обучение через дисциплину». Первый тип предусматривает долгие сеансы сидячей медитации (дхиана или самадхи), второй — соблюдение базовых правил и запретов, которые должны уберечь человека от ошибок, вызываемых неправедными речами, поступками и мыслями. Третий тип обучения через «мудрые рассуждения» предусматривает постижение самого учения и разрешение сомнений.

Предначертание и случай

Приход созерцания

Монах Яошань Вэйянь постигал у чаньского наставника Шитоу Сицяня тайные методы совершенствования сердца, а затем под руководством наставника Мацзу Даои достиг просветления.

Однажды один ученик обратился к наставнику Яошань Вэйяню с вопросом:

— Ваш ученик никак не может понять Великого дела жизни и смерти. Прошу Вас, проявите милосердие, наставьте меня!

— Я постараюсь объяснить тебе попроще. Если ты сможешь понять меня, то будет прекрасно. Однако если ты будешь долго размышлять над моими словами, это станет моей ошибкой, А поэтому уж лучше нам обоим не раскрывать секретов, чтобы понапрасну не утомлять друг друга.

— До того, как Первый патриарх Бодхидхарма пришел в Китай, существовал ли в этих землях Чань? — задал вопрос ученик.

— Существовал! — сказал Яошань Вэйянь.

— Так если здесь уже существовал Чань, то зачем же Бодхидхарма пришел сюда?

— Именно потому, что он здесь существовал, Патриарх и пришел!

Пути спадают

Изначально в душе каждого человека запряжано сокровище, но боюсь, в мире найдется не-

много людей, понимающих это. Бодхидхарма не мог спокойно наблюдать за такой пустующей сокровищницей, а поэтому, не считая дальним путем в тысячи ли, пришел сюда, дабы раскопать эти драгоценности.

Если ты ясно понимаешь, что надо действовать, — действуй, это и будет проявлением мудрости. Если же ясно понимаешь, что действовать не стоит, но при этом все равно действуешь — то как можно расценить это?

Примечание

Яошань Вэйянь (VIII в.) обучался у великого чаньского наставника Мацзу Даои (709—788) в провинции Цзянси.

Речь идет о приходе индийского миссионера Бодхидхармы в Китай в начале VI века, чтобы распространить учение о созерцании. Поскольку Чань — это не только само учение о созерцании, но особое состояние сознания, не связанное с конкретным учителем или проповедью, то он существует везде и изначально, вопрос заключается лишь в том, чтобы проявить его, — в

этом смысл заключительной фразы: «Именно потому, что он здесь существовал, Патриарх и пришел».

Уж лучше спать, вытянув ноги

Приход созерцания

Однажды один монах-ученик пришел в школу к наставнику Шаньхуэю. Ученик решил обсудить вопрос, почему учителя и патриархи прошлых поколений считали, что в духовной практике нельзя опираться на письмена — как же тогда можно обучать вне слов? Шаньхуэй сказал:

— Три года ничего не ел — и сегодня в мире уже не найдется голодного человека!

— Если уже не найдется ни одного голодного человека, так почему же я не прозрел? — спросил ученик.

Шаньхуэй сказал:

— Да потому, что твои блуждания в учении о просветлении окончательно сбили тебя с дороги!

А затем произнес четверостишие-гатху:
Коль светом озарен давно,
Нет надобности в учении о просветлении —
Лишь путает людей оно!
Уж лучше, вытянув ноги, спокойно спать,
Ни ложного, ни истинного здесь
не сыскать!

Пути спадают

Блуждая в рассуждениях о смысле учения о просветлении, в конце концов обязательно окончательно заблудишься, а вот просветляясь даже в неверных способах, обязательно достигнешь просветления. Как связаны между собой тот человек, что уже пробудился, с тем, который только что пребывал во снах? Именно этому особому методу объяснений и следуют чаньские наставники.

Вот перед нами человек, который доселе ничего не знал, а затем постепенно открывает это для себя — не правда ли, сколь поразительна эта трансформация?

Примечание

Вопрос ученика, с которым он пришел к Шаньхуэю, связан с одним из четырех важнейших постулатов Чань — «Не опираться на письменна» («бу ли вэнь цзы») в передаче учения. Хотя Чань не отрицает чтения сутр и других текстов, само учение передается только от «сердца к сердцу» в виде устных наставлений. Некоторые учителя шли еще дальше, считая, что объяснения лишь путают людей, давая им ложные установки, а поэтому отказывались напрямую объяснить «учение о просветлении»: различными косвенными методами они наталкивали ученика на внутреннее озарение.

Очисти мой взор!

Приход созерцания

Наставник Юньянь только-только закончил делать себе соломенные сандалии, когда к нему пришел его ученик монах Дуншань.

— Ученик хочет попросить своего учителя даровать ему чистейший взор, но не знаю, можно ли это?

— Ну а ты сам кому даруешь его? — спросил Юньянь.

— Так у меня самого взор еще не очищен! — признался Дуншань.

— Если это так, то где же обретешь убежище? Дуншань ничего не ответил.

— Ну, а приходит с просьбой очистить взор — это и есть признак чистейшего взора? — вновь спросил Юньянь.

— Нет, нет, не это очищенный взор!

— У-у-у! — громко крикнул Юньянь.

Пути спасают

Глазами мы можем видеть внешние формы вещей, а вот взором сердца можем прозреть сущность всего. То, чего искал Дуншань, — неужели это относится лишь к глазам?

Наши глаза, когда чисты, могут видеть великое, но когда сердце чисто, то может узреть даже совсем малое.

Почитание Будды не имеет канонов

Приход созерцания

Зимней ночью в лютый мороз нищий, дрожа от холода, постучался в хижину к наставнику Жунси и со слезами на глазах рассказал, что у его жены и детей нет даже теплой одежды, а зерна осталось совсем немного — они вот-вот умрут либо от голода, либо от холода.

Монах пожалел бедняка, но у него не было ни денег, ни еды. Как же помочь ему? Подумав немного, он дал нищему золотую фольгу, предназначенную для статуи Будды, и сказал: «Возьми золотую фольгу и обменяй ее на деньги — это тебе поможет!»

Ученики, узнав о таком поступке, были в полном недоумении:

— Этой фольгой золотят статую Будды, разве можно было ее просто так отдать какому-то человеку?

— Возможно, вы меня не поймете, — спокойно ответил монах, — но именно из-за своего большого почтения к Будде я поступил именно так.

— Подарить позолоту для статуи Будды какому-то человеку — разве это можно назвать почтением к Будде? — не согласившись с монахом, дружно загалдели ученики.

— Как-то в одном из перерождений Будда отдал себя на съедение орлу и тигру, чтобы спасти этих животных, да и других людей. Вот именно так он служил всему живому! Так познали ли вы суть самого Будды? — добродушно укорил их монах.

И в этот момент ученики поняли, что поступок их учителя полностью соответствует самой сути Будды.

Пути спадают

Богатства нужны лишь для того, чтобы они служили людям. Да зачем вообще нужна тебе золотая фольга, если она может спасти других. Ну а сами Будды всех трех миров разве нуждаются в деньгах и богатстве?

В чашке с чаем есть и Небо, и Земля

Приход созерцания

Чаньский наставник Цзишань Чжан, когда еще был простым бродячим монахом, как-то в зале у наставника Тоцзы разжигал очаг. Однажды, когда Чжан только-только закончил разводить огонь, в монастырский зал вошел наставник Тоцзы и попросил его приготовить чай. А затем наставник Тоцзы, отхлебывая чай, завел беседу:

— Что это за чашка с чаем?

— Здесь заключены мириады вещей и явлений! — поднимая обеими руками чашку с чаем, сказал наставник Чжан.

— Даже если отхлебнуть хотя бы один глоток? — поинтересовался Тоцзы.

Наставник Чжан начал разбрызгивать чай во все стороны и спросил:

— Ну и где же здесь заключены мириады вещей и явлений?

— Можно запутаться даже в чашке с чаем! — заметил Тоцзы.

— Так это все же только чашка с чаем? — спросил наставник Чжан.

— Хотя это только чашка с чаем, все мириады существ содержатся именно в ней.

Наставник Чжан не нашелся что ответить.

Пути спадают

Хоть чашка с чаем и мала, она может вместить и Небо, и Землю. Наше сердце, хотя и мало, может вместить в себя все мириады вещей и явлений этого мира. Так разве смысл в самом чае?

Восклицание «Здесь заключены мириады вещей и явлений!» — непосредственно указывает на твое сердце.

А вот вопрос «Так в каком же месте заключены мириады вещей и явлений?» лишь отдаляет тебя от твоего сердца.

Вопрос «А если отхлебнуть всего один глоток?» указывает на его использование. Но вот фраза «Наставник Чжан начал разбрызгивать

чай во все стороны» — это и есть отдаление от данного использования. Ведь даже одна чашка с чаем может выявить самое утонченно-сокровенное в нас, поистине она может заставить человека широко открыть глаза на весь мир.

Истинный интерес к жизни заключен в стремительном движении самой сути Чань. Богатство и содержательность человеческого сердца целиком заключены в полноте и целостности духа. Не так ли?

Пагода без зазоров

Приход созерцания

Два монаха жили в одном храме, но очень редко встречались друг с другом.

И вот однажды встретившись, монах, который жил на верхнем этаже храма, спросил монаха, который жил на нижнем этаже:

— Мы давно не виделись. Хотел бы знать, чем сейчас ты занимаешься?

— Я занят тем, что строю круглую без единого зазора пагоду, — ответил монах с нижнего этажа.

— О, и я как раз подумывал построить такую же пагоду без зазоров, — радостно сказал монах с верхнего этажа. — Могу ли я посмотреть на твою пагоду?

— Ох, как неудачно! — воскликнул монах с нижнего этажа. — Что же ты мне раньше не сказал? Мою пагоду могут позаимствовать другие люди!

— Не страшно, — уверенно сказал монах с верхнего этажа. — Достаточно, что ты позволишь одному мне посмотреть на нее!

Пути спасают

«Достаточно, что ты позволишь одному мне посмотреть на нее!» Исток уверенности в себе чаньского последователя лежит в устойчивости чаньского сердца. Эта самоприрода чаньского сердца, что не имеет изъянов и недостатков, — не является ли истоком сооружения пагоды, что без швов.

Ну а в обычной жизни — разве не так? Если внимательно вдуматься, то твоя уверенность в себе приходит именно из познания собственного сердца.

Примечание

«Пагода без зазоров» — особый тип пагоды: абсолютно круглой, без острых углов, без зазоров и швов (уфэн та). Сооружение такой пагоды было весьма сложным делом и считалось, что человек только в чистом и спокойном состоянии сознания может сделать ее.

Чему последует он: уйти или остаться?

Приход созерцания

Жил при династии Поздняя Тан монах Баофу. Но вот пришла ему пора отойти в мир иной, он собрал всю общину и обратился к ней:

— Силы мои уже на исходе, думаю, что настало время мне умирать.

Ученики и духовные последователи монаха, услышав это, принялись наперебой переубеждать его: «Ваше священное тело еще полно сил!», «Ваши ученики еще так нуждаются в Ваших наставлениях», «Наставник должен жить вечно, чтобы нести людям свет учения Чань».

Но тут из толпы вышел один ученик и сказал:

— Если срок уже пришел, что для Вас будет лучше — уйти или остаться?

— А как ты сам считаешь лучше поступить? — спокойным и ровным голосом спросил наставник Баофу.

— Жить или умереть — и то, и другое хорошо. Мне все равно, останетесь Вы жить или умрете. Это должны решить Вы. Если позволить всему происходить в соответствии с обстоятельствами, то сейчас лучше уйти, — кротко ответил ученик.

— Даже не знаю, как ты мог заранее подслушать то, что хотело сказать мое сердце, — рассмеялся монах.

С этими словами, он сложив руки на груди, отошел в нирвану.

Пути спадают

«Жизнь — прекрасна, а смерть — ужасна» — сколь банально это изречение! А вот «не рождаться и не умирать» — уточненная чаньская мудрость.

Чаньский путь заключается в том, чтобы, не отбрасывая ни жизнь, ни смерть, преодолевать и то, и другое. Люди, стоящие на пути просветления, самыми разными способами доказывают это. А поэтому, лицом к лицу сталкиваясь со смертью, они продолжают пребывать в покое и отсутствии волнений, чего не скажешь об обычных людях.

А ведь и в каждом из нас тоже есть хотя бы часть того мудрого сердца, что дает чаньское просветление, мы лишь очень привязаны к этому миру.

Изначально есть лишь единое сердце

Приход созерцания

Чаньский наставник Удэн после того, как получил тайную передачу и полную инициацию, стал настоятелем монастыря Дашусы — «Великой нирваны» в городе Учане.

Однажды, когда община собралась на проповедь, настоятель попросил всех успокоиться, а затем спросил:

— Покой — это наступление тишины. Так куда же сейчас ушли все звуки?

Со своего места поднялся один монах и указал пальцем себе на голову. Настоятель сказал: «Берегите себя!»

На следующий день этот же монах пришел в келью настоятеля за личными наставлениями. Наставник Удэн, увидев, что он пришел, развернулся лицом к стене и, сквозь зубы, произнес:

— Мне, старому монаху, уже два-три дня как нездоровится, если есть здесь рядом со мной —

«Великой добродетелью» — какое-нибудь лекарство, дай немного его мне.

Монах увидел, что у изголовья кровати настоятеля стоит какой-то чистый пузырек. Похлопав рукой по пузырьку, он спросил:

— Откуда появился этот пузырек?

— Он принадлежит старому монаху, а где тот, что принадлежит «Великой добродетели»?

— Он принадлежит Вам, он принадлежит мне!

Пути спадают

«Он принадлежит Вам, он принадлежит мне». Изначальное сердце всех людей — едино, оно одинаково у монаха, и у меня. Так как же два могут быть не одинаковыми?

Примечание

Когда монах показал себе рукой на голову в ответ на вопрос учителя «Куда ушли все звуки?», он продемонстрировал, что сам по себе вопрос может привести к двойственности сознания: если звуки действительно ушли, то они где-то сейчас

есть, в то время как они исчезли. Удэн решил перепроверить понимание монаха.

Удэн здесь играет терминами, которые обозначают чаньского учителя. «Старый монах» (лаосэн) — уважительное обращение к настоятелю или к старым монахам монастыря. «Великая добродетель» (кит. дадэ, санскр. бхаданта) первоначально было одним из обозначений Будды, а в китайских школах стало вообще применяться к монахам. Наставник Удэн, как и принято в буддийской традиции в Китае, говорит о себе в третьем лице, а затем показывает монаху всю искусственность таких словесных приемов.

Лик сохранится в сердце

Приход созерцания

Чаньский наставник Юйцзи пред тем, как покинуть этот мир, собрал всех своих учеников и обратился к ним:

— Может ли кто-нибудь здесь нарисовать мой портрет?

Ученики повскакивали со своих мест, бросились искать кисти и разводить тушь, а затем принесли наставнику портреты, что они написали. Но наставник Юйцзи, глядя на рисунки, только недовольно качал головой: ни один портрет не мог выразить смысл его сердца.

В этот момент монах по имени Пухуа встал со своего места и сказал:

— Я могу нарисовать портрет!

— Если можешь, — сказал наставник, — почему же не нарисуешь, чтобы я мог его оценить?

Пухуа же, услышав это, резко повернулся и вышел из зала. А наставник, рассмеявшись, сказал:

— Этот парень ушел столь же безумно, как и пришел!

Сказав это, он отошел в нирвану.

Пути спадают

Способный понять наверняка одобрит такое поведение, но еще больше смысла это принесет,

если мы избавимся от заурядного восхищения и посмотрим на сам смысл произошедшего.

И был ли смысл заставлять учеников рисовать портрет, когда у настоящего наставника нет постоянного лика?! Его лик — это и есть изображение Чань, а суть его — пустота! Хорошо, что Пухуа не поддался на уловку учителя, всем своим поведением показав бессмысленность его затеи, но сохранив лик наставника в сердце. И как же плохо, что во всей общине он нашелся лишь один такой!

Обычному человеку, который не обладает подобной чаньской мудростью, сложно обрести в современной жизни уверенность и достичь успеха в делах. Если было бы возможным позволить современным людям чуть больше постигнуть чаньскую мудрость и взгляд на мир, насколько бы больше вершилось добрых дел!

ОГЛАВЛЕНИЕ

■ ЧАНЬСКИЕ РЕЧЕНИЯ: ПРОБУЖДАЮЩИЕ ГОЛОСА.....3

<i>Достаточно лишь тени от плетки!</i>	<i>3</i>
<i>«Созерцая свое сердце, стать Буддой»</i>	<i>15</i>
<i>Собрания чаньских речений: эхо шагов мастеров.....</i>	<i>35</i>
<i>Во всем повинуйся судьбе.....</i>	<i>61</i>

■ СОЗЕРЦАНИЕ ПРИШЛО — И ПУТЫ ТОТЧАС СПАЛИ

<i>Упрек вора</i>	<i>65</i>
<i>Давно отпустил ее</i>	<i>66</i>
<i>Изначально это — твоё.....</i>	<i>68</i>
<i>Твой завтрак остыл</i>	<i>72</i>
<i>Оставь это!</i>	<i>73</i>

Путь в один конец	75
Тигры, что живут здесь.....	79
Стоит ли гневаться из-за орхидей?	82
Люди, что подобны птицам.....	83
Нет времени стареть	87
Мотыга, которую нельзя унести	88
Неторопливое созерцание.....	92
Вкус горькой тыквы.....	95
Переполненное сердце.....	96
Кто знает твой истинный облик?	98
Обладает ли собака природой Будды.....	100
Вне мыслей и рассуждений.....	103
И едят несовершенно, и спят неспокойно	105
Проведенное с пользой время	106
Чтение сутр, что похоже на плач	108
Разбитое зеркало.....	110
Созерцание при ясной луне.....	113
Танцующий архат.....	114
Синие сливы	117
Око пронзает все тело!	121
Ночью поднялся сильный ветер.....	123
Смышленный монах	124

Привести водного буйвола помыться	127
Как вытащить гуся из кувшина	128
Нарисованный круг	131
Монах, что обрел главное	132
Беспокойство Будды.....	136
Такова эта пустота	139
Чаньский наставник продает масло.....	141
Поведение великого мудреца.....	144
Наступи на мою голову	148
Слушая звуки гор и долин	149
Кто связал тебя?	151
Под дождем.....	153
Кости, обернутые кожей	157
Жемчужина высшей пробы.....	159
Где же Путь?	160
Груз на душе	162
Странствовать меж рек и озер	164
Откуда ты пришел?.....	168
Монах Данься сжигает Будду.....	171
Разговор о буддизме за чаем	173
Вне слов.....	177
Всеобъемлющий свет	179
Где находится Будда?	181

Чань одного пальца	184
Чань отрубленного пальца	186
Ущербное тело и полноценная душа	188
Через боль посмотреть на полет диких уток	190
Скользкий путь по камням	194
Наставник-грубиян	197
Чань старого лиса	199
Наставления Будды	204
Каллиграфия чаньского наставника	206
Метаморфозы того, кто тащит гроб за собой	208
Как монах стал отцом	212
Дружба с тиграми и барсами	214
Чай вне размышлений	216
Искать огонь в печи	218
Вопрос о сладких лепешках	222
Он не далек от Будды	225
Форма и есть пустота	227
Негостеприимный хозяин	231
Утром услышать, а вечером умереть	233
Не посрамил звания послушника	236
Истинное и ложное	239

И у меня есть язык!	241
Счастье в преисподней	244
О счастье и страдании	248
Пустой дом	250
Сокровищница, что запрятана у тебя дома	252
То, что превосходит естественность	257
Руки не заняты делом	259
Живая природа птицы	261
Сила похвалы	263
В пустоте не смотать нить	266
Не найдя выхода	268
Этого достаточно?	271
Жизнь в ликовании	274
Цветы, что схожи с буддийскими песнопениями	276
Пустоту не перелететь	278
И у безвкусного свой вкус!	281
Неверие и есть высшая истина!	283
Осыпать небесными цветами	292
Отрубленная голова упала наземь	294
Тело, не подверженное болезням	296

<i>Шелковинка, на которую даже вещь не повесить</i>	<i>298</i>
<i>Приход, уход — всего лишь заблуждение</i>	<i>303</i>
<i>Внешнее и внутреннее в школе Чань</i>	<i>304</i>
<i>Где найти место, чтобы присесть</i>	<i>308</i>
<i>Утренний колокол, пробуждающий от заблуждений.....</i>	<i>312</i>
<i>Стоит ли сидеть в созерцании?.....</i>	<i>314</i>
<i>Здесь нет прислуги</i>	<i>317</i>
<i>Предначертание и случай</i>	<i>321</i>
<i>Уж лучше спать, вытянув ноги</i>	<i>324</i>
<i>Очисти мой взор!</i>	<i>326</i>
<i>Почитание Будды не имеет канонов</i>	<i>329</i>
<i>В чашке с чаем есть и Небо, и Земля.....</i>	<i>331</i>
<i>Пагода без зазоров.....</i>	<i>333</i>
<i>Чему последует он: уйти или остаться?</i>	<i>335</i>
<i>Изначально есть лишь единое сердце</i>	<i>338</i>
<i>Лик сохранится в сердце.....</i>	<i>340</i>

Научно-популярное издание

Маслов Алексей Александрович
Логинова Евгения Сергеевна

ЛУЧШИЕ ПРИТЧИ ДЗЭН

ОБЫЧНЫЕ ИСТОРИИ
О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ

Директор издательства *Евгений Порогер*
Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*
Редактор *Дарья Свешишникова*
Компьютерная верстка *Ольги Севрюгиной*
Корректор *Игорь Радковский-Гадеев*

ООО «Неоглори»
350000, г. Краснодар, ул. Красная, 160, тел.: (8612) 51-66-90
e-mail: info@kwonmaster.ru

ООО «Феникс», 344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80
Тел.: (863) 261-89-50, e-mail: office@phoenixrostov.ru
www.phoenixrostov.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.05.2009 г.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Academy». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 2726

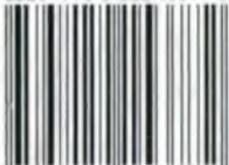
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ООО «Кубаньпечать»
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.

Как достичь просветления благодаря лишь одному слову? А благодаря молчанию? Для озарения мудростью не надо сложных методик — достаточно лишь успокоить свое сердце, очистить сознание и... оказаться рядом с достойным наставником. Именно в этом суть знаменитого восточного учения Дзэн (Чань).

Книга представляет собой сборник лучших средневековых притч и рассказов о китайских мастерах Чань-буддизма, вошедших во многие классические произведения: «Застава без врат», «Записи о передаче светильника», «Речения с Лазурного утеса», «Престольная сутра Шестого патриарха». Издание также включает в себя рассказ об истории становления жанра чаньских речений «юйлу» и «парадоксальных диалогов» — коанов (гуньяней), о способах тренировки сознания дзэнских монахов.

 ЕНИКС

ISBN 978-5-222-15377-2

9 785222 153772